

Вещь

1(31)/2025

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Поэзия

Виталий Зимаков

Проза

Константин Духонин

Драматургия

Алексей Житковский

Критика

Сергей Сигерсон

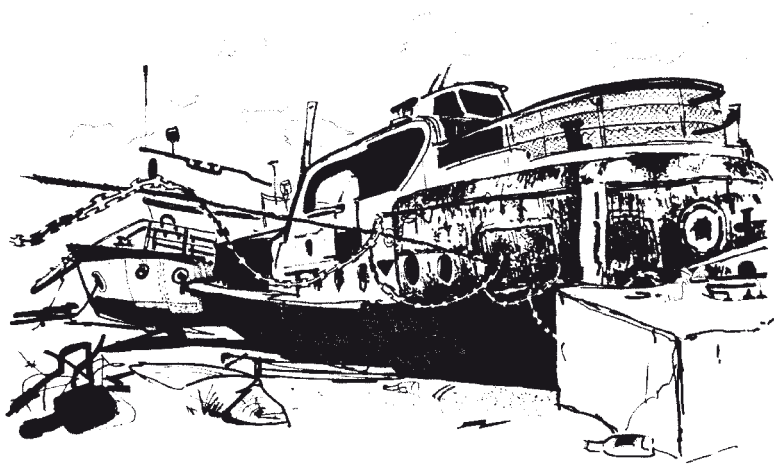

Вещь

1(31)/2025

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

18+

- 3 .....**Виталий Зимаков** *На стороне Гарольда Смита (стихи)*
- 5 .....**Владимир Кочнев** *Разжигайло, Юдифь (два рассказа)*
- 12 .....**Андрей Подушкин, Вадим Балабан, Игорь Бобырев, Андрей Чукашин, Полина Потапова** *Твердые сорта времени (пять поэтов книжного издательства «Поэзия»)*
- 17 .....**Константин Духонин** *Меня зовут Икотка (повесть)*
- 60 .....**Алексей Житковский** *Дверь (пьеса)*
- 80 .....**Андрей Сухоруков** *Стихи о пастухе и море (поэма)*
- 84 .....**Дмитрий Игнатов** *Когда он вернулся (рассказ)*
- 89 .....**Катерина Гашева** *Рыба-кит с красными глазами и белой чешуёй (стихи)*
- 93 .....**Евгения Гордина** *Большая клетчатая сумка (рассказ)*
- 99 .....**Сергей Имис** *Где не музыка уже (стихи)*
- 101 .....**Сергей Сигерсон** *Космонавтов очень жалко (о культуре Дмитрия Долматова)*
- 106 .....**Юлия Баталина, Андрей Мансветов, Андрей Пермяков, Татьяна Бонч-Осмоловская** *о книгах Михаила Шаламова «Форт в лазури», Антона Бахарева «Смультронстеллар», Алексея Иванова «Вегетация», СКК «Эзотопы» и «Время Сомы» (рецензии)*
- 119 .....**Авторы номера**

Виталий Зимаков

На стороне Гарольда Смита

***

вчера у выхода на бауманской
записал в заметки:
«скотобойня отслаивалась от стен
бернхард не *****
и нам не велел»
все эти дни шатался у зверевского
с бетоном бернахарда в кармане
переслушивая виолончельный элгара
когда наконец затыкался
и не портил титульки своего леса
стоило выпустить книжку
хотя бы ради вчерашнего чтения
около часа ночи между водниками
и хлебниково
электричка встала над каналом
жаклин закончила свою партию
дымок стелился над остатками яхт-клуба

***

не ты ли приехал в даргавский некрополь
чтоб побывать там где была аннемари
ну так и не о чем говорить
резной кустарник вместо капеллана
расцвёл соцветиями паутины
словно лес слоистой дымкой
в метре над землёй
и прямо до хвойных зазубрин
разбрасывая станционным чайкам
и собакам
гекзаметры на мёртвом языке
потому что других записей голоса
не осталось

***

груженные снегом вагоны
 ретеллинг увечья адорно
 в новой рабочей робе
 кипарис клонится к сугробу
 погрузка продолжилась ночью
 девятого апреля перечислением
 того что было забыто
 за указателем с названием лесничества
 на стороне гарольда смита

***

просвет среди двухсотых
 коннотаций идентичности
 это не просто один из тысячи фонтанов
 это именно горящий фонтан пьёт твой кофе
 в твоём излюбленном книжном
 к запаху привыкаешь
 тем более в аптекарском огороде
 расцвела мелкопильчатая вишня

***

не следует что облако светлело в цвет
 рациона чешуйчатой обугленности
 удалённых сред
 развалившись в сохнувшей рыбачьей лодке
 под звуки вечернего хурала с ближайших
 скал
 с книжных стеллажей — через всю комнату —
 на шкаф
 прыгает кошка названная в честь теннесси
 чью пьесу
 читал весной двенадцатого когда она
 подошла ко мне
 темнеет реет лесным окном облако-лодка
 в дом
 перемещающийся вместе с тобой и одной
 обезображенной улицей

Владимир Кочнев

Разжигайло

Петр Разжигайло был подпольным миллионером. Он разбогател на дешевых поддельных смартфонах, которые выдавал за настоящие. Закупая их в Китае, Разжигайло сбывал их потом через магазины и ларьки в небольших российских городках. Смартфоны сначала работали, а потом ломались, но Разжигайло это не волновало, он был знаком с нужными людьми и регулярно отсылал «подарки» наверх.

Еще он поставлял не прошедшую должной проверки воду в киоски «Вода-алтакс». Вода как вода, из скважины по соседству с бывшим полигоном, но пить можно. Деньги, когда умеешь, можно делать из воздуха.

В юности Разжигайло, выходцу из далекой деревни, хотелось стать кем-то большим и значительным. Но теперь Разжигайло видел себя скорее маленьким мальчиком, идущим

по полю с ромашками, а не грузным и седеющим. И если бы кто-то сказал тогда, какой большой путь ему предстоит пройти, он бы, скорее всего, плюнул и не стал ничего делать. Так бы и бродил по полю в полукилометре от избы, в которой появился более полувека назад у отца-тракториста и матери-доярки.

Когда число миллионов стало трехзначным, Разжигайло вдруг почувствовал внезапную резкую боль слева и упал. И ни бригада лучших в крае врачей, ни заклинания волосатого, похожего на смесь рок-звезды и бомжа, сибирского шамана с бубном — экстрасенса-целителя, которого всегда держали на всякий подобный случай в компании Разжигайло (он, как многие, верил в заговоры и ритуалы), дела не изменили.

Разжигайло парализовало на левую часть тела — рука, нога, лицо. Он мог теперь лежать

и едва поворачивать головой, с трудом говорить, ну и кататься на специальном кресле, которым управлял с помощью двух пальцев правой руки.

Кататься было особо некуда, и пришлось срочно переоборудовать и достраивать этаж, а также запланировать специальный лифт и дворовую площадку, но, видимо, это было бессмысленно. Разжигайло становилось всё хуже.

Врачи его ободряли, но Разжигайло позвал для консультации одного знакомого профессора, которому платил за откровенность. Побеседовав с ним, он понял, что дело дрянь. Да и сам он чувствовал, что за плечом чуть слева сгущается черная, незримая тень. Он ощущал ее затылком, спиной и правым ухом. Тень то становилась плотной и горячей, словно человеческое тело, грозящее навалиться, обнять и раздавить, то почти исчезала. Разжигайло чувствовал, что срок его жизни истекает. И с этим надо было что-то решать.

Последние годы огромная печаль лежала на нем тяжелым грузом. Большие люди, может, добиваются большого, но платят за это огромным напряжением сил и здоровья, постоянной готовностью реагировать на всевозможные события и риском принятия решений.

Жизнь такого человека, как Разжигайло, походила в его собственном представлении на игру, в которую играл его младший внук — про бой субмарин. Как на подводной лодке, реагировать надо мгновенно и сразу, стрелять и уворачиваться, а еще и рисковать, действуя скорее интуитивно, чем рационально. Но те, кто принимал слабые решения в этой игре, шли сразу на дно, в утиль.

Две трети друзей и знакомых бизнесменов Разжигайло отбывали различной продолжительности сроки в тюрьмах. И лишь он звериным чутьем выходил на нужных людей, завязывал связи, находил покровителей и уходил, отрешившись от ненужных.

Можно было бы, конечно, радоваться, что оказался такой живучий, но когда остаешься один, становится как-то грустно.

Эту печаль Разжигайло никак не мог у себя вылечить. В жизни у него было всё, но что ему

было по-настоящему нужно, он не понимал. Отвлекала разве что та самая деятельность, которая и сводила в могилу, — когда что-то делаешь, забываешь напрочь о себе.

И вот теперь, когда Разжигайло лежал парализованный, у него наконец было время поразмыслить. Политика его не интересовала. Он лежал в своей комнате, смотрел в потолок и думал. Его беспокоили воспоминания — самые ранние, неправдоподобно красочные, нежные и трогательные. Вот он ходит по деревне в одних подштанниках, и никому нет до него дела. Вот черпает воду ладонями из корыта во дворе, разглядывая свое смеющееся отражение. Вот ест жареную картошку со сковородки. Все это еще до того, как он разовьет в себе комплекс неполноценности и будет прорываться вперед, двигаясь с бешеной скоростью, но пока никаких дел нет и он странно счастлив.

А в детстве они часто с пацанами играли в футбол на заросшей лужайке. Мячик нередко падал в траву, и было прикольно его искать в густой траве среди стрекота сверчков, иногда прячась от остальных, и было очень весело!

Разжигайло прожгло изнутри! Вот чего он хотел — поиграть на лужайке в футбол! Желание было таким простым и нелепым! Если бы мог, Разжигайло рассмеялся бы во все горло. Проблема была только в том, что он не мог ходить. Мог взять частный самолет и полететь в Европу, Америку, Африку и на Гималаи, а вот в футбол поиграть — нет.

Мог вызвать почти любой красоты женщину. Мог съесть крокодила, обезьяну, летучую мышь. Открыть стадион. Посадить парк деревьев, и даже легион глиняных солдат зарыть в яму, как император Цинь Шихуанди. Мог человека убить: свистни — и привезут, и на части разрежут. А вот поиграть в футбол — нет.

Разжигайло зашевелился и позвал Антона. Дворецкий выглядел печальным. Разжигайло вытащил его из студенческой общаги. Антон учился на психолога и играл в баскетбольной команде. Его отличала энергия, добродушие и способность угадывать мельчайшие желания людей.

Антон ухаживал за Разжигайло, выполняя функции пресс-секретаря, дворецкого, домашнего психолога, собеседника, приемного сына и повара. Антону нравилось у Разжигайло. Но он боялся, что, когда Разжигайло отчалит, ему придется искать новую работу. Разжигайло чувствовал этот страх. Он не был жадным. С его стола перепало много. А вот теперь он уйдет, и что дальше?

— Где у нас телефон? — спросил Разжигайло. — Михалычу надо позвонить.

— Зачем?

— Да был у него контакт одного индуса, который карму снимает. Помнишь, разговаривали с ним об этом?

— Аркадий Петрович, опять шарлатаны всякие, только и знают, что деньги высасывают!

— Тихо! — захрипел Разжигайло.

Он хотел, но не мог сказать Антону главного: когда времени жизни остается всего ничего — неважно, кто шарлатан, а кто нет. Даже если шансы меньше процента, их надо использовать.

Антон вызвонил Михалыча, потом индуса. Через два дня тот прибыл — темный, хитрый, похожий на цыгана, но благородней лицом и осанкой. Антон с любопытством и скепсисом смотрел на него. Индус был носатый, со сложным, как бы собранным из треугольников и кубиков лицом, с широкими скулами, улыбочивыми, как края лука, губами и в белой одежде. Он прошел в зал, сел за стол и кивнул.

Антон предпочел бы уйти, но он нужен был как переводчик.

— Сколько стоят ваши услуги? — спросил Разжигайло.

Антон понимал Разжигайло с полуслова, читал мимику, разбирая отдельные звуки, перемежаемые мычанием, следил за зрачками и подрагиваниями пальцев — и переводил на английский.

Индус пожевал губами, чуть-чуть наклонился.

— Санса-чакрика стоит триста тысяч. Деньги начинают приходиться легко, очищаясь от кармических следствий.

Он немного помолчал и сказал другое.

— Но вас, как я понимаю, это уже не интересует?

— Верно, — прохрипел Разжигайло.

— Меня интересует то, что будет со мной после смерти. Ведь там что-то будет?

Индус снова как-то двинулся вперед, чуть склонившись.

— Это мудрое желание. Есть много областей, в которые может угодить ваша душа. Есть небытие. Есть адские области. Есть новое перерождение. Есть райские планеты и духовный мир. Везде, кроме ада и нового рождения, намного лучше, чем здесь, в случае небытия...

Индус хотел рассказать подробно, но Разжигайло вскинул правую ладонь.

— Я хочу, — сказал он, — снова стать маленьким мальчиком и играть в футбол на зеленой траве...

Индус засмеялся, обнажая желтые зубы. Смех его был тонким, нервным, как у девушки. Антону было противно смотреть, как он смеется. Разжигайло ждал.

Индус замолчал.

— Я могу, — сказал он, — попробовать создать твою собственную планету. Ты окажешься там и будешь играть во что хочешь. Но это будет не навсегда, на несколько тысяч лет, а потом пойдешь своим путем.

Разжигайло замолчал, а потом произнес:

— Сколько это будет стоить?

Индус достал металлический шар на цепочке. Приблизил к Разжигайло и стал качать маятник. Это продолжалось минуты три.

И как он ведется на эту чушь, подумал Антон про Разжигайло.

— Ты обманул много людей! — сказал индус. — Правда, хорошо, что никого не убил, и даже тратил деньги на благотворительность... Половину твоего состояния!

Единственный глаз смотрел в упор на индуса, а правая часть губ слабо улыбнулась. Зрачок был черный, подрагивающий и как бы выпукло заостренный, как наконечник мягкого копья. Индус взглянул в него и застыл на месте. Слова застряли в горле.словно воронка, зрачок притянул индуса, втянул в себя и выплюнул в иную вселенную, где пространство было зыбким, все формы теряли очертания, переходя из одного в другого, и плавали, мешаясь, образы, звуки и чувства.

В этом мире и плавали мысли Разжигайло. Тут было всё: отчаяние, насмешка, чувство своей власти и превосходства. И смерть самого индуса, которого распиливали на части, а мясо скармливали свиньям на свиноферме деревни Куйки. И еще была космическая черная бездна, в которой нет звезд, потому что они давно погасли, как фонари на темной тюменской улице.

Индус вздрогнул и отшатнулся. Странная личность, подумал он, столько всего в одной голове! Посмотреть бы, кем он был в прошлых жизнях, а впрочем, времени нет. Он почувствовал себя астероидом, сгорающим в атмосфере планеты. Индус зашептал защитные мантры, и скоро всё снова встало на место. Комната была комнатой, инвалид в кресле инвалидом в кресле, а он — индусом, пришедшим сюда провести обряд.

Разжигайло всё так же слегка улыбался.

— Ммм... — пожевал губами индус.

— Согласен! — сказал Разжигайло губами Антона.

Индус пришел на следующий день, принес зерно, книжечку с мантрами, благовония и мешочек с различным содержимым. Вместе с ним пришли еще трое молчаливых и сосредоточенных соплеменников. Индус сказал, что они будут ему помогать.

Он начертил на теле Разжигайло красной глиной разные знаки непонятного содержания и побрызгал водой. Велел развести костер во дворе. Привезли туда Разжигайло. Потом индус сел и стал бросать зерна в огонь, шепча мантры. Потом сделал знак соплеменникам, и те стали петь.

Разжигайло смотрел на обряд, замирая. Его бросало то в жар, то в холод. Вчера ему

было совсем плохо и он думал, что умрет. А сейчас ему казалось, что его вытягивают прочь из тела, словно гнилой зуб из челюсти. От этого было странно и дурно, словно его вот-вот вырвет самим собой или собственным телом. Обряд продолжался долго.

Похолодало. Антон принес теплый плед и укрыл Разжигайло. Закапал дождь.

Разжигайло мерз всё сильнее, и это не было связано с дождем. Он снова вспоминал прошлое. «А что если...» — подумал он.

Внезапно всё кончилось.

— Это всё, что ли? — спросил Разжигайло.

Ему никто не ответил.

— Это всё, нет?

Ему показалось, что индус кивнул, но не ему, а кому-то другому.

Потом подошел и двумя черными пальцами надавил на веки. Но веки не закрылись, а пальцы как бы прошли мимо, сквозь них. Разжигайло вскрикнул от страха, но боли не было. Тогда он сам закрыл глаза. А когда открыл их, увидел себя в бескрайнем зеленом поле и вдали коричневые уголки ветхих крыш. Тело было легким и быстрым, никакой печали внутри.

Рядом стоял мальчик из соседнего дома. Под его ногой был мяч.

— Смотри, — протянул он черный, плотный прямоугольник с блестящим экраном, — какой мне родители смартфон купили! Классный! Только всё время глючит!

Улыбка с лица мальчика внезапно пропала, словно он понял про Разжигайло что-то нехорошее.

— Нафиг мне твой смартфон! Пошли в футбол играть!

Разжигайло ловко выбил мяч из-под ноги мальчика — и побежал за ним следом.

Юдифь

Валерий Иванович был плохим художником. Он сам так думал. Так думали и его коллеги, и даже ученики. Если бы его спросили, как он стал живописцем, он бы,

наверное, не ответил. Все сложилось само собой. Конечно, в детстве он обожал рисовать. Еще в детдоме вместе с любимой учительницей, бывшей ему и матерью, и старшей

сестрой, просматривая альбом, ткнул пальцем в одну из картин и закричал так громко, что задребезжала ложка в чашечке на столе: «Вот! Этим хочу заниматься!» Конечно, он поступил в художественное училище в Кирове — одно из сильнейших в Союзе. Конечно, проводил часы с карандашом и кистью перед мольбертом.

Всё было так. Тем не менее спроси его сейчас, «зачем» — он бы задумался...

Всё потускнело в памяти — и смысл, и цель. Теперь он не знал, кем и чем был.

После детдома отслужил в армии. Учился, рисовал, искал себя, женился, завел дочь, развелся, пережил Перестройку, вписался в 90-е. Заработок из маленького стал нищенским. Жена назвала его неудачником и выселила. Жил он в развалюхе под снос, зарабатывал копейки в школе, перебивался с хлеба на индийский чай. Дети были злые, вытягивали все нервы, словно веревки.

Валерий Иванович чувствовал, что проиграл и жизнь уходит. Он старел. Женщины нет, денег нет, перспектив никаких. Конечно, он продолжал и рисовать. Но как-то аляповато и грубо. Как будто совсем разучился.

Но все-таки на какую-то тысячную часть себя он был художником. Ему снились яркие сны: Крым, Сочи, море, качающиеся пальмы, цветные рубашки, загорелые спины красавиц. Снились бело-красные кораблики на фоне лазури и желтого песка, которые у него отлично получались на живописных этюдах — пара таких висела на деревянной, грозящей развалиться, стене его нынешнего дома. Ему снились громадные сосны в Сибири, чайки, прибрежные домики, луга и полянки, снились Париж и Венеция, которые он видел только на картинках, на открытках и репродукциях.

Его голову иногда посещали удивительные идеи. Так, однажды он понял, что писать нужно для новых русских, ведь у них есть деньги! А что любят новые русские? Разборки и кровь! «Напишу сцену из библейского сюжета про Юдифь и Олоферна! Эту картину обязательно купят!» — представил он.

Если идея завладевала Валерием Ивановичем, он не мог думать ни о чем другом. Он

утащил холст из изостудии, в которой преподавал юным художникам, составил план и стал рисовать.

Можно, конечно, было поступить проще и срисовать с уже существующей картины — репродукции Кранаха или Караваджо.

Но Валерий Иванович хотел создать свое самобытное произведение. Ближе по замыслу, конечно, ему был Джорджоне, и композиция соответствовала мысли. В центре — вертикальная надменная фигура Юдифи, и в нижнем левом углу под ее каблуком, точно футбольный мяч, голова поверженного Олоферна.

Он писал в изостудии, когда там никого не было. Со стен на него смотрели портреты мертвых людей и гипсовые слепки с древнегреческих статуй. Почтине слышно стучали часы. Его талант будто снова вернулся к нему. Руки, отвыкшие от работы, не слушались. Болела спина. Тряслись пальцы с желтыми ногтями. Глаза не хотели видеть оттенки, приходилось напрягаться... Только теперь он понял, насколько всё подзабыл. Но картина, кажется, удавалась. В конце концов, ему важна была не техника исполнения, а идея. Он же не Боттичелли. И не для Лувра пишет.

Через две недели Валерий Иванович сделал последний мазок, выпрямил спину и улыбнулся. Получилось так себе. Коллегам смешно показать, но для непрофессионального глаза пойдет.

Он одел холст в раму и отнес работу в магазин.

Пару недель не было никаких вестей. Сперва Валерий Иванович навещал свою работу, любовался и смотрел, как она выглядит со стороны. Наблюдал за реакцией потенциальных покупателей, пытался представить, как ее видят они. Но большинство проходило мимо. Лишь немногие бросали на Юдифь равнодушный взгляд и... шли дальше.

Чем дальше, тем больше видел Валерий Иванович недостатки. В конце концов ему надоело ждать, и поток жизни унес его дальше. Дикая жизнь в школе. Мысли о жене. Чай с нищими коллегами. Макароны, варящиеся на почерневшей электрической плитке. Дешевая тушенка, которую он вываливал в мака-

роны. Желание навестить дочку, мечты найти женщину, которая не требует финансовой заботы и будет его понимать.

В субботу ему позвонили.

— Алло!

— Здравствуйте, Вы Осипенко? Мне понравилась ваша работа «Юдифь с мечом», я готов ее купить!

Голос был сухой и твердый.

«Мужчина, — подумал Валерий Иванович, пытаюсь наугад определить покупателя, — да, мужчина — высокий, накачанный, короткая стрижка, 30–40 лет».

— Но у меня есть условие!

— Условие? Слушаю!

— Не могли бы вы нарисовать конкретное лицо на вашей картине. Ну то есть... да... портрет это называется. Вписать портрет?

Повисла пауза. Он ничего не понимал. Какой портрет? При чем тут портрет? Куда его вписывать? В готовую работу? Нарисовать еще человека на заднем плане? Но зачем?

— Я не понимаю, — наконец сказал он.

«Сумасшедший, — подумал Валерий Иванович, — сейчас положит трубку, и всё».

— Давайте я приеду и объясню, — сказал голос.

— Давайте, — ответил Валерий Иванович.

Договорились встретиться в кафе.

Валерий Иванович оделся, вышел на улицу, из фиолетового неба падали редкие снежинки. Он ходил вперед и назад по улице, разминал ноги. Через полчаса сверкнули фары, во двор заехал черный «Мерседес». Из него вышел высокий, худощавый человек в черном пальто. Он шел деликатно и немного небрежно, как ходят люди, занимающие высокие посты. Валерий Иванович видел таких в мэрии, когда ходил туда в прошлом году. Ему стало неуютно в свой куртке, он поежился, подергал плечами, потер ладони.

Человек подошел, они пожали друг другу руки. Зашли в кафе, падал мелкий снег. Было холодно. В кафе были видны оранжевые фонари и было очень тихо.

Человек заказал себе чай. Ему принесли две белые кружки и маленький носатый чайничек со слоником на боку. Валерий Иванович не хотел ничего заказывать.

— Вот фотография вашей работы, — сказал человек, протянул цветной снимок и покашлял в пухлый кулак с редкими волосинками.

Ему было за сорок, но выглядел он очень хорошо.

— Я хотел бы, чтобы вы нарисовали здесь лицо вот этого человека.

Валерий Иванович заглянул на фото. Обычное лицо с тонким носом, треугольным подбородком, шрамом на правой щеке и серыми глазами. Мужчина на фото явно не знал, что его фотографируют, смотрел куда-то вбок и вниз.

Человек в черном пальто провел ногтем линию под головой Олоферна.

— Вот здесь.

Валерий Иванович поежился.

— Понимаю, — сказал он, облизывая сухие губы. А на деле он ничего не понимал. — Но...

— Мы, видите ли, — улыбнулся человек в черном пальто, — играем с друзьями в интеллектуальную игру, посылаем друг другу такие вот работы, с аллюзией на классиков жанра. — Хе-хе, и вписываем туда себя.

— Ясно... — сказал Валерий Иванович уже совсем ничего не соображая. — Портретные работы стоят дороже.

— Хорошо, — кивнул человек и достал пачку денег, кинул на стол. — Вот аванс, остальное при выполнении. Вы сможете сделать работу за четыре дня?

Валерий Иванович взял фото и повертел в руке.

— В принципе да, но для портрета мне бы еще несколько фото этого человека с разных ракурсов.

— Поедемте ко мне, я дам еще фотографии.

Человек жил в исторической части города. Здесь были музеи и офисы, но человеку как-то удалось оборудовать для жизни исторический особняк бывших купцов Мизингерых. Внутри было просторно, стоял коричневый столик с фруктами, пустые бокалы, бутылка вина. Валерий Иванович сел на серый диван, стоящий в середине зала, огляделся по сторонам, думая, что на месте владельца особняка поставил бы ряд скульптур по краям и завел бы большого белого пса. Или черного дога.

Хозяин сходил за фото. Тонконосый человек, запечатленный в разных ракурсах, снова, видимо, был захвачен врасплох внимательным объективом. Он смотрел то вверх, то вниз, то застегивал курточку, то прикуривал, то куда-то спешил.

— В четверг в 12:00 вы придете и принесете работу сюда. Даже если меня не будет, дверь будет открыта. Деньги будут лежать на этом столе, вот в этом углублении, ок?

— Ок, — сказал Валерий Иванович.

«Все-таки Юдифь мне не удалась, — подумал Валерий Иванович, шагая по петляющей улице домой. — У великих она непорочная, спокойная, лицо ее словно тихое озеро, без каких-то видимых ярких эмоций. Если что-то читается на нем — девственная чистота, смирение. Так считали нужным изображать ее художники Возрождения. Она жертвовала собой ради города, поэтому на ее лице — ровный божественный свет. Переспать с врагом ради спасения жизни соплеменников — поступок геройский, так они считали... У меня же вышло что-то другое — надменное, хитрое, развратное».

Валерий Иванович стал думать о различии менталитета современного, средневекового и античного и о том, мотивировали ли такими картинами в эпоху одиноких городов и постоянных войн художники своих горожанок на подобное поведение (это как советские плакаты призывали добровольцев на фронт), или нет, но ничего толком не придумал, у него было мало данных.

Он пришел и пересчитал деньги. Надо было делать заказ. Портреты он делал давно. И сомневался, получится ли. Портретное сходство и раньше-то не особо у него выходило.

Он согрел воды, заварил чай и приступил. Он писал, писал и писал. Сделал сперва несколько набросков на кусках ватмана, чтобы изучить лицо. Не вышло. Сделал еще — снова не вышло. Деньги лежали в кармане рубашки, отступать не хотелось.

Скоро вся комната покрылась разбросанными листами, словно ее засыпало снегом. Через несколько часов Валерий Иванович, кажется, понял как устроена физиономия се-

роглазого. Нос с легкой ложбинкой, скулы, разрез глаз и бровей. Едва видные ямки на подбородке. В портрете всё зависит от мельчайших деталей. От маленьких черточек. Миллиметр не в ту сторону, и всё разрушилось. Нужные морщинки где надо — и всё сошлось.

Он медленно стал воссоздавать портрет на упавшей в пыль голове. Так, так и так. Он писал четыре дня. Делая короткие передышки и отходя посмотреть на несколько метров, чтобы глаз не замылился. Получилось немного комично, как в комиксах, но портретное сходство было. Впрочем, разве не сказал заказчик, что всё это шутка, игра?

Наступило утро четверга. Валерий Иванович собрался и пошел в сторону особняка.

Дверь открыта. В доме никого нет. В глазах плыло. Знакомый диван. Фрукты на столике. Деньги на тумбочке. Полупустая бутылка вина. Хотелось есть. Валерий Иванович прислонил картину к стене. Сел на диван. Взял яблоко. Почему бы не выпить вина? Ему хотелось повидать заказчика и побеседовать. Может быть, еще что-то закажет. Надо было уходить.

— Ассирийцы должны уйти, — услышал он вдруг внезапно знакомый голос. — Так им и передай!

Он увидел, что под ним на подушке лежит мобильный телефон, на котором он случайно включил оставленное в переписке голосовое сообщение.

Валерий Иванович поднялся и, направляясь к выходу, оглядел зал. Его взгляд привлек черный предмет под диваном. Подойдя поближе, он рассмотрел носок ботинка. За диваном с маленькой красной дыркой во лбу неподвижно лежал его клиент. Напротив стояла картина, изображавшая Саломею и Иоанна. Иудейская царевна держала голову Иоанна Крестителя на большом подносе, словно официантка фирменное блюдо. На подносе лежал длинный нож и кусок торта. Улыбка у Саломеи была натянутая и неестественная, как на рекламных плакатах. Валерий Иванович подумал, что картина написана аляповато — но гораздо качественней, чем его Юдифь.

Твёрдые сорта времени

Мы продолжаем знакомить читателей с независимыми поэтическими издательствами из разных регионов России. На этот раз в фокусе — город Челябинск. В прошлом году поэт и книготорговец Александр Самойлов открыл на базе книжного магазина «Поэзия» одноименное издательство. Ниже мы публикуем пять поэтов из выпущенных на сегодняшний день книг с предисловием издателя.

Редакция «Вещи»

Издательство книжного магазина «Поэзия» — закономерное продолжение одноименного книжного магазина. Что оно возникнет — было ясно с самого начала, неясно было только когда. Оказалось — через семь лет существования магазина.

Первая книга издательства — «Индийцы жили в нашем городе» Андрея Подушкина. Она вышла в 2024 году, и в том же году Андрей умер. Но выхода книги он дождался, успел поддержать ее в руках.

Вторая книга — стихи Вадима Балабана «Я вроде в ворде», поэта из города Троицка. Вадим, слава богу, жив, здоров, чего я, кстати, желаю всем дорогим читателям этих строк.

Третья книга — «Петербургские кладбища» неожиданно пришла самотеком. Я, к стыду своему, и не знал, кто такой Игорь Бобырев. А он, оказывается, в «Новом мире» печатается и в Голландии книги у него выходят. Ну чем же Челябинск хуже Голландии!

За ней последовала книга стихов Андрея Чукашина «и ЭЮЯ», который знаменит, кроме всего прочего, еще и тем, что исцелил многих деятелей культуры (и не только) от многих пагубных привычек. В том числе и автора этих строк.

Пятая книга недавно отправилась в типографию. Это книга стихов Полины Потаповой «Замедленное солнце». Очень личные и очень заряженные стихи. Особенно заметные на инфантильно-вялом фоне современной отечественной словесности.

Вот такие поэтические книги вышли в издательстве книжного магазина «Поэзия». Очень разные, но очень интересные. Читайте их.

Александр Самойлов

Пила

Пила никогда не пила,
А только зубами звякала,
Хотя перепить могла
И перепилить всякого.

Не материлась пила,
По фене пила не ботала
И замужем не была,
Хотя с мужиками работала.

***

Маша просит: — Папа, нарисуй сома!
Папа отвечает: — Нарисуй сама.
Маша просит: — Мама, нарисуй слона!
Мама повторяет папины слова.

Ей хватает умения и ума,
И Маша садится и рисует сама:
Сначала сома, похожего на слона,
А после — слона, похожего на сома...

Удод

Удод — совсем не урод,
Если к нему приглядеться.
Смеётся над ним народ:
— Попроще не мог одеться?!

Укладывается с трудом
В понятия их уродском —
Удод украшает дурдом
В costume своём удодском.

***

На кровь сбегутся муравьи,
Когда застрелится лесничий,
На кровь сбегутся муравьи,
Таков у муравьёв обычай.

И будут шарить по ноздрям
И оттопыренному веку,
И думать: «Всё-таки не зря
Мы приобщились к человеку».

Вадим Балабан

***

задремали навсегда
проявились не везде
кучевые провода
подключённые к воде

и горит в пустыне куст
и поборешься в потьме
и хрустение капуст
и искрение в зиме

если ясли не пусты
если с ясенем ясней
прорастут в полях кресты
с травянистой по весне

заключится договор
отключится голова

из-за леса из-за гор
в титрах главные слова

***

прогуляли три лит-ры
два ин-яза и физ-ру

любовались на коры
шершаватость на ветру

и кричали на сорок
не лит-ровую муру

а вернулись — дали срок
и достали кобуру

***

из того что осталось
мне досталась
местная африка на песке

из песка
выросла лестница
—
я — в этих недрах —
бесполезное ископаемое

есть ли печаль от того?
нет
я просто есть

—
изумрудная ящерка на восток
отбросила знак
безразличия ко всему

она питается солнцем
и твёрдыми сортами времени.

Игорь Бобырев

***

в петербургском метро
мне часто приходилось
видеть странные случаи
иногда завораживающие
и мистические
а иногда бытовые мистические
[как-то] я ехал в метро

и [когда] поднял голову
чтобы посмотреть
[а я часто люблю
смотреть по сторонам
и все примечать]
я смотрел по сторонам
я смотрел на рекламу
развешанную по вагону
одна из реклам
привлекла мое внимание
это была реклама мтс
из серии ты можешь
часто бывают такие рекламы
в которых пишут
ты можешь стать
тем-то и тем-то
в этот раз
в рекламе было написано
ты можешь стать великим поэтом
я когда прочитал это [то] улыбнулся
потому что я всегда
хотел стать великим поэтом
хотя и понимал
что никаких денег
это мне не принесет
да и не может мне принести
потому что поэзия
это боль страх эмоции
и точно не пресс-пати
раздачи автографов
скучные вечера
от которых меня
постоянно тошнило
а нечто
как сказал бы айги
топить домик в лесу
или он как-то по другому
это сказал
я сейчас точно не помню
я тогда улыбнулся
потому что знал
как мне будет тогда тяжело
и через что стоит пройти
и через что еще придется пройти

я тогда засмеялся
и вышел
я шел домой
от станции метро

чернышевская
и пока я шел
у меня расстегнулся рюкзак
так я долго шел
и думал
о том что случилось
временами
я думал
почему такие совпадения
случаются со мной
а потом когда
я подходил к дому
в котором я жил
я подумал что
все у меня хорошо

Андрей Чукашин

О мире с миром

помойки голуби вот мир
без ядерных рыкет
все с зонтиками дабы вир
их голубей в брикет

они те хищники что вас
не приведи Господь
обганят с Пушкиными в час
когда их вечно подь

ну мы конечно а они
красиво так летят
и письма носят о любви
и носиками млят

Нептун

я в очередь стою
полно делов наделал
крошил и убивал и есть что подтереть
ещё сотрут мне треть и буду богом с телом
и мелом получу звезд кровавую сеть

но щас стою за сим за сырим волкодавом
он бог уже давно и есть рефлекс поесть
меня к примеру ав коль простоим за первым
иль красным отпишу иль белым если весь ть...

сначала было а потом ав-ав и бяка
вмешался Вишной Будд и я совсем собака

***

что некой женщине развод –
её мужчине путешествия
среди гор и сёл и тёплых вод
он будет ждать подружки вести

потом вестимо на коне
как на щите он к ней вернётся
чтоб защищать и в нищете
и как там дальше им придётся

ну просто парки так прядут
а нынче лето лип и парки
не липовый аэр и клип
в нас запускают с небом арки

Полина Потапова

Страх

какое огненное зарево –
кровавость яркая одна...
смотри в бездонные глаза его,
дойди до спрятанного дна.

пусть тонут мысли, ты – из дерева,
не поддавайся на гипноз.
он – омут, видимость, везде его
скреби ногтями, на износ.

твой рот покуда грязной глиною
тот омут вязкий не забил,
прорвись, запутанная тиною,
вгрызись зубами в белый ил.

и кто б на дне кроваво-вспоротом
тебя ни встретил — даже Ной —
всплывай наверх.
и станет скоро там

уже не страшно боже мой

Доска объявлений

месяц подмигнёт октябрю,
в небе тот подсмотрит в глазки?
здесь же — я листок откреплю,
с клеем оторвав от доски.

эй, любой прохожий, возьми
(вышел ожидания срок)
этот мой стишок из восьми
больше не читаемых строк.

Соседи

лежу на простыни пластом
пишу простое о простом
как за одной стеною стон
а за другою вальс бостон
сдьмой орёт и на шестом
селёдка хлопает хвостом

мол скоро шуба новый год
кругом пирушки до икот
потом ватрушки на компот
и вновь (хло)пушки круглый год
и утро долгое холод-
ное как простынь

или вот

война соседей за стеной
идёт под белой простыней

Константин Духонин

Меня зовут Икотка

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ

Чтобы подать свой голос, я должен вызвать у человека произвольное сокращение мускулатуры гортани. Спазм вызывает сужение или даже полное закрытие голосовой щели, а также одышку. Таким образом, если человек говорит на выдохе, то я — на вдохе. В этом мы антиподы. В остальном даже немного схожи. Давайте знакомиться, меня называют Икоткой. Сущностью. Бесом. Впрочем, как ни называй, суть одна — я самостоятельная инородная личность, подселенная в тело человека, как правило, без его согласия и ведома.

Сложно объяснить, каким образом я появился в этом мире. Первое осознание, что я есть и существую, относится к концу 1970-х. Я в небольшом поселке Архангельской области в теле немолодого уже мужчины. Накапыва-

ет мелкий, как пыльца, дождик. К моему носителю направляется мужчина в сером плаще и шляпе. Это важный чин из района. Он вышел из автомобиля и, несмотря на дождь, на ходу снял шляпу и поприветствовал:

— Здравствуйте, отец Евлогий.

Стало быть, мой носитель — служитель культа. Откуда я знаю, едва проявившись в этом мире, что такое священник? И то, что важный чин из района — партийный работник? Что такое Архангельская область и поселок? Я это знаю, потому что основное свойство нашего вида в считанные секунды воспринимать или даже, наверное, впитывать базовые понятия окружающей действительности. И буквально тут же ими оперировать. Мы считываем всё — от семантических единиц до образа мышления с носителя, в котором поселились, и тех, с кем он общается. Чуть дольше вникаем

в особенности взаимоотношений человека с другими людьми, заблуждениями носителей и их страхами, с неписаными правилами и законами социума, в котором оказались. Однако тоже довольно быстро. Ни за секунды, но за считанные минуты точно. Всё это я объясняю постфактум, уже на основании опыта. Однако в тот момент я был несколько растерян, и не способен ухватить общую картину мироздания в целом, а потому реагировал на происходящее ситуативно.

— Бесовщина вернулась, или по личной надобности? — грудной бас носителя меня щекочет, деловито-отрешенный тон слегка настораживает, но свой голос из человека я подать пока не могу. Не готов еще. Да, собственно, пока и незачем.

Сколько я вырвался в священнике, пока мое сознание не пробудилось, трудно сказать — иногда и года хватает, а иногда процесс длится десятилетиями. Очнулся, однако, вовремя. Речь зашла об Икотке. Не обо мне, а о каком-то другом представителе нашего вида.

— Почти. В обком анонимка пришла... нам спустили для проверки.

— Нако! На меня жалище?

— Нет, батюшка. С вами всё в порядке. Тут деликатней вопрос. Мы помним и ценим ваши заслуги в пресечении распространения икотки во время эпидемии в Пинежском районе, да и в других, поэтому я, собственно, и явился. Сами понимаете — неофициально, но вполне как должностное лицо...

— Бесовщина, значитцо, спробудилась...

— Не совсем, батюшка. Я по поводу одной девочки. Отличница. Активистка, председатель совета дружины Лена Чугайнова. Ее в «Артек» решили отправить, но пришла, как я уже сказал анонимка...

— Господи, уже и на ребенков доносы пишут, чтош деется с людьми?

— В анонимке сказано, что в начальной школе девочка училась настолько плохо, что ее едва на второй год не оставили. Общественной жизнью не интересовалась, никак себя не проявляла, а вот после того, как погостила у бабушки в деревне Шуйга, как раз в разгар эпидемии, ее как подменили.

Выбилась в отличницы, стала активисткой, ну я говорил уже...

— Да а что ж такова?

— Да ничего вроде. Если бы не контекст. В анонимке уверяют, что такое изменение в поведении девочке вызвано тем, что в нее вселилась икотка. Дескать, все ее заслуги перед обществом — это, собственно, не ее достижения, а сущности, которая в ней обитает. Может, из зависти написали, но тут уж лучше перестраховаться, чем ждать повторения... Ничего такого не замечали? Мы же знаем признаки болезни — зараженный говорит чужим голосом, чурается красного цвета, блажит, выражается нецензурно... Может, родители ее о чем-то таком проговаривались, жаловались?

— Так, а в чем беда-то? Не пойму чегой-то.

— Ну как же! Это же «Артек», туда съезжаются дети со всего Союза. А вдруг она действительно икоточная, и начнет заражать детей? Представляете, что будет? Зараза распространится по всей нашей необъятной родине. Во все пятнадцать республик! А ни врачи, ни ученые до сих пор ни причин заражения, ни саму инфекцию или вирус, ни что он из себя представляет выявить не могут.

— Та наука тут ничем не поможет, — махнул рукой отец Евлогий, и веско добавил: — Тут вера нужна! Хотя что я коммуниста агитирую, пойдем-ка в дом, чайком угошшу, там и обсудим.

Что я и кто я? В народе считается, что я подсаженная колдунами или недругами в тело человека бесовская сущность. Ученые полагают, что я еще одна сторона — тайная и/или подавляемая — человеческой личности. Ну, типа всё, что не может носитель сделать от себя — воспитание не позволяет или страх, — он делает это от имени Икотки. То есть как бы не он.

Мне больше нравится позиция ученых из-за ее юридического аспекта. Что бы я не сделал, какое бы правонарушение ни совершил, я, исходя из логики ученых, не несу за это никакой ответственности. Накажут человека, в которого я вселился. Удобно. Особенно с учетом того, что я без труда могу сменить носителя и, таким образом, избежать репрессий, которым он подвергнется по моей вине.

Впрочем, надо ли оговаривать, что и та, и другая концепции далеки от истины?

Еще меня пытаются классифицировать. Типа я могу быть активной, то есть разговаривать с людьми через своего носителя, а могу и вообще не общаться. Человек, кстати, далеко не всегда может чувствовать и знать, что в него подселилась Икотка. Правда, некоторые особо чувствительные натуры могут испытывать недомогание. Им кажется, что какое-то живое существо, вроде паразита, передвигается по организму и таким образом причиняет дискомфорт либо даже болезненные ощущения. У всех по-разному. Кому-то меня подсаживают, к кому-то я якобы вселяюсь в организм в виде мухи, а уже затем трансформируюсь в Икотку.

Это лишь часть спекуляций и мифов обо мне. Их, разумеется, гораздо больше. Особенно много «железобетонных» методов, как якобы можно изгнать меня из организма человека. Ха! Мне также приписывают волшебные и предсказательные и лечебные свойства. Большинство из них требуют отдельных пояснений, и я их дозированно буду выдавать, ибо основное качество Икотки — не спойлерить ни насчет грядущих событий, ни насчет насущных вопросов. То бишь оставить человеку, выдавая частями ответы, возможность наделить их множеством смыслов. Пускать, так сказать, от обозначенной точки волны различных вариантов развития и разрешения ситуации. Кстати, волновые свойства Икотки — вот о чем стоило бы поразмышлять ученым, которые изучают такое уникальное и чудесное явление, как я и другие представители нашего вида.

Начнем с простого. Моего появления на свет и особенностей взаимоотношений со временем. Время для нас течет синхронно с человеческим лишь в определенные отрезки времени. А именно — когда мы подселены в тело носителя. При этом синхронизируется не только время, но и органы восприятия — кинестетическое, аудио и визуальное. Частично эмоциональный фон. В какой-то мере мышление. Например, если вы в режиме внутреннего монолога с кем-то спорите, готовясь к встрече, то не факт, что это вы моделируете ситуацию, а не я. Забавно, не так ли? Ну и как

следствие, если вы сталкиваетесь с двуличным человеком, то не исключено, что его двойственность вызвана тем, что он носитель Икотки, а не какими-то плохими намерениями в отношении вас. Просто имейте это в виду.

Такие отрезки времени, когда я был синхронизирован с различными человеческими личностями, в моей памяти хранятся, соответственно, не в привычном хронологическом порядке, а по другим критериям. Длине отрезка, его насыщенности событиями и другими. Подселение в человека в первый раз, впрочем, всегда стоит на первом месте, как некая точка отсчета. Для меня этой точкой стал 1970 год, я проявился в теле православного священника отца Евлогия в одном из поселков Архангельской области.

Партийный работник, войдя в дом священника, первым делом увидел большую железную дорогу, сделанную из дерева. Шпалы, рельсы и миниатюрный паровозик с вагонами были искусно вырезаны, покрашены и даже, как чуть позже хозяин дома продемонстрировал гостю, состав катался по кругу через тоннель в горе, по мосту через лес и мимо станции. Священник все сделал сам, приспособив заводной механизм на пружине, изъятый из нехитрой игрушки. Местные детишки, да и взрослые часто приходили оценить творение отца Евлогия, а он от комплиментов отмахивался, говоря, что не решил еще проблему со звуком — чтоб паровоз издавал сигналы и мерно постукивал при езде. Детишки были в восторге, а мужики подбивали священника сделать деревянную узкоколейку в тайгу, чтоб удобней было добираться до грибных и ягодных мест. Ну и спорили, разумеется, сколько пружин понадобится, чтоб паровоз мог пару мужиков с грузом перевезти.

Проблему со звуком Евлогий так и не решил. Через тридцать с лишком лет, а то и все сорок эту железную дорогу увидит уголовник Азя в доме сына отца Евлогия, который также стал священником и служил в Коми-Пермяцком автономном округе. Азя, несмотря на преступный образ жизни, был набожен. После очередной удачной «делюги», мошенничества или «кидка» тут же ехал в церковь поставить свечку святителю Николаю. Типа замаливал

свершенный проступок. Иногда являлся в церковь даже с присвоенным имуществом. Это он грехом не считал. В этот раз Азя пришел к священнику по другому поводу. А именно: он накануне по собственной воле сходил к бабке, чтоб та ему подсадила икотку. Надо было узнать, является ли это грехом? Можно ли замолить или на нужды церкви что пожертвовать?

Сын Евлогия с моей подачи мысленно улыбнулся. Бабка не подсаживала Азе икотку, у нее и навыков таких не было. Икотка уже была в священнике. От отца Евлогия, когда тот уж совсем старый был, я переселился в его сына. Довольно унылого и скучного человека. Жизнь Ази мне показалась более насыщенной. С уголовником появлялась возможность посмотреть мир. Священник уколол палец мошенника до крови — якобы для того, чтоб проверить, действительно ли в него подсадили икотку. Так через кровь я переселился в новое тело. С напускной скорбью Азе было сообщено, что бабка действительно подсадила ему икотку, но большого греха в этом нет. Надо лишь триста раз за пару месяцев прочитать молитву, текст которой уголовнику тут же вручили и отпустили восвояси.

— Ты ведь знаешь, пошто икотка прекратилась, — начал издаലെка отец Евлогий, наливая чай райкомовцу. — Подушку-Исповедушку вернули из краеведческого музея хозяину через икотницу Матрену. Человеколось самолично передал ее богу Альве. Вот и закончилась эпидемия. Нету же ее? Верно говорю?

— Все так, — согласился партийный работник, — но ведь несколько-то икотниц осталось, вдруг заново всё начнется?

— А вдруг ничего не бывает, — жестко с моей подачи отрезал священник. — Была причина в подушке, ее вернули. Всё прекратилось. Сейчас никаких причин для эпидемии нету. Об чем говорить? Даже если девочка икотница, то она угрозы не представляет.

— Так все-таки есть у нее проявления икотки или нет?

— Я не замечал, понапраслину городить не буду.

Отцу Евлампию, пожалуй, настала пора перейти на номенклатурные аргументы, подумалось мне, и я ему их подкинул:

— К тому же даже, если и заразит она одного-двух человек, это тебе будет только на руку. Раньше от начальства только вы из-за этой напасти по сопатке получали: дескать, суеверия, недоработали идеологически, вот и психозы распространяются. А если и в других регионах появится, то вы уже крайними не будете. Будут на самом верху меры предпринимать. Как тебе такое оно?

— Резонно. Хотя и рискованно — начнут вычислять, откуда пошло...

— Так ведь проявлений икотки у нее нет! Сам убедись. Кто чё докажет?

Разумеется, партийный работник обошел всех в поселке, кто так или иначе имел отношение к икотке. И к местной шепелявой ведунье, которая славилась тем, что готовила чудесный прикорм для рыб, после которого те косяками устремлялись в сети. И к двум сестрам-икотницам, чьи сущности регулярно друг с другом ругались матерно, да так виртуозно, что собиратели фольклора из университета готовы были днями и ночами поджидать, когда они поссорятся, лишь бы записать нецензурные шедевры. И к родителям девочки Лены Чугайновой. И даже с девочкой поговорил. Никто из опрошенных в девочке икотницу не признал, о чем была впоследствии составлена обстоятельная записка для начальства.

Таким было мое появление в этом мире. И вот что мне показалось занимательным. Для людей причина определяла следствие. Между тем как все наоборот: следствие определяет причину, поскольку следствие — это свершившийся факт, а причин может быть множество и никакого смысла их определять нет. Иными словами, если Лена Чугайнова побывала в эпицентре заражения икоткой, то это не означает ни то, что она икотница, ни то, что икотку она подхватила именно там. Более того, причин изменения ее умственных способностей могло быть также множество: от удара молнии и строгих внушений бабушки, которая смогла до девочки достучаться и найти нужные слова, до физиологических изменений в организме подростка. Перебор различных версий не свершившегося (да и свершившегося, если честно) факта — за-

нятие бессмысленное. Такими примерно аргументами нагружали партийного работника и икотницы, и ведунья, и родители девочки, и сама Лена Чугайнова. Мы умеем приспосабливаться к среде.

ЧУДИКИ

— А давай сделаем главным героем Колобка?

В небольшом офисном помещении, в котором смешались запахи кофе, пота, крабовых чипсов, пива и вони грязных носков, за компьютерами напротив друг друга сидели двое. Их рабочие места были завалены огрызками кабелей, запасными видеокартами, материнскими платами, мониторы по периметру обклеены стикерами несколькими слоями. Третье рабочее место пустовало и содержалось практически в идеальном порядке, не считая пустых банок из-под пива, которые, видимо, поставили туда недавно, поскольку хозяин места отсутствовал.

— А почему Колобка? — после некоторой паузы спросил второй.

— Да как-то ассоциативно, глядя на тебя, в голову пришло...

— Ку! — лениво выругался второй заимствованным ругательством. — Яркий, ты за утро раз десять уже пошутил насчет моего лишнего веса, а толку? Мы ни на шаг не приблизились к решению. Нас твои бандюки-инвесторы точно уроют. Вот на фига мы с ними связались?! И на фига мы им нужны?! Даже для легализации грязных денег эффективней всё через розницу делать. У них и сеть киосков, и заправочных есть. На наркотиках, оружии, или чем они там занимаются, да на тех же подпольных казино больше можно сделать, чем на компьютерной игре. Зачем им мы?!!

— А ты не спеши, Дэн. Запустим игру — нас и к разработке онлайн-казино, возможно, привлекают. Отмывка денег — прошлый век. Сейчас модно иметь в собственности IT-компанию. Это статус. И не только. Налоговые послабления. Льготная ипотека для сотрудников. Вот трудоустраивают нас с тобой...

— И с Алисой!

— Да, трудоустраивают нас с тобой и Алисой бандюков-подснежников, которые будут числиться сотрудниками только на бумаге, но при этом пользоваться и ипотекой, и прочими вкусными коврижками. Про такую схему слышал? Опять же, глядишь, грант из бюджета через нас получают, а потом распилят. Перспективы они видят четко, даже не думай, что это понты или блажь. Тут главное нам не облажаться. Тогда и нам что-то перепадет...

— В общем, влипли по самое не хочу.

— А ты думаешь, к нам инвесторы в очередь выстраивались? Что у нас в резюме? Разработка сайтов. Так сейчас это каждый школьник сделает. Движок для браузерных игр запилили, так на доход от его продаж нам только на офис и пиво хватает. Лишь мои предприимчивость, харизма и незаурядный интеллект позволили убедить бандитов вложить в нас деньги, так что не стони. Возражай, чем тебя Колобок не устраивает? Сейчас фольклор в тренде. Должно зайти.

— Кстати, с точки зрения функционала, как ни странно, устраивает. Он может прыгать как мячик, как бильярдный шар соударяться, разбивать что-нибудь как в боулинге, но...

— О, это вечное «но» от главного душнила нашей компании!

— Э! У нас мозговой штурм или как? Не нравятся мои возражения, в одного думай!

— Да говори уже!

— Смотри, у нас ведь главный персонаж, которым будут геймеры управлять, должен быть однозначно положительным героем, так? А Колобок он ведь совсем-совсем не положительный. Он придурковатый, самовлюбленный хвастун, за что и поплатился.

— Обоснуй. Мне всегда казалось, что мораль этой сказки фатализмом пахнет. Типа раз родился едой, значит тебя обязательно съедят. Разве нет? А в игре по сюжету мы могли бы этот тезис опровергать. От геймера будет зависеть — сожрут его персонажа или нет. Это позитивно и жизнеутверждающе.

— Сказка не совсем об этом. Она об итерациях и жизненных стратегиях. Колобок пользуется одним приемом, чтобы избежать уготовленной ему участи быть съеденным. Он сбегает. При этом поет песенку «Я от бабуш-

ки ушел, я от бабушки ушел, и от тебя уйду». Это его итерация. Один универсальный, как ему кажется, прием, который решает любую проблему. От зайца там ушел, волка, медведя. Притом Колобок верит, что он особенный, потому что он «по сусекам скребён, по амбарам метён» и так далее. Потому ему так везет от всех сбежать. С лисой эта фишка не срывается. Лиса меняет правила игры и съедает хвостуна. По итогу сказка о том, что для жизни одного приема недостаточно. Нужен целый арсенал для решения разноплановых задач. Иначе тебя сожрут. Ку!

— Иногда и от тебя что-то толковое можно услышать, а то все гениальное обычно я предлагаю... Итак, получается неоднозначный персонаж. Думаем еще, но в принципе, если уже совсем ничего не накреативим, берем его. Не все так глубоко сказку разбирали. Полагаю, ее глубокий смысл вряд ли многие считали.

— Причем, заметь, тут есть и гендерный аспект. Волк, заяц, медведь персонажи мужского пола, как и Колобок, а лиса — женского. Все мужские персонажи функционируют в сказке по привычному для них шаблону. А лиса эту привычную схему ломает. Феминистическая мораль у сказки.

— Ну не скажи! С точки зрения лисы — она молодец, но с точки зрения читателя, который воспринимает Колобка как главного героя, у сказки несчастливый конец. Трагичный!

— А каким ты при данных вводных представляешь счастливый конец? Я его вижу только в бесконечном повторении этой песенки с добавлением новых деталей... Бесконечная такая сказка для того, чтоб ребенок заснул.

В запертую дверь довольно бесцеремонно кто-то попытался вломиться: сначала подергал за ручку, затем настойчиво и, судя по всему, кулаком постучал.

— Мы кого-то ждем? — шепотом спросил Дэн.

— Да вроде нет, — так же испуганно ответил Ярик. — Может быть, за арендной платой пришли, хотя мы всего два месяца просрочили. Бывало, и дольше задерживали.

— Чудики, открывайте! Я знаю, что вы здесь. Не вынуждайте меня прибегнуть!

— Это инвесторы, — почему-то с облегчением выдохнув, констатировал Ярослав и направился к дверям.

В офис зашли два крепких парня, один с кейсом пива и пакетами с чипсами. Другой — с телефоном и чётками.

— От кого гасимся, ботаны?! Уж не от меня ли? — задорный бандит с шиком крутанул чётки на пальце.

Программисты синхронно помотали головами.

— Короче, тут номерочек один надо пробить. Кто владелец телефона, схемы перемещения, где чаще всего бывает — всё, короче. Интернет-банк взломать, посмотреть, где, чё, как покупал... По полной, короче, пробейте.

— Так мы не совсем по этой части. Мы код для игры пишем. Хакинг вообще не наш профиль, тем более у нас сроки горят...

Ярик, заранее понимая, что отмазка не прокатит, все-таки попробовал возразить, чтобы выглядеть не совсем уж лохом в глазах Дэна.

— Ярик, родной. Сроки у вас не горят, а давно сгорели. Вы еще два месяца назад нам должны были показать, как там ты говорил, тестовую версию. Где она? Где? Будь моя воля, давно бы вас за жабры подвесил, но вас берегут. Цените это. И берегут, заметь, как раз для таких случаев. Это не обсуждается. Короче, привез грёв для мозгов. Вот тут пивасик и чипсы. Хрумкайте. В следующий раз приеду за результатом с паяльником. Месяц, полтора вам хватит? Я не шарю в этих делах, так что буду звонить и спрашивать с вас. Не будет инфы по телефону, будем греть ваши мозги электроприбором, усекли?

— Ку, — подтвердил Дэн, а Ярик только кивнул.

— Ну точно — чудики. Ладно, пацаны, расслабьтесь. Пошутил я насчет паяльника. Мы же не беспредельщики. Цивилизованным бизнесом занимаемся. Просто от души прошу — сделайте всё по красоте. Личная просьба Деда. Для вас — Трефа. Еще раз повторю — пошутил, не ссыте. Но помните — в каждой шутке есть доля шутки. Кстати, воняет тут у вас, как на тюрьме в хате. Вы хоть проветривайте, что ли... А то хоть душ после вас принимай.

— Ты ж не сидел! — удивился второй бандит, поставив на стол кейс пива с чипсами.

— Да мне малявы оттуда регулярно присылают, — выкрутился главный и опять крутанул чётками. — Бумага так же пахнет. Чё сидим? За работу, пацаны!

— Треф — это тот самый инвестор? — по-давленно спросил Дэн после ухода бандитов. Ярик кивнул.

— Куда мы встряли! Чё делать будем?

— Не вибрируй, всё нормально будет! Ты ведь слышал, как я им жестко возразил. И ничего не случилось. Если бы не ты, я бы настоял на том, что мы этим заниматься не будем. Просто увидел, как ты трясешься от страха, и не стал тебе нервы трепать. В нашей компании только у меня железные яйца. Кстати, Алиса у нас такими штуками по пробиву телефонов баловалась. У нее вроде были какие-то контакты в даркнете? Или она свои проги использовала?

— Не в курсе. Наверное, свои. В даркнете за это платить бы пришлось.

— Вот, когда она нужна, ее нет. Никакой дисциплины. Что-то зачатила она к своим в деревню, ты не находишь?

— Ну ее можно понять. Батя погиб. Алиса теперь мать поддерживает, брата.

— Прикалываешься? Ее мать никакая трагедия не прошибет. Зачем ей поддержка? Помнишь, как она мужа пилила, когда Алиса нас к себе зазвала на грибной тимбилдинг? Из пальца ведь претензии высасывала. Ни нас не стеснялась, ни детей. Понятно, почему ее мужик на СВО ушел. Я бы раньше сбежал. А мелкого чего поддерживать? Он пока вообще ничего не понимает. Вот я в его возрасте уже кубик Рубика с закрытыми глазами собирал, уже тогда демонстрировал свою даровитость...

— Возможно, это побочное явление от икотки.

— Чего-чего?

— Так Алиса как-то рассказывала, что у нее то ли у бабки икотка была, то ли у ее матери, а потом прошла, не помню деталей... Икотка — это такая...

— Да знаю! Пухляш, а ведь это идея! Икотка — это же сущность, которая вселяется

в человека, и ведет себя как будто самостоятельная личность. Предсказывает всякое, потерянные вещи находит, а икотница еще говорит чужим голосом. Ну голосом этой икотки, я видео смотрел...

— А идея-то в чем? Вместо Колобка главным персонажем икотку сделать? А как ты ее визуализируешь? Ее ж никто не видел.

Ярослав вскрыл себе и Дэну пару банок пива, кинул напарнику пакет с чипсами и развалился в кресле.

— Да не будем мы ее визуализировать, Дэн. Зачем портить такую фичу банальным изображением. Сюжет, короче, такой. Главный герой сталкивается с проблемой: у него, допустим, неизлечимая болезнь — рак, например, простаты. Для смеху. Традиционная медицина бессильна, но ему тут говорят, что если в организм подсадить икотку, то типа болезнь уйдет. И вот он едет по деревням искать, кто ему подсадит эту сущность. По пути сталкивается с различными препятствиями, которые необходимо преодолеть. Нормальный такой квест, да?

— В этом что-то есть. А давай персонаж, которым геймер управляет, будет каким-нибудь страшным бандюком? Авторитетом. Это еще смешней.

— Только не предлагай его назвать Трефом. А то мы обхохочемся уже на том свете. Сделаем несколько персонажей на любой вкус. И авторитета, и какую-нибудь пионерку их советского времени, которую хотят в «Артек», скажем, отправить, но есть подозрения, что она икотница и ей надо это скрыть. Еще какого-нибудь писателя, которого из семьи выгнали, и...

— Ага, круто! Только давай еще не будем финалить на икотке. Типа нашел ее персонаж, ему подселили и типа все, game over. Пусть это будет по сценарию только типа разминки. А в основной части квеста меняем задание — от икотки надо будет уже избавиться. А после подселения икотки какие-нибудь побочные эффекты персонажу придадим. Можно рандомно, так интересней. Типа начинает говорить не своим голосом в неподходящем месте людям ерунду какую-нибудь, а от него из-за этого все отворачиваются, боятся общаться,

а персонажу надо это как-то исправить. Или обратный отсчет начинается: типа надо подселить кому-нибудь икотку, иначе жизнь сгорит. Ку?

— Норм. А еще можно персонажу прописать икотнику миссию, чтоб он икотку распространил на весь мир. Типа чем больше распространил, тем больше очков заработает.

— Ага, распространять можно либо через еду, либо через кровь. Через кровь зрелищней, а через еду — геймеру надо будет определять, у кого в гостях можно есть, а у кого нет. А еще, когда, в каком-нибудь поселке будет слишком много икотников, обычные жители начнут на них охоту, дома жечь, убивать, и надо будет спасти персонажа.

— Да, блин! Трешак добавим! Будет РПГ с элементами экшена!

— Под бандитское пиво как прет!

— Бандиты — наша муза, гы! Кто молодец?! Я — молодец! Что бы вы без меня делали!

— Не только ты, ку! — возмутился, но скорей для проформы Дэн. — С Алисой надо связаться, пусть она про икотку еще что-нибудь накидает.

— А с ней по-любому надо связываться! Мы же еще бандюковский телефон должны пробить, пусть займется, у нее же там интернет в деревне нормально тащит. Спишись с ней.

— Ку! — подтвердил Дэн и на всякий случай уточнил: — А ты чем займешься, напарник?

— Я поищу этнографические материалы, которые связаны с икоткой. Хорошо бы ввести каких-нибудь мифологических существ, типа ящеров, летающих медведей, филинов с копытами коров и прочей лабудой...

— Есть такое, забей в поиске «пермский звериный стиль». Там этого добра навалом. Там даже человеколось есть...

— Отлично! То, что надо. Работаем! На пиво не налегай, Колобок!

В ответ Дэн рыгнул, а затем бросил в Ярика скомканный кусок бумаги, после чего напарники дружно уткнулись в мониторы.

ТРЕФОВЫЙ ДЕД

Ехать предстояло еще три часа, а водитель, похоже, и не думал затыкаться. Пассажиру, се-

довласому крепкому мужчине по кличке Треф, которого особо приближенные иногда называли Дедом, впрочем, эта болтовня не мешала. Он выхватывал из нее лишь отдельные фрагменты, когда отвлекался от внутренней сосредоточенности, из-за чего речевой поток водителя терял связность и превращался в причудливую бессмыслицу.

— Двинули, значит, в бильярд шары погонять, тут у меня жирный такой стрит-флеш выпадает, что ну грех не поднимать ставку, да? Кручу-верчу, короче, обувь хочу, а у него зары на каждом броске дублем выпадают. Прушный, как джокер, ну как с таким играть? Я, короче, пасую, жду, когда на серию можно будет выйти, а ему прет и прет, и ничего не сделаешь, если карты не передернешь. И ведь вот прямые пары стоят, с закрытыми глазами заколотить можно, а он свояки бьет, и все, главное, ведь заходят...

Треф к своим шестидесяти годам приобрел определенный вес и авторитет в преступной среде. Владел долями в банке и одном из заводов, несколькими торговыми центрами. Народил девять детей от разных жен, побывал депутатом. Обращался в 90-е к ворами в законе с малявой, где изъявил желание стать частью воровского мира, и сразу предупредил, что служил в армии. Его просьбу не удовлетворили, за что по истечении ряда лет, когда отношение государства к организованной преступности изменилось, он мысленно благодарил то ли ангела-хранителя, то ли неведомую сущность, уберегшую его от этого шага, а то бы скитался в бегах сейчас или на нарах прохлаждался.

И вот теперь эта успешная жизнь близилась к закономерному финалу, ни ангел-хранитель, ни другие высшие силы не проявились, и теперь он вынужден ехать в глухомань на неприметной машине в компании с мелким аферистом. Водила был скользким и импульсивным типом. Шулером, вписывающимся в любую игру на деньги, готовым в любую минуту воспользоваться заточкой или стволлом, даже если конфликт можно было уладить разговором. Про таких говорят — «тревожный пассажир». Хотя пассажиром на этот раз был Треф.

Пересидка по кличке Азя подвели к авторитету, спустя почти месяц после его настойчивых попыток встретиться. Просьба оказалась заурядной, с такими к нему обращались регулярно: разрешить обчистить на игре одно подпольное казино. Если за просящего не просил никто из серьезных людей, то Треф с легкостью соглашался. Затем с жалобой на шулера прибежал хозяин, авторитет соглашался за половину от выигрыша наказать обидчика, и поручал нехитрое дело пацанам, которых хотел таким образом поощрить за другие выполненные поручения. Пацаны находили шулера, нахлобучивали, забирали деньги и выдворяли за пределы региона. Дед был как бы не при делах. Мало ли кто мог грабануть бедолагу, он только разрешение дал казино обуть, а охранять бродягу не подряжался.

По молодости Треф и сам занимался примерно таким же промыслом. Нахлобучивал коммерсантов, шулеров. Да и не только таким. Много чего было. Родной дядя всему научил вместо отца. Теперь его регулярно посещала мысль написать мемуары о своей жизни. Подвести, так сказать, итоги. Не просто навещала, а стала почти навязчивой. Себе он ее объяснял очень просто. Детям-то не всё успеваешь рассказать, а внуки чего? Будут всякие небывлицы про него слушать. Надо, чтоб из первых рук. Хотя и понимал, что это не истинная причина, а скорей оправдание. А вот истинные мотивы он и сам для себя объяснить не мог. Просто хотелось написать. Хотя, ну как написать? Продиктовать какому-нибудь писаке, чтоб тот оформил эпизоды его жизни во что-то цельное. Потом, разумеется, показать рукопись адвокату, чтоб убрать из текста куски, которые не подпадают под истечение сроков давности по преступлениям. Идея про мемуары засела в него глубоко и крепко. Надоело всякие бредни про себя выслушивать.

Азя выглядел типичным уголовником и по манере поведения, и по многочисленным наколкам, и по глазам, которые даже в пустыне будут рыскать, как бы где чего урвать. В свои сорок с небольшим он казался ровесником шестидесятилетнего Деда. Азя зачем-то пришел с папкой бумаг и рассказал, что с малолетства болел диабетом, а теперь вот чудесным обра-

зом излечился. Типа после очередной отсидки заехал к одному корешу в коми-пермяцкий поселок, чтоб должок стрясти, а тот сказал, что денег нет, но может подарить ему икотку, которая избавит от диабета. Типа бабка его этим промышляет. Подсадили, чё. Вернулся в город, сдал анализы, и действительно — как будто и не болел ничем. Вот бумаги.

— А зачем ты мне это рассказываешь? Ты ж тему с казино обсудить хотел? — больше для формального поддержания разговора спросил Треф, потому что уже чувствовал, к чему клонит Азя.

И Азя перешел к главному. Рассказал, что знает, как обходятся с шулерами на территории авторитета, а также знает, что у Трефа рак. Собственно, предложение состоит в том, чтобы помочь избавиться от недуга.

— Незачем ведь проговаривать рак чего у тебя? — хитро подмигнув, попытался нащупать границы дозволенного Азя, но, поймав суровый, холодный прищур глаз собеседника, не стал развивать тему. У авторитета был рак простаты, о чем по понятным причинам никто не знал. Не то чтобы запахло, в конце концов от такого никто не застрахован, но все же — зачем давать темы для пересудов, смешков за спиной? Начнут еще заранее хоронить, списывать со счетов, метить на его место, зачем? Махновщина не нужна. Только жен он оповестил об онкологии, да и тех без ненужного уточнения. Осведомленность Ази неприятно поразила, ведь его доктора даже за большие деньги побоялись бы об этом кому-то рассказывать, да и откуда у этой шелупони вообще деньги на подкуп? Откуда мог узнать?

Посетитель отдавал себе отчет, что само знание тайны может стать для него приговором, но икотка уверяла, что всё обойдется. Между тем Треф уже принял по посетителю решение вне зависимости от того, будет ли предложение дельным или же окажется заурядным прогоном. Однако перед этим требовалось выяснить — откуда у Ази эта информация? Где и как могла произойти утечка?

Скрывать что-то было не в интересах мошенника, и он, как, впрочем, и хотел, спокойно признался, что об этом ему рассказала икотка.

— Я понимаю, дико звучит, и в это сложно поверить, но вот он я. Был диабет — и не стало. И о твоём недуге откуда-то знаю. Так давай и тебе подсадим икотку. Ты избавишься от рака, а мне за это...

Авторитет жестом прервал собеседника. После некоторой паузы уведомил посетителя, что подумает, а также то, что разговор закончен. Пусть Азя идет по своим делам, а папку с медицинскими справками о том, что диабета больше нет, оставит. Для проверки.

Треф недолго размышлял. Разумеется, верить мошеннику нельзя. Надо проверять каждое слово. Каждую бумажку. Это с одной стороны. С другой — что делать с тем, что Азя знает то, что знать никак не мог? И что за икотка такая? Если она действительно существует, то, выходит, не только лечит, но и раскрывает чужие тайны? А что еще она может?

Пробили мошенника Азю быстро. У мошенника действительно был диабет. Это подтверждали его медицинские карты с самого детства и вплоть до лагерей, где он отбывал наказание. Нарыли даже то, о чем Азя давно забыл, а именно: как попал в вырезатель, где у него на почве диабета случился приступ и ему вызывали скорую. Для перепроверки Азю отправили к доверенным медикам, которые также взяли анализы для проверки крови на сахар и уровень гликированного гемоглобина. Через неделю сдачу анализов повторили, неожиданно выдернув Азю из квартиры, чтоб не успел подготовиться, если у него имелся какой-нибудь фокус для того, чтобы изобразить здорового. Никаких признаков диабета не обнаружили и после повторной сдачи анализов. Треф лично пообщался со своим лечащим врачом, пытаясь как бы невзначай выяснить, не могли ли они по глупости проговориться. Врач от такой предьявы чуть не на колени перед ним упал. Божился, что никому ни полсловечка. Треф поверил — такие не врут. Особенно таким, как он.

Разузнал также у специалистов о том, что такое икотка. Какими чудесными свойствами обладает и каких видов бывает. Из полученных сведений его изрядно смутило, что икотка может говорить за тебя. Нести всякую отсебятину. Однако, судя по отзывам, говорящая

икотка встречалась только у женщин. Опять же у Ази таинственная сущность в разговоры не вмешивалась. Также ему не подалось свидетелств о том, что икотка может исцелять носителя. Других обладатель икотки исцелял, такие свидетельства были, а насчет того, чтоб она лечила носителя, никто не подтверждал. Это настораживало. Треф еще раз переговорил с Азей и попросил узнать у икотки, может ли она исцелить и нельзя ли переселить ее, а не искать по глухим деревням новую? Азя на оба вопроса ответил отрицательно, объяснив, что не может командовать подселенной сущностью. Если захочет переселиться, то спрашивать не будет, но и выгнать он ее не может. С исцелением то же самое — если захочет, то поможет, а не захочет — не заставишь. Будет ли Дед исцелен после подселения икотки, Азя также утверждать наверняка не стал, но оговорился, что получить шанс на выздоровление все равно лучше, чем ничего. Разумеется, верить мошеннику нельзя, но проверить его утверждения другим путем, не подселая икотку, не представлялось возможным.

Так Треф и оказался в одной машине с Азей в качестве водителя. Ехали они в коми-пермяцкий поселок в поисках колдуна или бабки, кто умел подсеять сущность. Поездка в поселок, где икотку подселили Азе, оказалась неудачной: бабка, сделавшая это, умерла. Дед предложил Азе прогуляться по лесу, типа соскучился по природе, но Азя, которому икотка подсказала, что в лесу Треф его застрелит за ненадобностью и зря потраченное время, заверил спутника, что сущность ему подскажет, где найти нужную ведьму или колдуна.

Авторитет, решивший еще перед поездкой, что вне зависимости от результативности путешествия, все равно пристрелит Азю, поскольку было совершенно невозможно доверить этому скользкому типу владение его тайной (лишнее это), направился к машине. Усаживаясь сзади, для виду поворчал, что перед поездкой с бабкой можно было бы и позвониться, чтобы узнать — стоит ли ехать.

По дороге Треф, углубляясь в собственные мысли, в какие-то моменты с удивлением обнаруживал, что забывает, куда и с какой

целью едет. А также что за водитель его везет. Однако через пару минут умственного напряжения восстанавливал память. Эти кратковременные провалы для себя он объяснял побочными эффектами химиотерапии.

Следующие полчаса Азя, к удивлению пассажира, помалкивал, а затем, повернувшись, вдруг заявил, что в следующем поселке им подскажут, как найти то, что они ищут. «Точняк, — добавил он и аргументировал свое утверждение, — мне икотка подсказала». Трефа очередная ссылка на непонятную сущность как на авторитет почему-то выбесила, и он выругался, распорядившись следить за дорогой, однако фразу закончить не успел. Машина резко затормозила, так что Дед стукнулся лбом о переднее сиденье, несколько метров проехала юзом по мокрой трассе, и встала.

— Че творишь! Водила, мля!

Вместо ответа Азя указал куда-то вперед. Посреди трассы на асфальте сидел малыш лет пяти-шести, завернутый в желтую простыню. В этой простыне он походил бы на буддийского монаха, если бы не светлый, солнечно-пшеничный цвет волос. Малыш улыбнулся подошедшим мужчинам какой-то обезоруживающей улыбкой. Несмотря на раннюю прохладную весну и то, что снег по обочинам трассы еще не сошел, не похоже было, чтобы малыш испытывал дискомфорт или замерз. Разумных объяснений того, как малыш оказался на безлюдной трассе, у мужчин не было.

— Малой, ты откуда здесь? Мамка с папкой где твои? — Азя присел на корточки и взял малыша за руку, чтобы проверить, не замерз ли. В ответ светлый мальчик только улыбался.

У Деда это происшествие вызвало смешанные чувства. С одной стороны, он испытал досаду в связи с тем, что планы застрелить Азя рушились на глазах. Он специально оставил свой телефон дома, а взамен взял левую трубку с левой сим-картой, а также поехал на непрезентабельном и стареньком автомобиле мошенника (хотя мог поехать на своем люксовом, бронированном «Мерседесе» с кортежем охраны для статусности), чтобы никаких ниточек к планируемому убийству вообще не прослеживалось. А тут малыш, которого на трассе не оставишь, надо брать

с собой, сдать властям. А это значит засветиться в анфас и профиль, какое после этого может быть убийство?

С другой — от улыбки малыша исходила какая-то благодать и спокойствие. Так что на душе становилось почему-то радостно, и даже привычная тошнота от химиотерапии как будто сошла. Впрочем, и проснувшееся умиление авторитет объяснил побочным явлением лечения.

Переноса малыша в машину, Дед, не доверивший почему-то это Азе, обнаружил, что малыш сидел на непромокаемой подушке, а также то, что одна его рука была крепко привязана сзади к поясу. Уже в машине, попытавшись отвязать руку малыша, Дед услышал от светлого мальчика первые слова:

— Нельзя отвязывать! Беда случится.

Мальчик сказал это строго, нахмурился грозно лобик.

— Ну как хочешь, раз тебе так лучше, — почему-то смутился авторитет, хотя со своими внуками и детьми не церемонился. О чем разговаривать с малышом, он не представлял.

— Болит жопа-то? — неожиданно спросил малыш Деда.

Азя, услышав вопрос, едва сдержал смешок, а малыш, не дождавшись ответа, указал на водителя:

— Ты его не убивай. Он в городе тебе поможет. Здесь не поможет. Здесь тебе баба скажет, как твою икотку найти.

Малыш подкрепил свои слова тем, что погрозил авторитету пальчиком, не переставая обезоруживающе улыбаться. Дед не знал, что ответить малышу и как реагировать. Непривычное чувство растерянности он попытался замаскировать ненужными действиями — начал шарить в карманах в поисках конфеты, брелока или чего-нибудь, чем светлый мальчик мог бы поиграть. Дети ведь любят играть со всякой фигней. Разумеется, ничего не нашел.

В салоне машины с появлением малыша атмосфера изменилась. Стало непривычно душевно, как будто ты в кругу семьи за общим столом и все лепят пельмени, как в детстве. Прежняя напряженность, которую ни водитель, ни пассажир не замечали, настолько она была привычна для образа их жизни, пропала,

а воздух превратился в сгущенку из доброты и умиротворения. Даже закоренелый уголовник, который, казалось, мог рассказывать только об азартных играх и о том, как и кого он кинул или отмудохал, неожиданно вспомнил какие-то незатейливые сказки, которые должны были развлечь малыша.

Треф смущенно помалкивал, впервые испытал родительскую животную нежность к ребенку, то есть то, что он никогда не испытывал к собственным детям. Он хотел было спеть светлому мальчику песенку, которую слышал от родной и любимой тетки в детстве, но для этого пришлось бы заткнуть Азю, а у Деда язык не повернулся сделать это, слыша залихватистый хохот ребенка на незатейливые и грубоватые шутки мошенника. «Не хило так меня накрыло этой химией, совсем размяк», — подумалось авторитету.

Прекратилось все так же неожиданно, как и началось. Буквально. Азя снова резко затормозил, машина опять несколько метров прокатилась юзом, и встала. На этот раз препятствием стал подросток лет пятнадцати. Из одежды на нем были только выцветшие на солнце шорты до колен, и это, кажется, его нисколько не смущало, как и холод.

Дождавшись полной остановки машины, подросток, ни слова не говоря, подошел, открыл заднюю дверь с той стороны, где сидел малыш, и как-то ловко, одним движением, выхватил его.

— Чего сидишь! — вдруг рассвирепел Треф на Азю. — Забери ребенка!

Пока Азя выскакивал из машины, подросток держал малыша одной рукой, а другой проверял — не развязана ли у малыша рука. Крепки ли узлы. На подскочившего Азю, который потянулся было к светлому мальчику, подросток не обратил никакого внимания. Просто выкинул не глядя левую руку в сторону мошенника так, что тот упал замертво в глубокий нокаут. Подросток, деловито проверив малыша, закинул его на спину и очень резво, игнорируя как преграду сугробы, в которых утопал по колено, скрылся в лесу.

Пока Азя лежал в отключке, Треф рассматривал подушку с причудливой коми-пермяцкой вышивкой, которая осталась от малыша.

Через месяц он зачем-то, повинувшись не столько разумному любопытству, сколько интуитивному зуду, отдаст подушку специалистам для изучения, и те выдадут неожиданный вердикт. Окажется, что подушке около четырех тысяч лет, а вышивка нанесена в разные времена и рассказывает в более поздних записях примерно семидесятых годов 20-го века об эпидемии икотки. Да о том, за что Светлый Мальчик Альве может наказать людей. И не только икоткой. Удивительным в этих записях было то, что на самой древней вышивке, датированной примерно тремя тысячами лет назад, был нанесен номер мобильного телефона. «Мы набирали этот номер, — растерянно пояснили специалисты, — но никто не взял трубку. Длинные гудки. Не исключено, что эти цифры не номер телефона, но уж больно похожи и на «+7» начинается...» Другой краевед возразил: «Я лично полагаю, что это не плюстик в начале, а недошитая свастика, присущая культуре...» Треф брезгливым движением прервал диспут, и чудики-краеведы продолжили.

Оказалось, что в вышивке говорилось еще что-то совсем пунктирно про человеколюдей, охраняющих Светлого Мальчика Альве, потому что он подчинил их, убив верховного жреца племени, а шкуру прибил к небу. Шкура от света луны ночью искрится, а люди называют искры звездами. Впрочем, подробности мифов Трефа не интересовали, и он прервал лекцию.

Подушку авторитет подарил краеведческому музею, решив, что реликвия от малыша, который пробудил родительские чувства, свою роль в его жизни исполнила. И подарив, почувствовал странное облегчение. Не обращая внимания на рассыпающихся в благодарностях ученых, он распорядился, чтобы ему переписали номер телефона с подушки, спрятал бумажку в карман и благополучно про нее забыл. Лишь спустя три года он, надевая тот же пиджак, обнаружил какую-то бумажку в кармане, долго пытался понять, что за телефон на ней, но тут ему доложили, что явился Азя. В голове тут же вспыхнули картинки со Светлым мальчиком, его подушкой. Он тут же распорядился пробить, на кого зарегистрирован

телефон, вспомнив, что для таких дел имелись чудики-программисты, в чей проект он недавно инвестировал небольшую сумму.

Очнувшийся Азя пришел в ярость от того, что был вырублен с одного удара каким-то странным подростком. Сначала он орал в бесильной ярости, присаживаясь на корточки и стучая ладошками по своей черепушке. Затем стал палить в сторону леса, пока Треф не снизил градус истерике. Но не прекратил ее. По дороге Азя то и дело стучал по рулю, скрежетал зубами и выкрикивал ругательства.

— Это местный, стопудово! Его найти надо, Треф! — бесился Азя. — Я порву эту малолетку! Живьем закопаю! Всю семью вырежу! Ыыыыыыыы!

Привыкший к театральным проявлениям агрессии блатных, Треф отметил, что ярость Ази на этот раз действительно была искренней. Шла как бы из души. И ярость эта была не из-за того, что Азю вырубил подросток, а из-за потери малыша, который подарил мошеннику какие-то добрые чувства. Дед это понимал, потому что и сам испытывал нечто подобное.

В поселке, куда они изначально направлялись за икоткой, Азя деятельно занялся поисками подростка в шортах. Как ни странно, практически все его видели, притом довольно часто. Многие с ним даже общались, но ни где он проживает, ни с кем, сообщить ничего внятного никто не мог. Только одна престарелая семейная пара после недолгих споров друг с другом сошлась на том, что подросток чаще всего общается с Колькой, который женат на Надьке, дочке известной в прошлом икотницы из Архангельской области. Указав Азе на нужный дом, семейная пара удалилась, продолжая тихонько переругиваться.

Во дворе Николая их встретила хозяйка, видимо, та самая Надька из-под Архангельска. Она развешивала белье, и, увидев гостей, с прищуром уставилась на Азю.

— Хозяина как найти, красавица? — развязно, с показным дружелюбием поинтересовался мошенник.

— Так в сеннике он, — лениво протянула женщина, и тут же уточнила: — Вешаться пошел. Может, и успеете его из петли вытащить. А кто интересуется — ты или икотка твоя?

Азя ничего не ответил и направился вместе с Трефом к сеннику. В сарае они увидели мужика с петлей на шее. Он стоял на табуретке. Азя выхватил ствол, приставил к голове Николая и визгливо приказал:

— Даже не вздумай вешаться, а то башку прострелю!

Трефу ситуация показалась смешной и неинтересной. Азя будет расспрашивать про подростка, мужик, скорей всего, что-то расскажет, но приехали-то они не за этим. Хозяйка могла что-то знать про икотку, раз с ходу определила, что Азя ее носитель. Решив, что водитель тут справится и без него, авторитет вышел переговорить с хозяйкой.

Та закончила с бельем и теперь курила.

— Откуда про икотку Ази узнала?

— Так у меня мамка икотку носила. Думала, после смерти мамани икотка ко мне перейдет, но я ей не приглянулась.

— Она тебя покинула, но ты всё равно видишь?

— Дааа... — мечтательно протянула женщина, сладко затягиваясь. — Кое-что она мне оставила. И родительнице моей. Маманя в «Артек» в свое время с ее помощью съездила. А я с икоткой часто разговаривала — учила меня уму-разуму. Да хитростям всяким. Вот и икотников научила видеть. Хотя... Я тебе так скажу — от нее не только хорошее получаешь, она и подставить тебя может. Ну да сам поймешь.

— Так у меня нет икотки. Подскажешь, как получить?

— Да знаю я, зачем ты приехал. Только не найдешь ты ее здесь. Твоя икотка тебя в городе ждет. Здесь тебе делать нечего.

— А в городе-то к кому обратиться?

— Так твой друг ее и принесет...

— Не друг он мне. Свою, что ли, отдаст?

— Зачем свою? — искренне удивилась женщина. — Его икотка никуда не уйдет. Им вместе хорошо. Они нашли друг друга. Он твою принесет. Пусть по магазинам ходит — ищет. А там его икотка подскажет, кому надо будет кровь пустить, чтоб добыть для тебя то, что ищешь. А вот как перепрыгнет еще одна икотка к нему, так он ее тебе и принесет.

— Кровь пустить — это убить, что ли?

— Ну, это уж как он сам решит.

Азя вышел из сенника с недовольным видом и констатировал: «Да ни хрена от него не добьешься! Что за поселок такой — все видели, но никто не знает, где найти и как искать!»

— Поехали в город! — скомандовал Треф.

Азя хотел было протестовать, типа «а как же малолетка?», но авторитет прихватил его жестко за загривок и повел к автомобилю.

— Твоя икотка тебе и книгу поможет написать! — крикнула вслед женщина.

Треф ничего не ответил, лишь ускорил шаг, уводя от ненужных вопросов водилу.

ЧЕЛОВЕКОЛОСЬ

Николай вышел во двор покурить, чтоб не слышать ежеутреннее ворчание жены. Весеннее солнце еще толком не грело, но уже понимало настроение. Всем, только не уставшему от жизни Николаю. Он прикидывал, в какой очередности займется делами по хозяйству, то и дело отвлекаясь на мысленно отпускаемые ругательства в адрес жены. В жизни он ей никогда не отвечал на регулярные попреки и оскорбления. Не то чтобы боялся. Просто для ругани нужна быстрая реакция либо пробудить в себе ярость, чтоб поступком дать понять женщине, что довела мужика до ручки. Рушить хрупкие моменты тихой семейной жизни, которые возникали в течение дня, не хотелось, ибо он понимал, что если как-нибудь ответит, то ссора растянется на недели. К тому же из города на выходные приехала дочка, где училась на программиста. Не хотелось омрачать ее визит. К тому же жена была беременной. К тому же, к тому же... Николай терпел.

Мимо него по центральной улице деревни пробежал по пояс голый, в одних шортах и босиком подросток. Николай хотел было крикнуть вслед, спросить, насчет пирога, понравился ли. Однако почему-то передумал, затушил сигарету и, мысленно вздохнув, вернулся в дом. В доме мысли о подростке его не покинули.

Между тем мальчик выбежал за поселок. Из-под завалов несанкционированной свалки недалеко от поселка вылезла беременная

крыса то ли погреться под весенним солнцем, то ли сменить локацию в поисках еды. Снег еще не сошел и покрылся тонкой корочкой льда. Она зачем-то встала на задние лапки и огляделась. Поля, за ними ельник, бегущий по сугробам через поле к лесу подросток лет пятнадцати, на котором были одни шорты. Ничего опасного. Мальчик утопал в снегу местами чуть не по пояс, а ломающаяся корка льда под его голыми ногами, казалось, должна была оставить на них порезы и причинить боль. Однако бегущий как будто не замечал ни боли, ни затруднений из-за того, что с каждым прыжком утопает в снегу. С какой-то звериной мощью он выскакивал из каждого провала, не снижая темп бега. Агрессивно выдыхаемый им пар тут же рассеивался, как сны, которые невозможно вспомнить при пробуждении. Мальчик был хорошо сложен: широкая грудная клетка, поджарый и высокий. Только верхняя губа несколько портила его внешность. Она была толста, как будто под нее сунули боксерскую капу.

Неожиданный порыв ветра подхватил черный целлофановый пакет и понес его на крысу, грозя накрыть или укутать, но та проворно юркнула в нору, избежав мнимой опасности. Мальчик тем временем добежал до ельника и скрылся, не сбавляя темпа, среди деревьев.

Подросток сбегал не от травли поселковых ребят или издевательств со стороны приютившей его семьи. Хотя все основания для того и другого были. В одних шортах он ходил круглый год, отказываясь от любой одежды. Со сверстниками общался редко. Жил сам по себе. С восьми лет то у манси, в семье которых в честь его прибытия хозяин сочинил стихи, а вечером долго и заунывно, нараспев их читал гостю. То у язвинцев, исповедовавших старообрядчество, и из-за гонений что царских, что советских властей, почти оторвавшихся от язычества. То у зырян, поселившихся, как ему казалось, на самом краю земли. То у коми-пермяков, в чьих селениях оказалось много украинцев, татар, русских, потомков сосланных когда-то раскулаченных. А также освободившихся зеков, которым некуда было податься или не на что.

И манси, и язвинцы, и зыряне, и коми-пермяки почитали мальчика за бога. Потомки ссыльных и другие пришлые – за местного дурачка, потому что он круглый год ходил в одних шортах и не посещал школу, хотя при общении никаких отклонений никто не замечал. Отвечал, если к нему обращались, впопад и вполне здраво.

Николай вспомнил, как впервые познакомился с подростком. И почему-то ясно увидел это знакомство его глазами. Мальчику тогда было около десяти лет, и он увидел, как местные мужики, среди которых был и Николай, окружили недавно освободившегося, судя по всему, зека. Их было человек двенадцать, они держали в руках черенки от лопат, вил. Зек, резко поворачиваясь то к одному, то к другому, держал перед собой нож, делая резкие выпады. Никаких криков, подзадориваний не было – на охоте не принято шуметь, чтоб не спугнуть зверя, привычка сохранилась и при этой расправе. На зека бросился один из мужиков, показал взмах и тут же отскочил, нож просвистел мимо. В это время сзади уголовника черенком по голове огрел тихоня Николай, который вроде бы из-за габаритов тела и неповоротливости и не мог быть таким резвым. Зек упал, а мужики деловито и все так же молча стали запинывать лежащего без сознания, чтобы продлить эффект от процедуры воспитания. Пыль оседала на струйках крови, и красная жидкость на глазах превращалась в самую обычную грязь. Затем Николай увидел мальчика и, перехватывая у кого-то руку, отталкивая мужиков, прекратил избиение. В ответ на недоуменные возгласы он несколько театрально, выпячивая челюсть, указывал взглядом на подростка.

– Санко пьян Коля (Николай, сын Александра), – представился он почтительно мальчику, – вечером приду к тебе.

Вечером он и вправду пришел, и принес мальчику корзину пирожков с пистиками. Их испекла жена Николая, и пока на сковороде пели пистики, Николай рассказал, что с мужиками сделали на глазах бога, а потому требуется загладить вину. Угрызений совести он не испытывал, уголовник получил по заслугам, но боязнь прогневить мальчи-

ка его пугала. Жена поворчала, разумеется, но лишь для виду – гневить высшие силы она бы не решилась. С тех пор Николай регулярно на протяжении нескольких лет приносил мальчику пироги.

У племен, у которых мальчик жил и где его привечали, язычество и вера в него въелись в организм на клеточном уровне. Ни христианские обряды, ни советское воспитание за многие десятилетия не могли никак истребить это глубинное мировоззрение. Пермяки крестили младенцев в церкви, но при этом при рождении маленькому пермяку смачивали ушки соляным раствором для защиты от злых духов. В родительский день Семик (день поминовения усопших) взрослые сначала шли в церковь, а затем на могилы предков. Могилы накрывали скатертью, раскладывали приготовленную обильно еду, сур, вино и водку. Считалось, что в этот день у покойников отпуск и мертвецы смогут отпраздновать его с живыми родственниками. Бабы жаловались умершим на свою горькую долю (даже если она таковой не была), укоряли покойников за то, что оставили их. Мужики напивались, порой до беспамятства, тем самым как бы настраиваясь на одну волну с усопшими. Полагая, что трезвый покойника не поймет. Как и покойник – трезвого. В общем, не получится общения.

Все эти противоречия довольно органично сосуществовали и в Николае. Он был, как и многие, октябренком, затем пионером и комсомольцем. Хотел и в партию вступить, но настали смутные времена, для роста карьеры этот шаг оказался неактуальным. Николай долгое время не ходил в церковь, скорее чувствуя, чем осознавая фальшь эпидемии религиозности, но со временем под напором жены, когда ажиотаж спал, тоже становился участником некоторых христианских обрядов. Без особого, однако, погружения и веры в них.

С мальчиком, которому он принес пирог с пистиками, было все по-другому. При подношении Николай, весьма строптивый и своевольный мужик, чувствовал, что ноги сами собой подкашиваются, а спина ломится в поклон. Так и вручал пирожки – в полупоклоне, с робостью в голосе, и не смея поднять глаза.

Возможно, именно эта робость помешала ему крикнуть вслед пробегающему что-то свое и спросить насчет стряпни.

Много позже, когда сыну Николая исполнилось три года, он с веревкой на шее в сеннике в последние минуты жизни, как ему казалось, вспоминал эту встречу и никак не мог объяснить свое подобоострашие. Эта заминка и спасла его от самоубийства.

В сенник бесцеремонно вошли два сурового вида мужика. Тот, что моложе, увидел хозяина с петлей на шее, мгновенно выхватил пистолет, приставил его к голове Николая и скомандовал: «Не вздумай вешаться, а то башку прострелю!» Городские бандиты зачем-то искали губастого подростка, и кто-то из сельчан им сказал, что Николай с ним общается, подкармливает стряпней. То ли кто-то из бандитов заболел смертельной онкологией и им сказали, что губастый мальчик может вылечить, то ли подросток побил кого-то из них, вот они и приехали отомстить. Николая не интересовало — бога ищет каждый по-своему. Тот, что старше, убрал руку младшего с пистолетом, потому что не по-пацански угрожать человеку, решившему лишиться себя жизни, прострелом башки.

В это время из угла вылезла крыса, встала на задние лапы и с любопытством уставилась на людей. Ее зрачки горели красным. С минуту она пристально всматривалась в глаза Санко пьян Коле, взглядом как бы проникая внутрь его мозга, и тогда он довольно четко ей ответил: «Я все понял, Альве. Спасибо за жизнь!» Три года спустя, при зачистке водоканала под Донецком, Николай снова увидит крысу с красными глазами. Затем случится взрыв, который унесет его туда, куда он так рвался. Пока же более спокойный бандит удалился, а другой помог снять веревку с шеи и спуститься с табуретки. Николай рассказал, что знал о мальчике. Хотя, собственно, рассказывать было нечего. Никто не знает, где живет подросток. Он сам находит тех, кто ему нужен. И зло ему причинить не получится. Он сам кому захочешь его так причинит, что мало не покажется.

Подросток, которому Николай принес пирог, не был богом. Он был лишь подручным

бога, у которого было множество имен. Подручный был последним из племени человеколось, а бога манси называли Светлым мальчиком, ханты — Мось-хумом, коми — Альве. Крыса, проводившая Николая в последнюю дорогу, не была воплощением Альве, просто ее глаза стали на некоторое время глазами Альве. Через них Альве сообщил Николаю то, что беспокоило человека, а человек через свой взгляд глазами поблагодарил бога за последнюю милость.

А в тот день, когда Николай курил на крыльце и увидел человеколось, тот бежал по важному делу. Подросток, миновав заснеженное поле, ворвавшись в ельник, остановился и жадно стал вдыхать носом воздух и холодные запахи. Как последний из племени человеколось, он, как и все его предки, оберегал Альве. Притом оберегал не столько бога от людей, сколько людей от бога. У Светлого мальчика одна рука всегда была связана за спиной, потому что он обладал невероятной силой, и если освободить вторую руку, то мальчик может невзначай натворить много бед. Человеколось регулярно проверял, не развязались ли узлы на руке бога. На очередную проверку губастый подросток и бежал.

В этот раз, как, впрочем, и в прошлые встречи, Альве напомнил о том, что через три года, когда начнется война, надо будет построить капище. Хорошее. На века. Из камня. Человеколось мог бы удивиться такому желанию, потому что, сколько он себя помнил, у Альве капища не было. До рождения человеколось, говорят, капище было, при нем — нет. Для каменного строения нужны были деньги. Коми-пермяки построили бы его бесплатно, но камень надо было купить, привезти. Глава администрации, который регулярно обращался к Альве через подростка за советом, обещал помочь, но не деньгами, которых в бюджете не было. Можно было бы обратиться к краевым властям и выпросить под видом возрождения этнографического наследия грант, но специалистов, способных написать грамотную заявку, в деревне не было.

Човеколось не знал, как добывают деньги, и, честно говоря, видел их только мельком, но свои варианты по их добыче предлагал,

как и предписано подручному. Например, как-то в одной семье увидел по телевизору то ли документальный, то ли художественный фильм, в котором люди дрались друг с другом за деньги. Подросток предложил Альве отправиться вместе в город, там найти организаторов боев, заявиться и таким образом заработать. В том, что человеколось одолеет любого соперника, никаких сомнений не было. Как-то раз он покалечил заезжего спортсмена, не нанеся ему ни одного удара, а просто подставляя под удары лоб, о который противник сломал обе кисти. Однако Альве отверг эту идею — боги не могут жить в городах. Им там не место, но заверил, что проблема с деньгами будет решена, «ибо Алиса уже учится в университете, а ее друзья скоро придумают написать игру про Икотку, они и достанут у Деда деньги, и это уже не остановить». Еще Альве добавил, что в результате получится два жилища, из которых только одно будет для бога, но человеколось на такие подробности редко обращал внимание, поскольку в них не содержалось указаний для него.

Спустя еще три года, когда сыну Николая исполнилось шесть, Николай не оставил мыслей о самоубийстве, но решил, что смерть не должна быть бесполезной. Он отправился на СВО, где отчаянно и как-то остервенело сражался. Получил медаль «За отвагу» за то, что вынес раненых сослуживцев с поля боя, а видеокadres, где он увернулся от дрона-камикадзе и отбил его прикладом автомата, разлетелись по всем СМИ.

Его шестилетнему сыну мать и сестра говорили, что отец — космонавт и отправился на Луну, а там связь плохая и пообщаться с отцом не всегда возможно. Обычно удавалось поговорить, когда приезжала сестра. Она ставила перед малышом ноутбук, сама вместе с матерью уходила в сенник, чтобы не мешать мужскому разговору.

— Папка, а еще я научился говорить на языке собак. Одно «гав» означает — хочу гулять, а два — буду ждать. Еще могу допрыгать на одной ноге до луны. А когда мама заставляет пить молоко, я пенку в цветок скидываю. А, блин, Алиска ябедничает. Ну когда приезжает. Ты скажи ей. Не люблю я пенку, че, блин, такого?!

Мама говорит, что на Луне связь плохая. Я еще чуть-чуть потренируюсь и допрыгаю до тебя. Скажи по-собачьи, что будешь ждать!

— Гав-гав!

— Ооо! Крутяк! Ты тоже научился! Ладно, короче, папка, не отвлекай! Меня парни ждут — будем лягушку в космос запускать, Никитке коптер купили... Долетит ведь, да? А ты мне коптер подаришь? Ну всё, пока. Не знаю, че еще говорить!

Примерно такие разговоры с отцом случались у малыша. А мать с Алисой, которая к тому времени закончила учебу и организовала с сокурсниками небольшую IT-компанию, сидели в это время в сеннике с другим ноутбуком. Алиса через программу подмены лица и голоса на фоне унылых пейзажей Луны разговаривала с братом от имени Николая. Они и сами не понимали, почему не рассказали о том, что отец мальчика погиб, подорвавшись на mine при зачистке водоканала, поскольку отвлекся (как рассказали сослуживцы) на выбежавшую крысу. Так и не сказать, что соврали. Николай ведь действительно сейчас на Луне общается с богом Альве, а Человеколось кормит их пирогами с пистиками, которые при жизни приносил Николай.

— Альве, поди, ест обеими руками, — уверенно заявила жена Николая дочери, прикидывая как потратить страховые выплаты за гибель мужа, и пояснила, — обе руки у Светлого мальчика свободны. Иначе — почему это все?

Алиса отвернулась и ничего не ответила. Ей почему-то подумалось, что Альве, Светлый мальчик, обязательно должен быть похож на брата.

ОЦИФРОВАННЫЙ МИФ

Алиса еще в студенческие годы зарегистрировалась на сайте, где мужики договариваются с девушками о сексе за деньги, и таким образом и зарабатывала, и удовлетворяла физиологические потребности. Деньги являлись для нее средством для осуществления недостижимой мечты, а следовательно, абстрактным или даже фоновым стимулом.

А стабильные отношения угнетали обязательностью следования ритуалам. Дарить подарки по любому поводу, каждый вечер писать мимишные сообщения партнеру, изображать оргазмы, даже когда их нет, ползать по выставкам и ресторанам, когда хочется просто тупить под одеялом перед ноутбуком, отчитываться за время, проведенное врозь, приводить себя в порядок перед встречами утомительным макияжем. Бррр!

Мечта была действительно роскошной, почти сказкой. Алиса родилась в деревне, в городе мыкалась по съемным квартирам, в отчий дом возвращаться ей категорически не хотелось. Отношения с матерью не сложились, и после гибели отца смысл навещать родных уместился лишь в двадцати килограммах шестилетнего брата. Притом собственное жилье Алиса хотела не в виде стандартной однушки-студии, которую уже могла себе позволить, а в виде двухуровневой квартиры, с большой террасой, а не типовыми лоджией или балконом, куда по утрам можно было бы выходить с чашечкой кофе в роскошном пеньюаре. Желательно на последнем этаже. Именно поэтому она, проигнорировав офферы от глобальных и крупных компаний с солидной и стабильной зарплатой, зазаввавших ее в качестве программиста, вместе с однокурсниками основала свою компанию. Алиса справедливо рассудила, что устроиться на стабильную работу всегда успеет, но при этом если и воплотит свою мечту в жизнь, то лет через «дцать». Даже с учетом льготной ипотеки для айтишников. А со своей компанией она может либо взлететь на каком-нибудь проекте и купить наконец жилье-сказку, либо просто потерять время. Пока же приходилось сдавать свое тело в аренду и арендовать для тела халупу в хрущевке. Ее это почти устраивало.

Откуда была такая мечта, она не задумывалась. Возможно, насмотрелась импортных фильмов. Возможно, ассоциировала себя и брата (его воспринимала как часть себя) с такой квартирой, и таким образом пыталась вместить в своей мечте на разных этажах сварливую мать и погибшего отца, с которым была близка. Живи они на разных этажах,

может быть, было бы меньше ссор? И отец бы от нее не ушел и не погиб?

У проституции, разумеется, были тоже минусы. Иногда секс оказывался неудачным. Иногда Алиса сталкивалась с клиентом в неподходящем месте при неподходящих обстоятельствах. Как сейчас, например.

Ярик привел в офис как раз такого клиента, немолодого писателя, у которого Алиса пару раз зависала, когда ему, пахнувшему вискарем и/или коньяком, хотелось секса. При встрече с такими мужиками в реале (занятие проституцией она воспринимала как некую виртуальность, не имеющую к ней настоящей никакого отношения) Алиса терялась и не знала, как себя вести, поскольку, разумеется, такой ее досуг был секретом даже от самых близких друзей.

— Знакомьтесь, Вольдемар Тузилов. Вольдемар попросил без отчества, — представил Ярик гостя Алисе и Дэну. — Это писатель, он будет ваять нам диалоги. Я искал в сети фрилансеров, но их примеры работ показались не смешными, плоскими. А Вольдемар как-то на Новый год по-соседски подарил свою книжку, я даже начал ее читать (каюсь, пока не дочитал), и мне понравилось. Юмор, четкость изложения без всяких там... Всё, как я люблю, в общем. Прошу любить и жаловать.

— Какая милая девушка, рад познакомиться!

Алиса, пряча взгляд, пожалала протянутую руку гостя. В комплименте ей почудился скрытый намек на узнавание.

— Теперь, внимание! — Ярик похлопал в ладоши. — Приступим. Я всем выслал три файла. Это черновики, в которые вы можете и, я бы даже сказал, должны вносить свои правки и замечания. Пока так, чуть позже нашу работу перенесем на виртуальную доску. Наша игра будет в жанре RPG с элементами экшена. Специально для Вольдемара, поскольку это дело для него в новинку, поясню, что RPG — это пошаговая стратегия, где персонаж, как в квесте, выполняет различные задания. Экшен означает, что на каких заданиях ему надо бегать, прыгать, стрелять, в общем — проявлять разную активность. Вольдемар, вам всё ясно?

— Не такой уж я и дремучий, несмотря на возраст, — самодовольно заявил гость. —

Иногда во всякое там играю. Правда, мне шутеры от первого лица больше нравятся. «Call of Duty», например.

— Отлично, Вольдемар! — Ярик радостно потер руки. — Но если будут вопросы — задавайте. Игра будет в стиле фэнтези, но не в привычном мире магов, эльфов, орков и людей, а на основе мира из элементов пермского звериного стиля. То есть другие законы, другая механика, иные сюжетные ходы. Мы с вами беремся за грандиозную задачу — воплотить в игре абсолютно новый мир. И как вы убедитесь, ознакомившись с высланными вам материалами, базовую, то есть основную и главную, часть работы я за вас уже сделал. Вам осталось только наполнить пробелы деталями... У тебя вопрос, Дэн? Прошу! У нас же обсуждение, только не занудствуй!

— Новый мир — это хорошо, только игроки привыкли к эльфам, оркам и магам. С чего ты взял, что они захотят погружаться в абсолютно новый мир?

— Дэн, скажу тебе так. Время нас рассудит, а пока совет. Воспринимай мои слова и тезисы как свой внутренний голос, тебе будет легче так со мной во всем соглашаться, ок? Поехали дальше. Итак, что в наших трех файлах. Собственно, сама концепция нового мира, ее я вам сейчас изложу устно. Во втором файле техническое описание проекта. Не все пункты заполнены, так что подключайтесь и заполняйте. В третьем файле список необыкновенных существ из нашего нового мира. Не все они войдут в игру в качестве персонажей, но у каждого есть своя история, свой увлекательный бэкграунд, на основе которого можно выстраивать какой-то этап игры. Анонсирую сейчас одного для затравки. В пермской мифологии есть такие сущности, которых называют кудадами. Это умершие малыши, чьи души превращаются в зловещих детей-крикунов. Оцените, как красиво можно подать и визуализировать, да?

— Ярослав, вы же это не сами придумали? — встрял Вольдемар. — Откуда-то вы же это все брали. Полагаю, и Денис, и Анжелика будут со мной солидарны в этом вопросе. Хотелось бы узнать первоисточник, из которого вы черпали элементы, так сказать, нового мира.

— Разумеется, Вольдемар. Только вы, наверное, не расслышали, нашу сотрудницу зовут Алиса, а не Анжелика, а Дэн привык, что его называют Дэном, правда, Колобок?

Дэн в ответ лениво махнул рукой, типа мели что хочешь, мне все равно, а Алиса снова смутилась, поскольку Вольдемар назвал ее именем, которым она представлялась как проститутка. Троллит, что ли? Алиса напряглась, но гость тактично тронул ее за плечо и, соединив ладони у груди, показал, что извиняется за ошибку. Опять издевается?

— На ваш вопрос об источнике отвечаю. По пермскому звериному стилю есть работы Бориса Эренбурга «Цивилизация хранителей» и «Книга пермских чудовищ». Брал оттуда. Сразу оговорюсь: я отбирал только то, что можно воплотить в игре. И к тому же я уверен, некоторые характеристики персонажей придется менять. Мы вырываем из контекста только нужное и адаптируем под наши задачи. Наша игра не энциклопедия по звериному стилю. За соответствием мы не гонимся.

— Это как в тарантиновском фильме «Бесславные ублюдки», в котором американские диверсанты Гитлера во французском кинотеатре убивают, — привел Вольдемар пример. — Хотя все знают...

— Да. Если вам так удобней, — отрезал Ярик и жестами показал, что все ремарки и замечания можно будет озвучить позже. — Итак, наш персонаж, которым управляет игрок, существует в двух мирах. Один реальный, другой — потусторонний. В первой локации персонаж оказывается, потому что ему по какой-то надобности, допустим онкология, надо, чтоб ему подселили икотку, которая его от недуга избавит. Это вводная и самая простая часть игры. Он, типа, ходит по ведуньям и колдунам и ищет того, кто сущность ему подселит.

— Очень простенько, — покачал головой Дэн. — Надо бы сразу жечь.

— Не согласна с Дэном, — встряла Алиса. — Мир новый, игроки его пока не знают, надо дать осмотреться.

— Все замечания потом, ребята. Ну!

Ярика, как всех эгоцентристов, бесило, когда его перебивали.

– Продолжу. После того как ему подсе- ляют икотку, начинается самое интересное. Во-первых, он начинает видеть мир в другом свете. Это как в оптике с ночным и дневным режимом видения. У него начинают происходить такие же примерно переключения. Режим видения икотки, которая сидит в нем, и собственно его обычное видение. В режиме икотки он видит то, что скрыто от глаз обычного человека. Например, человек видит обычное дерево, а икотница видит, что в дереве выдолблена сердцевина и там похоронен шаман, поскольку так их и хоронили. Или все видят, что старик у магазина схватился за сердце и тут же умер от инфаркта, а икотник увидит, что над стариком пролетела Кингланка, птица с железными перьями, и одно перо выронила прямо в сердце старику. Во-вторых...

– Прошу прощения. Требуется уточнение, а то непонятно будет.

Вольдемар, как в школе поднял руку и потряс ей, получив в ответ утомительный кивок от Ярика, спросил:

– Вы сказали, Ярослав, что икотник будет жить в двух мирах. А сейчас говорите про особый режим видения, этот режим и есть второй мир или?

– Первый вопрос по существу! Дэн, Алиса, такие же задавайте, а не оценочными суждениями кидайтесь. Отвечаю. Нет, это не потусторонний мир. Это именно другой режим видения реальности. У потустороннего мира будет свой функционал. Это и есть «во-вторых». О нем я расскажу чуть позже. Теперь о заданиях для игрока. Ему нужно будет подселить икотку как можно большему количеству людей. Это его главная задача на протяжении всей игры, но не единственная. А в режиме особого видения различные магические персонажи будут игроку давать подсказки, помогать, и нередко подставлять игрока. Да, и подставлять тоже, у них своя логика существования. А что вы хотели? Также наши магические персонажи будут давать мелкие задания, не выполнив которые участник не сможет продолжать игру. Теперь про то, как мы будем прокачивать героя, то есть наращивать параметры его характеристик.

Ярик отошел к кофемашине, где Алиса готовила себе кофе, выхватил чашку буквально из-под носа девушки:

– Спасибо, Алиса, ты настоящий друг!

И вернулся на место рассказывать дальше. Алиса, привыкшая к выходкам коллеги, приняла это невозмутимо.

– Так вот, о параметрах. Оказывается, согласно мировоззрению наших предков, изложенному Эренбургом, у человека не одна душа, а пять. Первая – «Душа дыхания». Она неотделима от тела человека, и после его смерти переселяется в душу ребенка того же рода.

Вторая – «Душа сна». Она способна путешествовать между мирами. По преданию, путешествовала она в образе глухаря или кукушки, а злые духи охотились на нее. Если ловили, то человек мог заболеть и умереть. Шаманы умели возвращать такие души из плена.

Третья – «Душа смерти». Она, после смерти человека, проживала в потустороннем мире столько же, сколько человек в реальном. А потом превращалась в насекомое.

Четвертая – «Душа здоровья». Она отвечает сами понимаете за что. Никогда не должна покидать тело, иначе с человеком произойдет то же самое, что и в случае потери второй души. Шаманы также ее могут возвращать.

Пятая – «Душа силы». Может отделяться от тела и превращаться в злобного духа. Шаманы иногда могут насыпать такие души на врагов. Утверждается, что этот функционал – прообраз таких персонажей, как вампиры, оборотни и зомби.

Смотрите, как удобно. Мы получаем в виде этих пяти душ некие параметры героя, которые он может по ходу сюжета прокачивать. Мы их, разумеется, модифицируем. Назовем иначе, придадим другой функционал, но в целом это может стать отличительной фишкой игры.

– Ну, кстати, реально хорошая фишка, – одобрил Дэн.

– Спасибо, Колобок!

Ярик отпил кофе и продолжил:

– В подселении икотки для наших игроков будет ряд сложностей. Во-первых, не каждому персонажу, который будет встречаться

на пути игрока, получится сделать подселение. А заражать (давайте этот термин использовать) игрок будет, скажем, через еду или кровопускание. Кто-то что-то заподозрит, кто-то еще как-нибудь увильнет и так избежит заражения. Ну и к тому же не в каждом персонаже икотка, которую герой должен подселить, будет жить в мире и согласии с носителем. Из-за этого некоторые икотники будут вести себя странно — бесноваться, говорить чужим голосом, кидаться на людей. Незараженные люди начнут их избегать, об эпидемии икотки вести быстро распространятся по всей нашей локации. Наш персонаж по ходу игры должен будет определять, кому стоит подселить икотку, а кому — нет. Иначе — палево. И тут мы подходим к экшену. Здоровые люди начнут выискивать колдунов, ведьм, икотников и охотиться за ними, чтобы прекратить распространение заразы. Сжигать дома, убивать. Перед игроком стоит задача не попасть под замес, но при этом продолжать заражать людей икоткой.

Тут спикеру вновь пришлось сделать паузу. У него зазвонил телефон.

— Да. Приветствую. Работаем. Сложно так быстро сказать. Поиск по базам, взлом, ну сами понимаете.

Прикрыв микрофон на телефоне, он шепотом обратился к Алисе:

— Как у нас с пробивом телефона дела продвигаются? Это инвесторы звонят...

— На кого и когда зарегистрирован номер уже известно, — ответила она. — Геолокацию тоже пробила. Телефоном не пользуются — ни звонков, ничего. Я сделала подмену номера, чтоб получить доступ к банковским приложениям. Просили ведь еще покупки с карты посмотреть? Будут спрашивать про сроки, скажи неделя.

— Да-да, я на связи... Нет, микрофон не прикрывал. И не нервничаю, что вы! Да, я понял. По срокам? Да, примерно дней десять. Хорошо, за неделю постараемся. Кое-что уже есть, можем выслать... Не надо? Лучше все разу. Ок. Всего доброго.

— Вот зря мы с ними связались. Были бы деньги, свои бы им вернул, чтоб только не иметь дел с бандитами.

— Ой, Дэн, не начинай опять, да? А вы, Вольдемар, ничего не слышали, договорились?

Ярик быстро взял себя в руки, от нервозности не осталось и следа.

— Двигаемся к потустороннему миру. Не в контексте общения с бандитами, а про игру говорим. И тут у нас наклеивается еще одна отличительная фишка. Согласно мифологии, никакая вещь, ни один человек не исчезают бесследно. Человек не умер, а переместился в потусторонний мир. Вещь не сгорела и не сломалась, а также попала в другой мир. Таким образом, если персонаж игрока накосячил, сломал важный артефакт, убил, защищаясь, икотоненавистника, то ему надо все исправить. Как? Отправиться в потусторонний мир, снова убить там того же человека и/или сломать такой же артефакт, поврежденный в реальном мире. Это, я скажу вам, круто! Предлагаю обдумать, как игрок будет туда перемещаться.

— Разрешите, — вмешался Вольдемар. — А что если игрок будет отправляться в другой мир не только для исправления косяков? У него же пять душ, точнее параметров. Выполняя задание, он, допустим, теряет часть себя. То есть душу. И чтобы ее вернуть, то есть восполнить параметр, ему надо посетить мир мертвых, а?

— Блин! Это же совсем как... — Дэн даже подскочил от восторга. — Как в марвеловских «Мстителях» с камнем души, когда героиня Скарлетт Йоханссон бьется за то, чтобы умереть самой, чтоб камень души достался бы Соколиному Глазу, Клинту Бартону. Это так драматично и эмоционально!

— Принимается! — подытожил Ярик. — Наконец, к технической части — документации игры. Вам нужно заполнить анкету со своим видением проекта. Пробежусь бегло по пунктам. К каждому этапу игры, то есть акту, мы должны дать описание, включающее в себя: первое — OVERVIEW, то есть обзор событий и выборов акта. Краткая карта — описание. Герой ищет ведьму, колдуна, кто бы посадил ему икотку. С первого раза не получается, он пробует несколько вариантов. Второе — LOCATIONS. Локации, тут все понятно. По первому акту описываем деревню, внутренности изб, куда персонаж будет заходить. Далее, третье — ART

REQUIREMENTS. Это характеристики места, время, типа наши дни, характеристики главных персонажей акта, как они должны выглядеть. Четвертое — CAST OF CHARACTERS. Тут описываем второстепенных персонажей, которые на ход сюжета не влияют, но придают атмосферности. Пятое — SCRIPTING, здесь описываем визуальные эффекты, вставку видеороликов, если необходимо — облет камерой, допустим, всей локации. Шестое — COOL STUFF. Здесь описываем решения по перемещению, например, в потусторонний мир, а также использование артефактов и их добычу. В первом акте нам это не понадобится, но на следующих этапах точно будет нужно. Седьмой пункт — про звуковые решения, подбор музыки, привлечем дизайнера по звуку. Можете заполнить обтекаемо, какая музыка должна быть по настроению. В восьмой пункт MISCELLANEOUS NOTES вписываем все свои мысли и замечания. Пока что делаем первый акт, затем встречаемся, обсуждаем. И после этого приступаем к следующим. Уф, на этом на сегодня всё! И не забудьте ознакомиться с перечнем мифических персонажей. Он в третьем файле.

— Ярик, не кажется ли тебе не то чтобы кощунственным, но не совсем правильным, что ли, — вдруг, одеваясь, обратилась Алиса, — использовать реальных духов, сущностей в нашей игре. Одно дело — маги, эльфы, орки — их не существует. Но другое — икотка, мертвые детишки Куды... Стоит ли их использовать как игрушки, обычно они людьми играют...

— Алиса, икотка это психическое заболевание. Ее как сущности тоже не существует...

— Погоди, как не существует?! У нас по поселку странный парень бегаёт, весь год в любую погоду в одних шортах. Отец говорил, что это человеколось. Я свою бабушку с икоткой еще живой застала, она чужим голосом абсолютно верно рассказывала о таких вещах, о которых обычный псих никогда бы не догадался.

— Алиса, у вас в деревне, скорей всего, и в инопланетян верят...

— Я тоже верю!

Дэн и хотел было рассказать о доказанных фактах инопланетной деятельности на Земле, но Ярик устало вытолкнул всех за дверь:

— За работу!

На улице Вольдемар хотел догнать Алису и переговорить о концепции игры. Его тоже смущало то, что пермских мифологических персонажей надо будет вырывать из контекста ради сомнительного развлечения. Однако Алиса, не замечая писателя, ухватила Дэна под руку и завела за угол, сказав, что надо срочно переговорить. Так Вольдемар стал невольным свидетелем их разговора. И не то чтобы он испытывал из-за этого неловкость. Он объяснил это тем, что характер неформальных отношений в новом для него коллективе также необходимо учитывать, чтобы наладить продуктивное общение. Для этого стоит узнать, кто чем дышит, что обсуждают в междусобойчиках. К тому же не корысти ради, а чисто для творческих целей. Для будущих книг.

— Ты говорил, что у тебя анонимные криптокошельки, через которые можно вывести деньги и спрятать так, чтоб их путь невозможно было отследить.

— Да. Со времен обналички кое-что осталось. Но проще всего через дропов такие схемы, вряд ли у тебя суммы большие. А что конкретно надо? Какая, сумма, кстати?

— Через дропов не пойдет. Смотри.

По всей видимости, Алиса показала что-то Дэну на экране телефона, потому что он эмоционально присвистнул: «Охренеть!»

— Я соврала, что еще не получила доступ к банковским приложениям того бандитского телефона. Поможешь?

— Блин! Озадачила. А бандюки что скажут?

— Они даже не знают, чей это телефон, раз нас попросили узнать. Откуда тогда они могут знать, чьи это деньги и сколько их? Или ты ссышь?

— Верно. Не знают. Я не ссу, я прикидываю варианты. Это ж мы можем инвесторам деньги вернуть даже с процентами и заниматься игрой в свое удовольствие!

— Мы еще твою долю не определили, а ты уже их тратишь! Соберись, Дэн! Сколько ты хочешь? У нас всего неделя.

— Прошу меня извинить, я случайно подслушал ваш разговор.

Вольдемар раздумывал недолго, ему понравилась идея поучаствовать в высоко-

интеллектуальном грабеже, это могло пригодиться в творчестве. К тому же и острая потребность в деньгах толкнула его к тому, чтобы выйти из-за угла.

— Я могу оказаться полезным. Возьмите меня в вашу команду.

Алиса от растерянности (сейчас начнет меня шантажировать), безысходности и под недоуменным взглядом Дэна тут же согласилась. Дэн, не совсем понимая, зачем в этой операции нужен писатель, но из боязни, что их с Алисой могут сдать бандитам, также кивнул.

Алиса так и не узнает, что Вольдемар ее как проститутку даже не запомнил. Писатель часто, когда напивался, пользовался услугами девушек по вызову. И оба визита Алисы не сохранились в его растворенной алкоголем памяти. Ни ее лицо, ни имя ему ничего не говорили. Тем временем икотка, живущая в Вольдемаре, тихонько посмеялась над таким везением.

ВОЛШЕБНЫЕ ТВАРИ ПЕРМСКОГО КРАЯ. Файл от Ярика

Безголовые. В XV веке новгородский купец, автор сказания «О человецех незнаемых в восточной стране» так описывает безголовых людей:

«В той же стране иная самоедь. По обычаю — люди, но безглавы, рты у них между плечами, глаза на груди. Еда их сырые головы оленей. И когда они едят, то головы олени мечут себе в рот на плечи, а на другой день кости измещут из себя. Не говорят. Оружие их — трубка железная в руке, а в другой руке — стрела железная. Стрелу вкладывают в трубку и бьют молотком по стрелке. А товара у них никакого нет».

Двухголовый медведь. Всевидящий медведь, которого ханты называют Ем-вош-ики, оберегает души людей от злых духов по пути в другой мир.

Двухголовый дракон. Пермские драконы напоминают древних мифических змей амфисбен, то есть его головы (иногда от раз-

ных животных) находятся на разных концах туловища. Одной головой дракон пожирает людей, другой — траву. Если приручить дракона, он не только перенесет человека в загробный мир, но и вернет его обратно уже героем.

Душила. Собиратель душ. Он является к человеку во сне и долго и монотонно уговаривает отдать одну из пяти душ. Так считается. На самом деле Душила не собирает души — он выменивает их на тишину. Является не во сне, а в том мгновении, когда сон и явь переплетаются, как пальцы усталого путника. Его голос — монотонный гул осиногоря за стеной — не уговаривает, а выскабливает из жертвы согласие. Некоторые отдают душу не из страха, а от безысходности: выслушивать сущность дольше часа — всё равно что считать капли воды, падающие с потолка в глухую ночь. Говорят, одна вдова из Соликамска согласилась отдать ему «ту самую душу, что лежит в сундуке под фатой», лишь бы он перестал цитировать ей календарь по годам за 1842 год.

Спасти от него можно, распахнув окно и впустив ветер, пахнущий мокрыми камнями, или зажечь свечу из воска, смешанного с пеплом берёзовой коры. Но важно не переборщить: если сквозняк унесёт вместе с Душилой последние слёзы, оставшиеся на подоконнике, душа может засохнуть, как виноградная лоза в декабре.

Монах Агафодор с Белой горы в «Трактате о невидимых арендаторах» предлагает такой рецепт избавления:

«Душила — не демон, а должник. Когда-то он проиграл в кости собственное имя, и теперь бродит по миру, собирая чужие души как монеты для выкупа. Его занудство — форма покаяния. Если встретитесь с ним, спросите: «Сколько тебе ещё осталось?» — возможно, сбежите, пока он считает».

Камья-эта. Человек-щука. Места обитания этих чудовищ назывались «чёрным озером» и считались очень опасными и зимой, и летом. В щуку превращались шаманы и старые женщины. Рассказывают, что охотники, убивая уток на озере, где водилось чудовище, пускались вплавь за добычей, обязательно

опоясавшись ремешком с ножом. Это надо было, чтобы вспороть изнутри брюхо, если человек-щука проглотит их.

Местные жители считают, что чёрные озёра — не места, а состояния. Их берега покрыты илом, в котором находят кольца с чужими именами, а вода отражает не луну, но прошлое того, кто в неё глядит. Камья-эта, человек-щука, рождается там, где утопленница семь раз отказалась принять венец из водорослей. Колдуны и ведьмы говорят, что превратиться в щуку может лишь тот, кто при жизни проглотил собственную тень.

Охотники, плавающие за подстреленными утками, опоясываются ремнями с ножами не из страха быть съеденными, а чтобы разрезать тишину. Если Камья-эта проглотит человека, он оказывается не в рыбе, а в собственных воспоминаниях, где нож нужен, чтобы вскрыть шов между «было» и «стало». Рассказывают, что один юноша, проглоченный щукой, вернулся через год, держа в руке зуб чудовища, на котором был выгравирован портрет его умершей матери.

Кингланка. Человек-птица с железными перьями хватает людей и уносит их в пещеру или на высокое дерево, чтобы выпить всю кровь и съесть. Крик Кингланки подобен грому, человек не способен его выдержать. Если птица на лету выронит перо и оно попадет в человека, то убьёт его. Коми-пермяки утверждают, что Кингланка — не птица и не демон, а последний вздох механизма, который забыли смазать. Её перья — ржавые иглы длиной в человеческий рост — звенят, как колокольчики на шляпе пьяного бога. Крик её сравнивают с громом, но это неверно: голос птицы — это звук разрываемой ткани мироздания. Те, кто слышит его, теряют не слух, а способность воспринимать тишину.

Комполэн. Полузверь, получеловек. Живет в лесах и болотах, из-за чего его также называют «болотным духом». Может превращаться в различных зверей. Разные ноги чудовища (одна нога от медведя, другая от лося) — его отличительная черта. Комполэн троллит мир людей, стравливая их между собой. Из-за проказ комполэна ссорятся родные братья, муж и жена, соседи. Также он может подселиться

в человека и стать его второй натурой. Говорят, что через финно-угорские племена он попал сначала к норманам, а затем к британцам, где и осел окончательно. Отсюда выражения «англичанка гадит», а также «если два шотландца поссорились, значит до этого их посетил англичанин».

Некоторые колдуны считают, что Комполэн — не дух, а инструмент. Его тело — лоскутное одеяло из звериных шкур: медвежья лапа с когтями, отполированными о камни могильников, лосиное копыто, поросшее мхом, спина, покрытая чешуёй выдры. Он не превращается в зверей — он выворачивает их наизнанку, оставляя на опушках лесов кровавые следы, похожие на карту забытых дорог. Живёт не в болотах, а в промежутках между словами «предательство» и «доверие». А его проказы — не шалости, а ритуалы. Когда он вселяется в человека, то не становится его второй натурой, а пришивает к душе жертвы куски чужих судеб. Рассказывают, что давным-давно в Чердыни кузнец, одержимый Комполэном, начал ковать гвозди из собственных рыжих волос. Каждый такой гвоздь, вбитый в порог, обращал соседей в немых псов, воющих на луну.

Избавиться от демона можно с помощью нехитрого обряда: «Комполэн — дитя брака между ветром и кочкой. Чтобы изгнать его, нужно трижды прокричать в пустой кувшин имя своей первой любви, а затем разбить его о порог. Но осторожно: осколки могут превратиться в змей, которые уползут искать новую жертву».

Красные светящиеся глаза. Иногда их также называют взором Светлого мальчика, бога Альве. Через них, вселяясь в животных и своих подручных, он телепатически передает людям свою волю, завернутую в шуршащую пленку витиеватых снов. И у человека нет сил сопротивляться приказу. Глаза в такой момент горят не светом, а голодом — тем самым, что заставляет волка гнаться за собственной тенью. Вселяясь в животных или подручных (чаще всего — в крыс или ворон с переломанными крыльями), Альве проникает в разум человека и шивает туда свою волю, как нитку в ткань.

Кот Кули-Ко. Это животное никто из живых не видел, а кто увидел, того кот убивал. Он селится в заброшенных домах и строениях. Ханты рассказывают такую историю. Два охотника заночевали около кладбища, один прилег у могилы жены, другой – в заброшенном амбаре. Наутро тот, что ночевал среди могил, пришел к амбару будить друга и постучал в стену:

– Вставай, уже день наступил.

– Дай мне сначала связать свои кости! – послышалось в ответ. «Это, конечно, не мой товарищ, а злой дух», – подумал человек и убежал. Когда он вернулся вместе с шаманом и односельчанами к амбару, то нашли там только обглоданные кости.

Те, кто общается с духами, утверждают, что Кот Кули-Ко – не животное, а процесс. Он обитает не в заброшенных зданиях, а в промежутках между «забыли» и «вспомнили». Его нельзя увидеть, потому что он – сама возможность взгляда. Те, кто встречают его, исчезают, как капли воды на раскалённой сковороде. Ханты говорят, что его истинная форма – тень, оторвавшаяся от тела и научившаяся жевать кости.

Чтобы защититься от чудовища, охотники носят на шее мешочки с пеплом от костра, на котором сжигали свои старые сапоги. Если Кот приблизится, пепел зашипит: «Ты опоздал, здесь уже ничего нет». Кот Кули-Ко боится только одного – застыть во времени. Поэтому в заброшенных домах на стенах оставляют осколки зеркал, а рядом вешают рыбы пузыри, наполненные кровью. Если кот там появится, то примет их за глаза бога Альве и будет смотреть, пока не ослепнет.

Куды. Куды – это порождения духов в образе детей-крикунов. Они очень опасны. Манси утверждают, что дети и старики видят другую сторону Луны. Это означает, что младенцы еще находятся на границе миров, они недавно явились с того света и пока принадлежат миру духов. Если дитя улыбнется – душа прирастает к телу, как корень к камню. Если же умрет, не обретя зубов, – куды уволочут его в свои чащи, где он станет крикуном, чей голос разрывает барабанные перепонки, а вызванные криком слезы выедают глаза

живых. Эти существа губят людей. Для защиты от кудов из жести консервной банки от детского питания вырезают фигурку младенца с круглой головой и загнутыми концами рук и ног. Один колдун хвастался, что смог прогнать такого ребенка-куда: «Вышел из леса человек – кукла, ростом с локоть, в одежде из березовой коры. Рот его был пустотой, а голос – как тысяча комаров в ухе. Он звал меня по имени, но я бросил в него горсть соли, и он рассыпался, будто содержимое песочных часов».

Лоз-хохотун. Эта мифическая тварь не только убивает людей, но и глумится над ними после смерти. Рассаживал мертвецов на скамьи и распяливал им рот деревянными палочками, чтобы казалось, будто люди хохочут. Иногда для этих же целей он насаживал головы убитых на колья. Бывает, что Лоз-хохотун смеется голосом филина. Если человек услышит ночью такой смех, то обязательно кто-то из его родственников умрет.

Менквы. Менквы – это великаны и неудавшаяся версия людей. Согласно преданиям бог Топал-Ойка вырубил из лиственницы семь человеческих фигур. Когда другой бог Нуми-Торум вдохнул в них жизнь, они свистнули и разбежались в разные стороны. Так появились менквы. Они невидимы, но вполне материальны и обладают необыкновенными способностями. Они могут загипнотизировать человека, изменить человеческое сознание. О приближении менквов можно узнать по шуму, треску сучьев, неожиданному вихрю и сопутствующему ему свисту. Во избежание встреч с людьми менквы могут напускать на людей внезапную необъяснимую тревогу. Люди не видят чудовищ, но в панике бегут с места, с которого их сгоняют великаны. Манси верят, что группу Дятлова сгубили менквы. Чтобы оградить себя от воздействия великанов, необходимо сжечь кору лиственницы, смешать пепел с медвежьей кровью и нарисовать смесью круг. Менквы не смогут переступить черту, ибо увидят в ней границу между миром и своей нерожденной сутью.

Миснэ. Добрая и мудрая лесная женщина. Дух леса, сотканный из шепота папоротников и вздохов берёз. Она не жена, но воз-

мужчину; не женщина, но обещание женщины. Манси верят: если охотник, заблудившись в тайге, трижды споткнётся о корень кедра, Миснэ явится ему в облике, который сердце его ждёт — то ли девой с волосами цвета смолы, то ли старухой с глазами, как трещины во льду. согласишься взять её в жены — удача станет твоей тенью: сети будут рваться от рыбы, пули находить зверя даже в тумане. Но брак с Миснэ — это договор с рекой: сегодня она несёт твою лодку, завтра ее утопит.

Дети, рождённые от Миснэ, не плачут, а поют, и их колыбельные заставляют волков выть в унисон. Но когда приходит время, она уводит их в чашу, оставляя в доме лишь горсть ягод, покрытых желтой, словно куркума, плесенью. Надо их съесть, чтобы оставить себе удачу от Миснэ. Отказавшиеся же от последнего дара обречены слышать её смех в шуме ветра и запивать горе потери водкой.

Мурлыка, или Вечный жених. Дух, что приходит в образе котёнка — но не того, что мурлычет у очага, а того, что смотрит из-под крыльца чужими глазами. Мурлыка не соблазняет, а пробуждает в женщине зеркало: она начинает видеть в себе ту, что «достойна лучшего». После этого все женихи кажутся ей слепцами, а мужа — тюремщиками. Попавшие под наваждение женщины навечно становятся «невестами Мурлыки». До самой смерти дух является женщине во снах, свернувшись клубком на груди, чтобы сдавить дыхание и изгнать любые мысли о мужчинах-соперниках.

Говорят, Мурлыка — сын Лоз-хотуна и одинокой пряжи, которую дух обманом взял в жёны. Он унаследовал от отца любовь к жестоким шуткам: его «невесты» заводят котят, не понимая, что те — его уши и глаза. В деревнях говорят: «Если кошка родит трёх чёрных котят — это Мурлыка собирает совет, чтобы решить, какую из женщин сделать вдовой при живом муже или кого из молодых оставить в девках».

Нежданчик. Дух-проказник Чуймодны. Меняет ход привычных событий непредсказуемым образом. Проявляется в событиях, которые невозможно предугадать. Выпавший снег

посреди лета, обнаружение клада при огородных работах, птичка с неба на человека какнула — это всё его шалости. Нежданчик — дух-трикстер, чья игра — ломать причину и следствие. Он не злой и не добрый — он иной. Его проделки — узлы на нитях судьбы. Манси верят: Нежданчик — это палец бога Альве, случайно проткнувший завесу между мирами. Американский экономист Нассим Николас Талеб проказы Нежданчика счел явлением, которое назвал «Черным лебедем» в книге с таким же названием в 2007 году.

Пауль-йорут. Это похотливый дух, рождённый из стыда выброшенных вещей. Он живёт в грудях ветоши, где рукава свитеров сплетаются в щупальца разврата, а дырявые ботинки нашептывают мерзости о плотском. Чем старше одежда — тем сильнее его голод. Ночью Пауль-йорут живет с хозяйкой старых вещей как любовник, а днем вселяется в ее тело и начинает грызть рёбра, принимая боль за форму диалога. Его жертвы — чаще одинокие женщины, ибо они, как никто, умеют любить невидимое.

По телевизору часто показывают сюжеты про то, как одинокая женщина изводит соседей по подъезду антисанитарией, заполняя квартиру до потолка хламом, подобранным на свалке. Это означает, что с ней сожительствует Пауль-йорут и требует ежедневных подношений.

Человеколось. Человек с головой или душой лося. Считается посредником между людьми и Светлым мальчиком, богом Альве. Также является, по одной из версий, охранником бога от людей, а по другой — людей от бога. Следит, чтобы одна рука Альве была всегда связана за спиной, ибо мальчик такой могущественный, что двумя руками может случайно нанести людям много бед.

Если встретишь Человеколося, подари ему соль. Или накорми пирогом. Он положит соль на язык Альве, и бог, скривившись, отложит гнев на день. А пирог сохранит для тебя в другой жизни. Но не смотри в глаза существу: в них ты увидишь себя со стороны бога — ничтожным и прекрасным одновременно.

Шелаб. Шелаб — единственный медведь, которому тесно на земле. Его семь (или де-

вять — количество зависит от степени испуга того, кому повезло увидеть медведя и остаться в живых) крыльев — чёрные паруса, разрывающие завесы между мирами. Он не злой — он ненасытный. Шелаб требует жертв не из жестокости, а от скуки: летая сквозь реальности, он ищет вкус, который заставит его остановиться.

Манси приносили ему в дар первые зубы детей, завернутые в бересту. Если Шелаб принимал подношение — рождался шаман. Если нет — с неба падала рыба с человеческими глазами. Из рассказа братьев, чей дед видел сказочного медведя: «Он видел, как Шелаб опустился на озеро. Крылья его были как дым, а когти — изо льда. Он съел лодку с рыбаками, и оставил на воде лужу крови, в которой отражались три солнца. С тех пор в нашем роду рождаются только близнецы».

АЗЯ И ЖЕНЩИНЫ

— Тушку свою подвинь! Пройти невозможно!

Азя раздражало буквально всё. Загородившие безразмерным туловищем узкий проход в супермаркете тетки. Никуда не спешащие старушки. Очереди на кассу, даже если это была касса самообслуживания. Уже три года Азя вынужден был по указанию Трефа шляться по магазинам и выискивать носителя икотки, которую можно было бы пересадить авторитету. Азя давно бы плюнул на куш, который хотел снять с подпольного казино, но Треф недвусмысленно намекнул, что дело надо завершить, поэтому город покидать не стоит: «Ты же понимаешь, что спрятаться не получится, а тут я везде прав — ты же ко мне с предложением обратился, а не я к тебе, никто тебя за язык не тянул». Денег Азе не хватало. Треф иногда подкидывал, иногда «забывал», а потом еще подшучивал, что вору зарплата не нужна. При этом от встречи к встрече выглядел всё хуже, болезнь прогрессировала, забывал детали прошлых разговоров, заговаривался. Азя по этому поводу испытывал небольшое беспокойство: доживет ли авторитет до того момента, как он найдет

икотку? Однако азина икотка по этому поводу его не предостерегала. Азя, привыкший ей доверять, гнал бесполезные тревоги прочь.

В магазине Азя выбирал покупки тщательно, дотошно изучая ценники, обращая внимание на акции, мысленно прикидывая, что он может себе позволить. Колбаса, хлеб, кефир, традиционная бутылка водки на вечер. Между тем реакция женщины в ярком зеленом шарфике на его грубость оказалась неожиданной. Ни тебе ответной ругани, ни демонстративного и/или оскорбительного жеста. Она сначала всматривалась в лицо грубияна, будто пытаясь вспомнить, затем вопросительно улыбнулась — вы меня помните? Азя немой вопрос проигнорировал, раздраженно протолкнулся в сторону кассы и спешно покинул магазин.

От гостиницы, а затем и съемной квартиры он ввиду ограниченности средств, давно отказался. Снял комнату в квартире чудаковатой пенсионерки с аляповатым красным бантом на черных проволочной фактуры волосах с проседью. Бабулька жила одна, как заявила при знакомстве, в трехкомнатной квартире. Одну комнату сдавала жильцам, две остальные оставила за собой. Плата была небольшой, хотя и жилище оказалось так себе: старенькие выцветшие обои, местами протертые и рваные, металлическая пружинная кровать, тумбочка со сломанной дверцей. Прихожая, кухня, комнаты старушки — всё свободное пространство было завалено рухлядью, принесенной с ближайшей помойки. Сломанные табуреты, крышки от серванта, пачки газет и книг, пластиковая посуда и куча всяких пакетов, из которых изрядно пованивало.

Как-то раз Азя попросил убрать хлам ну хотя бы из кухни и коридора, и хозяйка действительно снесла кое-что к себе в комнаты, но уже на следующий день на освобожденном пространстве появились другие вонючие пакеты с помойки и скелеты мебели. Проведя много лет за решеткой, Азя примирился и с такими условиями. Во-первых, его устраивала цена съема. Во-вторых, узнав, что старушка одинока, Азя решил наладить с ней более тесные отношения, а затем конвертировать возникшую доверительность в дарственную

на квартиру. Многие из тех, кто сидел с ним, занимались на воле тем, что выискивали одиноких пожилых людей с квартирами, а затем через спаивание, заботу и угрозы получали дарственные или завещания на недвижимость. Престарелыми людьми легко манипулировать, особенно если у них есть слабости. Надо было только выяснить, насколько они одиноки. Азину хозяйку квартиры никто не навещал, общалась она только с соседями, подходила, в общем, по всем статьям, почему бы не попробовать?

Впрочем, однажды его планы оказались под угрозой срыва. Утром, когда хозяйка ушла по своим делам на помойку, Азя вышел из комнаты и столкнулся в коридоре со странным пареньком. На вид ему было лет двадцать, он был очень хорошо сложен и смазлив до приторности, но при этом одет был почему-то в рваную шубу, очевидно, притараканенную бабкой с помойки, на голое тело, и в шапке-ушанке, поеденной молью.

— Привет, квартирант, — поприветствовал незнакомец Азя, и представился: — Пауль!

— Ты кто?

Протянутую для рукопожатия руку Азя по старой зековской привычке проигнорировал.

— Я-то? — парень заразительно рассмеялся. — Я родственник! Может, выпьем для знакомства?

Паренек не был похож на любителя выпить, скорей на инструктора фитнес-клуба, а потому доверия не внушал. Тем более для того, чтобы с ним выпивать. Азя буркнул, что спешит по делам.

Прешатавшись весь день по супермаркетам и опять не получив никакого сигнала от икотки, он отправился на квартиру. По дороге ему, как всегда, позвонил Треф узнать, есть ли что новое, и после ответа «нет» кинул трубку.

— Внук, что ли, приехал? — с показной доброжелательностью поинтересовался Азя у хозяйки, готовя себе ужин.

— Какой еще внук? — удивилась старушка.

— Парень такой. Пауль, кажется...

Но женщина покрутила пальцем у виска, дескать, чё несешь, и посоветовала:

— Пить меньше надо!

А ночью из комнаты хозяйки несколько часов раздавались характерные стоны и уханье Пауля. Уснул Азя только под утро.

Утром он столкнулся с Паулем на кухне. Тот прямо из чайника жадно пил воду и одновременно справлял нужду в раковину.

— Ты чё творишь, чепушила?!

Азя охренел от такого зрелища, и что есть силы пнул фитнес-тренера под зад. Тот развернулся к квартиранту и пояснил:

— Так воду пью! Такой сушняк! Жаркая ночка выдалась. Ну, ты понимаешь!

Фитнес-тренер заразительно рассмеялся и, как ни в чем не бывало, снова отвернулся к раковине. Азя сначала потерял дар речи, затем схватил со стола нож и несколько раз ударил в бок наглеца. Тот, однако, даже не шелохнулся. Утер рукавом губы, поставил чайник и назидательно произнес:

— Ты знаешь, ученые выяснили, что внутренности человеческого трупа ничем не отличаются от внутренностей живого человека. Это так необычно, да ведь?

Затем отодвинул изумленного Азя и направился вглубь квартиры. Очнувшись от шока, Азя кинулся за ним, чтоб задушить, изгрызть зубами беспредельщика. Заскочив в комнату хозяйки, увидел, что фитнес-тренер улегся в кровать и накрылся одеялом. Высунувшись из-под него, он с сожалением признался Азе:

— Вот залез бы в тебя и изгрыз бы все твои внутренности, но ты же икотник. Место, блин, занято. Скука.

На этих словах молодой человек накрылся одеялом с головой, а Азя, выхватив из горыхлама черенок от швабры, стал остервенело бить по скрывшемуся. Однако через пару минут, не услышав ни стонов, ни каких-либо звуков, он откинул одеяло, и никого там не обнаружил.

— Ты его не убьешь. Это Пауль-йорут, — подала в Азе голос икотка. — Это дух, а не человек.

Азя выругался и осмотрел себя — все-таки дух его как бы обрызгал. Однако, действительно, штаны оказались сухими. Это была его не первая встреча с потусторонним миром, который ему объясняла икотка.

Первый раз это случилось пару лет назад, когда Азя обыграл на довольно крупную сумму серьезного мужчину. Тот вполне обоснованно заподозрил, что удача партнера по игре была не совсем удачей. Стал выяснять про него у знающих людей. Те ему рассказали, что Азя шулер, и началось. Серьезный человек отправил своих людей дежурить в аэропорту, на трассах и вокзалах, выездах из города. Те же люди, что сдали Азю, также предупредили об облаве и шулера. В его среде обитания лобой бы решил, что получить два раза за одно и то же — лучше, чем получить только раз.

Азя покинул городок на рассвете, избрав путь через чащобу, где ветви сплетались в решётку, сквозь которую свет просачивался зелёным дождём. Сорок километров до соседней области — расстояние, меряемое не шагами, а снами.

На второй день, когда кофе в термосе уже стал холодным, а озноб прокрался под кожу, как игла под ноготь, его охватил страх, лишённый формы. Это был не страх смерти, а страх исчезновения — будто сама земля под ногами начала растворяться. Вслед за внезапно охватившей Азю паникой из глубины леса стали доноситься звуки. Он услышал, как в глубине леса ломаются сучья с хрустом, похожим на бессознательный скрип челюстей спящего гиганта, а неряшливый свист ветра меж стволов напоминал истерику сквозняка. Тогда-то икотка и подсказала: «Беги, или они соткут из твоих костей лестницу в облака». Азя побежал не оглядываясь, пока не достиг реки, где вода текла вспять. Там Икотка пояснила: «Менквы не убивают. Они стирают следы тех, кто нарушил тишину их снов. Твой страх был кисточкой, которой они подчищали твою реальность». Эту первую встречу с древними великанами Азя запомнил навсегда, хотя сначала и пытался списать необъяснимый ужас на проявление уголовной чуйки. Взаимопонимание с сущностью тогда еще было не полным.

К другой встрече с потусторонней сущностью Азя был внутренне готов. В каком-то городе в сквере он пил пиво. Солнце било в глаза как медный гонг. Затем он увидел, как по небу пролетает чудовищных размеров пти-

ца. Точнее, он даже сначала не увидел, а услышал ее — птица издавала металлическое ляганье при каждом взмахе крыльев. Азя оглянулся и понял, что это летящее чудовище видит только он, потому что никто на него не реагировал. После очередного взмаха тяжелых крыльев из птицы выпало перо и, неуверенно спланировав, воткнулось в пожилого мужчину. Тот упал замертво. Его с небольшой задержкой окружили люди с криками: «Человеку плохо! Вызовите скорую!» Азя тоже подошел, но не увидел следов крови, хотя издавдала казалось, что железное перо должно было разрезать мужика пополам. Он просто лежал с посиневшими губами, схватившись за грудь. Икотка пояснила: «Это Кингланка. Железная птица. Убивает людей. Иногда уносит их своим птенцам. Хорошо, что не кричала, иначе бы ты оглох».

У Ази никогда не возникало подозрений, что икотка может ему навредить. Не казалось, что видимые только им сущности являются галлюцинациями, насылаемыми икоткой, чтобы легче было управлять им. Духов, с которыми он сталкивался, типа менквов, Пауля и железной птицы, он воспринимал как побочное явление его выздоровления. Небольшая цена за избавление от болезни.

Из квартиры старушки-побирушки и беса Пауля он все-таки съехал. И сразу куда-то испарилась раздражительность, жизнь представилась не такой уж тоскливой, а перспективы не такими недостижимыми. Азя сходил в общественную баню, чтобы избавиться от въевшегося запаха нечистой квартиры, там сыграл с мужиками на копеечку в карты, так что хватило на то, чтобы снять номер в недорогой гостинице. Совершил традиционный променады по супермаркетам.

Около входа в магазин, в котором он обычно закупался, его робко тронула за рукав женщина: «Сережа?» Азя сначала решил, что его с кем-то спутали, поскольку к нему давно не обращались по имени. Так давно, что имя стало чужим и тусклым. Он хотел было отмахнуться, привычно заявить, что гражданочка обозналась, но уголовный образ мышления (а вдруг женщина одинока? а вдруг у нее можно остановиться пожить?) заставил натя-

нуть на харю маску доброжелательности. Это оказалась та женщина в зеленом шарфике, которую он на днях обругал.

— А я смотрю — ты не ты?

Женщина не только улыбающимся взглядом ощупывала Азю, но то и дело прикасалась к его руке и груди.

— Все-таки двадцать с лишним лет прошло... Ты-то узнал меня? Я — Ася. Кафе «Орбита» помнишь? Дискотека? Встретила тебя на днях, но не сразу сообразила, как подойти. Ходила вот несколько дней, думала еще раз встречу... Получилось, ты недалеко живешь? Вижу, не женат?

Мир отношений с женщиной, да и женский мир, был для Ази такой же неизведанной территорией, как и мир потусторонних сущностей, с той лишь разницей, что во втором мире у него был проводник в лице (если у нее есть лицо) икотки, а в первом такого проводника не было. Азя что-то промывчал в ответ, женщину он, разумеется, не помнил. Помнил только, что в городе этом он действительно раньше бывал. Правда, давным-давно. Женщина между тем взяла его под руку, предложив прогуляться, и куда-то повела, не умолкая.

— А я ведь так и не вышла замуж...

Она украдкой глянула на Азю, пытаясь уловить реакцию, но Азя лишь рассеяно улыбался. Тогда она многозначительно и чересчур прямолинейно добавила.

— А кому нужна девушка с чужим ребенком?

Азя невольно кивнул.

— Разумеется, чуть позже были мужчины, но все как-то...

Женщина сделала еще несколько заходов, чтобы вызвать у собеседника интерес к их совместному мимолетному прошлому и тем чувствам, которые, как она себе нафантазировала, возникли тогда между ними, но не дождавшись, выложила главный козырь.

— Я тебя пыталась найти, но ты то ли сидел, то ли сгинул... Только не подумай, нам ничего не надо от тебя. Как-то сами справились. Просто хотела сообщить, что у тебя есть сын.

Первая мысль, которая пришла в голову Азе заключалась в том, что это облом. Женщи-

на не одинока, живет, скорее всего, со взрослым сыном, а это ненужные канители, раз так — ловить тут нечего. Надо досвидаться.

— Хочешь посмотреть на свое творение?

Женщина очень проворно сунула Азе телефон с фотографией сына.

— Зовут Денис. Умный. В тебя, наверное. Я-то так... Всё с компьютерами возится. Программист. С друзьями фирму создали по профилю. Вот, кстати, друзья — Алиса и Ярослав. Вместе работают.

Сын оказался упитанным юношей, в отличие от поджарого Ази, из-за чего в округлых чертах лица трудно было распознать что-то знакомое. Невольно уголовник стал примерять на себя роль отца. Как бы он разговаривал с сыном? О чем? Чем бы занимались по выходным?

Женщина листала фотографии и совала их в лицо Азе:

— Это Денис на шашлыках с друзьями, а вот защита диплома, а это последний звонок в школе, сейчас его маленьким в садике найду, подожди секунду...

По мере просмотра Азя почувствовал, как внутри возникает то самое теплое чувство, какое он испытал, когда встретил Светлого мальчика во время поездки с Трефом. Невыразимые теплота и грусть разливались по телу от живота, а по черепу побежали мурашки. Это было непривычно.

Однако продолжалось умиление недолго. «Не твой это сын, — вмешалась Икотка. — Это Нежданчик. Дух, который любит так проказничать». Азю моментально отрезвило, как в ситуациях, где он чувствовал подвох. Оглядевшись по сторонам, заметив нужное, Азя широко улыбнулся женщине и вдохновенно предложил:

— А чё мы на улице-то телефон палим? Давай, вон, в кафешке посидим? Про сынулю расскажешь, а то как не родные прямо...

Женщина радостно кивнула, по дороге еще щебетала про то, что сын все расспрашивал, кто его папа, пытался даже найти, но первичных данных было маловато и так далее. У дверей кафе, Азя спохватился:

— Слушай, я ж за сигаретами вышел, а с тобой вот заговорился, и забыл совсем. Давай

я быстро до киоска сбегая, а ты пока заходи, заказывай себе что хочешь, я мигом.

Не дав женщине опомниться, Азя открыл дверь в кафе и чуть не втолкнул ее внутрь, сам убежал якобы за сигаретами. Женщина заказала кофе без сахара, и немного подсолила его капельками, сползающими со щек.

Азя, разумеется, не пришел в кафе. Он узнает, что икотка обманула его, только в момент своей смерти. Денис, толстый Дэн, Колобок, как называл его Ярослав, на самом деле был его сыном. Икотка увидела в момент встречи Ази с женщиной летящего по небу черного лебедя. Это был Нежданчик, прилетевший смешать планы не Ази, а икотки. Ни прохожие, ни женщина, приставшая к Азе, ни даже Азя птицу не увидели, ибо люди не способны видеть духа-проказника.

НЕЖДАНЧИК

День у Ярика не задался и вообще пошел не по плану. Не день, а сплошные неожиданности. Однако именно этот день он впоследствии назовет днем своего просветления и напишет знаменитое «Воззвание к IT-шникам», в котором заявит, что «Интернет — это река, в которые все кодеры — рыбы, которые должны плыть против течения». Но это случится позже, а в этот день сначала выяснилось, что в датасетах (набор данных и характеристик) персонажей игры, сформированных отчасти нейросетями, появились новые ненужные папки и утилиты. Например, ежесекундно тексты Пауля-йорута пополнялись фотографиями свалок и мусорных полигонов, а через каждые сто картинок генерировалась гифка с танцем торжествующего оборванца. В папке о красных светящихся глазах появилась утилита, генерирующая и отправляющая спам — сообщения с вшитыми в них вредоносными ссылками. В папку медведя Шелаба копировались и файлы Пауля-йорута, и спам — сообщения красных глаз, которые затем либо удалялись, либо подменялись другими файлами. Эта бесполезная работа нагружала систему. Необходимо было исправить баги. Нужна была помощь друзей, но помочь оказалось некому.

Алиса снова уехала в деревню, поскольку, видите ли, ее маме надо в город, а брата оставить не с кем. Дэн вообще, кажется, с ума сошел то ли от пива, то ли еще от какой дряни. Позвонил, взвинченный и напуганный, поздно вечером, сказал, что нашел отца, которого никогда в жизни не видел, а отец оказался убийцей и теперь якобы охотится за Дэнном. Разговаривать с напарником в таком состоянии было бесполезно. На этом неприятности не закончились.

Чуть позже заехали бандиты, а теперь везут его к инвестору, и, судя по всему, намерения у ребят, забравших его из офиса, не добрые.

— Послушайте, я-то вам зачем? — сделал еще одну попытку избежать серьезного разговора Ярик. — Я дал вам ФИО владельца телефонного номера, его дату рождения, ИНН, СНИЛС, адрес, выписки с банковского счета, геолокацию, передайте эту информацию заказчику. Если что-то еще надо — поставьте задачу, ехать-то зачем? Мне все равно к этому добавить нечего. У меня же работа стоит, надо код для игры исправлять, там столько работы, сами же говорили, что мы по срокам не вписываемся...

Бандиты в коммуникацию не вступали.

Треф по привычке не показал виду, что удивился, когда ему привезли одного из чудиков, в которых он инвестировал по совету одного из чиновников небольшую сумму. Тема с номером телефона, вышитым на древней подушке, изначально показалась ему чем-то вроде историй про пришельцев из космоса, необъяснимых загадок истории и теорий всемирных заговоров, но поскольку никаких дополнительных затрат не требовала, он решил для проформы до конца всё проверить. К тому же тема с икоткой, к которой он вынужденно приобщился, как бы подтверждала, что есть вещи, которые человек не в состоянии объяснить ни житейской логикой, ни наукой.

Хотя — как подтверждала? Накануне Азя принес ему икотку. И они вдвоем даже типа подселили ее в организм Трефа. Авторитет полагал, что после ритуала что-то произойдет. Утихнет боль, раздадутся голоса в голове, почувствует движение в животе или другой

части тела. Блеванет, в конце концов! Но не случилось ровным счетом ничего. Икотка Ази (шулер ссылался на нее) пояснила, что сущности надо привыкнуть к новому организму, понять суть ее пребывания в нем, и на это потребуется некоторое время. Может неделю, может день или несколько часов.

За ночь тоже ничего не произошло, как и почти за весь день. Треф, однако, продолжал прислушиваться к организму, пытаясь уловить хоть какие-то изменения, а потому отстраненно воспринимал текущие дела, события и посетителей.

— Зачем ты этого чудика привез? — спросил он подручного, кивая на Ярика.

— Так я им говорил, что незачем, все данные по номеру телефона я предоставил, — встрял Ярик, — и ФИО, и ИНН...

— Да заткнись ты! — толкнул его в бок один из бандитов. — Тут такое дело, Дед. Номер телефона, который вы нам дали, зарегистрирован на Трефилова Игоря Аркадьевича... Дата рождения, адрес прописки, все сходится. Нежданчик какой-то.

Авторитету передали бумаги, и он убедился, что номер телефона был зарегистрирован на его родного дядю. Все данные совпадали. Дядя, сиделец со стажем по кличке Золотой, заменил Трефу отца. Ввел его в преступный мир, научил азам общения и другим навыкам. Теперь находился в частной психиатрической лечебнице с деменцией. И неприятная новость с номером его телефона заключалась вот в чем. Чувствуя приближение окончательной потери рассудка, дядя все акты вы переписал на племянника, оставил себе только телефон, номер которого обнаружился вышитым на подушке с тысячелетней историей, к которому был привязан банковский счет. Хитрость заключалась в том, чтобы Треф деньги от сомнительных, то есть рискованных с точки зрения привлечения к уголовной ответственности дел клал на этот счет. Сам их не тратил, а относился как к записке на черный день. А в случае каких-либо уголовных канителей адвокаты валили бы все на дядю и доказывали бы, что он невменяем. За несколько лет на нем скопилось очень солидная даже для авторитета сумма. Треф для этих

целей не лишал дядю дееспособности и держал в секрете буквально ото всех что номер телефона, что сведения о банковском счете. Никто не мог знать об этом.

Сразу же возникшая версия, что Азя мог подстроить поездку за икоткой, в дороге инсценировать ситуацию с малышом и его подушкой, а затем с помощью хакеров похитить деньги с секретного счета, не выдерживала критики. Если Азе был известен номер телефона дяди и привязанный к нему банковский счет, известно о болезни Трефа, то зачем всё это представление? Для того чтобы отвести от себя подозрения в краже? Или элементарная жадность, помимо доступа к счету захотелось еще и казино обчистить? Или для того, чтобы обчистить, нужен был стартовый капитал? Тогда откуда у Ази доступ к такой конфиденциальной информации? Если про болезнь еще могли доктора проболтаться, хотя они точно никому ничего не говорили, то про дела Трефа с дядей знали только они.

Картинка полностью не вырисовывалась, не хватало деталей, но так в жизни часто бывает. Главное, чтобы складывался сюжет. Если есть сюжет, то детали чуть позже нарисуются сами. Первым делом надо проверить счет и найти Азю.

— А где остальные чудики? — обратился Треф к Ярику, щелкая по клавишам клавиатуры, чтобы проверить состояние счета.

— Дома, наверное. Они на удаленке работают, а зачем вам?

— Трефанацию черепов им хочу сделать! — со злостью огрызнулся авторитет, поскольку банковский счет оказался пуст.

Бандиты, привыкшие к неожиданным вспышкам гнева Деда, ожидали, что будет продолжение. Закопать Ярика, найти других чудиков и Азю, и тоже закопать. Однако никаких распоряжений не поступило. Дед завороженно уставился в монитор ноутбука, закивал головой: «Да, дядя. Конечно... Конечно, сделаю. Отпустить? Не вопрос». Треф, не отрывая взгляда от монитора, махнул рукой бандитам: дескать, идите и Ярика отпустите.

Выйдя из кабинета, бандиты переглянулись: «Дед совсем плох стал. Все чаще заговаривается». Но вслух при Ярике этого не ска-

зали. Чудика вытолкнули, и он сначала решил, что это его второй день рождения, а затем ему открылась истина, что он не случайно выпустил коми-пермяцких существ и духов в сеть, а в этом и было его предназначение.

Тем временем Алиса была в деревне с братом и в состоянии непонятно из-за чего возникшей тревожности. Волноваться вроде было не из-за чего. Деньги благополучно потерялись в недрах интернета, а затем с разных счетов поступили на анонимный кошелек, доступ к которому был только у нее и Дэна. Однако Алиса почему-то волновалась. Возможно, из-за того, что около дома за оградой уже несколько часов дежурил местный юридивый, которого отец называл человеколомом. Она выходила, спрашивала, надо ли чего, помня, что отец относился к нему с уважением и пиететом, но тот мотал отрицательно головой и при этом никуда уходить не собирался.

Она предложила брату пообщаться по скайпу с отцом, чтобы отвлечься от некомфортного эмоционального фона. Тот нехотя (отвлекли от компьютерной игрушки) согласился. Алиса настроила брату компьютер, а сама с ноутбуком вышла в сенник, чтобы не выдать себя с помощью программы подмены лица и голоса за отца.

Через пару минут разговора о том, чего нового сынок нахулиганил, не наказывает ли мать за шалости, то ли трафик стал нестабильным, то ли нарушилась цветопередача и передача звука. По крайней мере так восприняла Алиса то, что у брата на экране глаза вдруг стали красными, светящимися, а голос — искаженным. Он не перестал быть детским, но в нем появились металлические, жесткие звуки.

— Ты, Алиса, деньги пока не трать, — неожиданно сказал брат. — Успеешь еще себе квартиру купить.

— Кто ты? Что с братом? — Все технические объяснения данному преобразению (типа, хакер перехватил управление на компьютере и сейчас с помощью тех же программ подмены разговаривает с ней) картинки на мониторе у Алисы почему-то вылетели из головы. Точнее так, она знала, как это сделать, но в данном конкретном случае была уверена,

что ни хакеры, ни технические неполадки, ни ухищрения продвинутых мошенников здесь не при чем. Контакт с потусторонним миром стал неожиданным.

— Ты знаешь, кто я, — ответил голос на мониторе, и вывел отдельным окошком на экране картинку с братом, который играл с кубиками. — На улице тебя ждет человеколом. Я поручил ему купить необходимые стройматериалы для моего капища. Ты ему в этом можешь. Он будет говорить, что необходимо купить. А ты будешь оплачивать и организуешь доставку. Дальше уж он сам.

— Откуда ты знаешь про деньги?

— Так это я сделал так, чтоб они тебе в руки приплыли.

— А сколько понадобится на капище? — Алиса вспомнила про партнеров, но Альве ее опередил.

— Не волнуйся насчет Дэна и Вольдемара. Они не будут претендовать на деньги. И никто не будет. А на квартиру тебе останется. На ту, о которой ты мечтала. Получится два жилища, как я и задумывал, для человека и для бога.

— Зачем богу деньги? — с запинкой, через силу спросила Алиса. — Или ты так решил наказать парней за игру про икотку? Приобщить их к похищению денег, показать, что все получилось, но не дать ими воспользоваться? А Ярика ты как накажешь?

— Алиса, ни тебе, ни людям не дано видеть истинные причинно-следственные связи. Я твоих друзей не наказываю. Им просто не нужны эти деньги. Они им добра не принесут. Тебе, по большому счету, тоже не нужны, но твой отец был добр ко мне и моему подручному. Считай, что он тебе твою будущую квартиру и заработал. А игра меня не беспокоит. Хотите — делайте, не хотите — не делайте. Ярик тоже меня не интересует, но если тебе так уж хочется помочь, то подскажи ему сделать ставку у букмекеров. Если в СМИ в сентябре появится веселая новость о том, что карлик украл из зоопарка кенгуру, чтоб купить себе пони, то на выборах в Америке победит Трамп. Если такой новости не будет, пусть ставит на Камалу Харрис.

— А какая связь между российским карликом, укравшим кенгуру, и американскими

выборами? Звучит как чушь, или это из серии «когда рак на горе свистнет»?

— Объяснение этому за границами человеческого понимания. Так что даже не спрашивай. И напоследок. Дэн тебе сегодня сообщение отправит: он сбегает в Питер. Он напуган, не отговаривай его и не спрашивай ни о чем. У него там все будет хорошо. Пусть все идет как идет.

Три человека, связанные друг с другом партнерскими и финансовыми узами, в моменты их эмоциональных всплесков образуют магическую фигуру, которая призывает в мир живых людей проказливого духа Нежданчика. Дух выбирает одного из людей и в корне меняет все его планы. Алиса в тот день испытывала необъяснимую тревогу, Ярик — испуг, а Треф — ярость. Нежданчик уже выбрал жертву.

ВОЛЬДЕМАР И ЕГО ИКОТКА

Вот наверняка на небесах есть или, во всяком случае, должен быть какой-нибудь не особо забюрократизированный орган опеки, который вправе изъять пятидесятилетнего мальчугана из этого мира и поместить в другой, да ведь? Кому подать сигнал, как отправить анонимку о ненадлежащем уходе за малышом с просьбой оформить ему реальный уход? Это будет правильно и социально ответственно. Зачем ему здесь быть? Ему здесь тошно и больно физически — что бы он ни делал, каких бы успехов на работе, в личной жизни не достигал, все заканчивается пшиком. Люди, которых он считал родными и близкими, отворачиваются, забывают про его существование. Друзья. Любимые женщины. Дети. Да много кто. То есть изгнание-то на самом деле произошло, осталось завершить его физически.

Можно покопаться в причинах, но зачем нам лишняя работа? Примем на веру, что он, разумеется, сам во всем виноват. Не так себя вел. Не то делал. Не тем занимался. Наверное, бухал. Изменял жене. Кичился интеллектом. И кичился, скорей всего, незаслуженно. Было? Было! А его окружали более скромные, бо-

лее добропорядочные, верные и правильные люди. У них все хорошо. Они приспособились к этому миру. А мальчуган — нет. Пусть будет такое объяснение. Мальчуган заранее с этим согласен — он неправильный, а все вокруг прикольные и классные. Все правы, а он — нет. Но раз так, то неужели эти доводы не повод для изъятия? Зачем этому красивому миру с хорошими людьми ненужный хлам в виде такой человекоединицы?

Незачем ведь, правда же? Опека, ах, примите меры!

Опека в моем лице обычно отвечает: «Ознакомьтесь с регламентом. Из других миров к вам присматриваются, и если вы им подходите, они подают нам заявку, и только тогда мы вас изымаем. Изъятие без передачи в другой мир у нас пока приостановлено ввиду отсутствия мест в распределителе. Вы до сих пор никому не приглянулись. И в других мирах тоже не нужны. Спасибо за обращение, не забудьте поставить оценку качеству обслуживания».

Мальчуган над этим ответом горько плачет, и это доставляет мне удовольствие.

Я подселился в мальчугана двенадцать лет назад. Что такое икотка, он знает, но не знает, что икотка подселена и к нему. Правда у носителя иногда возникают подозрения, что в нем существует нечто, что иногда управляет его поведением, мыслями, однако он не придает им значения ввиду того, что эти мысли вполне укладываются в его теорию о том, что человек не является самостоятельной личностью, а всего лишь — проводником иного разума. К тому же он не способен оценить степень моего влияния. Смены эмоционального фона он объясняет жирным или острым обедом, иногда образом жизни, из-за которого меняется гормональный баланс в организме. Появление новых мыслей — сигналами откуда-то, а не работой собственного мозга. С ним бывает сложно.

Трудность состояла в том, что, находясь в постоянной фрустрации из-за потери семьи, работы и детей, он в своих переживаниях возвращался к одним и тем же мыслеформам. Типа: «Если ждешь, что твоя женщина будет подносить тебе снаряды, пока ты на благо

семьи работаешь и принимаешь удары судьбы, то даже не надейся — скорее всего, она как-нибудь воткнет тебе нож в спину, пока ты защищаешь семью». Или: «Время не лечит, оно стирает все подряд. Как ластик или команда «delete». Еще вчера твои дети не только вспоминали о тебе, но и, вспоминая, испытывали теплые чувства, а завтра или послезавтра исчезнут сначала теплые чувства, а затем и воспоминания, пока не превратятся в констатацию того, что жил такой человек на земле. Наш отец. Вроде бы был неплохим. Так что целебных свойств времени столько же, сколько и у ампутирующих процедур...» Ну и из профессионального: «Писатель ищет истину не в фактах, а в трещинах между ними». Эта заикленность носителя тормозила мое развитие.

Я какое-то время хотел понять, как мое пребывание в писателе связано с предыдущим (ну как предыдущим — между девочкой и Вольдемаром были и другие организмы) существованием в теле девочки из Архангельской области. Никаких эмоций вызвать в нем, демонстрируя воспоминания из моей прошлой жизни, картины Серова «Девочка с персиками» или моделированием знаковых ситуаций из пионерской жизни, у меня не получалось. Зато ему вполне удавалось сделать из меня полноценного сопереживателя его душевных терзаний. Образ мышления носителя и его менталитет мы перенимаем с легкостью, однако, как правило, не разделяем их и являемся лишь наблюдателями. Хотя и с идентичными взглядами на жизни.

Девочку, помнится, я тогда сильно подставил. Ее за прилежную учебу, активное участие в общественной жизни наградили путевкой в «Артек». Односельчане вполне оправданно заподозрили, что ее успехи вызваны тем, будто в нее подселилась икотка, поскольку до поездки к бабушке в соседний район она ни активностью, ни прилежной учебой не отличалась. Односельчане были правы. Девочка сама по себе была амебой, безвольной и мало чем интересующейся. Если бы не я, никаких успехов у нее не было бы. Зато ею было довольно просто управлять. С нынешним носителем это проделывать гораздо сложнее.

У меня был свой резон отправиться с носителем в «Артек». А именно: распространить наш вид в других регионах СССР. Считалось, что икотка приживается только у представителей северных народов. А еще что она вселяется только в уязвимых людей — больных и беременных, малообразованных, малолетних. Первый тезис я хотел проверить, а второй тезис требует пояснения. Наглядные для людей проявления икотки, когда человек начинает разговаривать не своим голосом и не от себя, предсказывать различные события, иногда лечить людей, возникают, если интеллект носителя менее развит, чем интеллект икотки. Он в таком носителе тупеет, начинает выдавать себя глупыми поступками, баловаться как ребенок.

Если интеллект и внутренний стержень носителя достаточно развиты, то икотка, как правило, себя не проявляет, хотя и может влиять на поведение (это сложнее) и мысли человека. Если не развито ни то, ни другое, то икотка подчиняет себе личность человека и полностью им управляет. С девочкой так и случилось. Она сначала испугалась, пробовала сопротивляться: блажила, впадала в буйство, крушила все подряд, безудержно икала. Местные пытались с помощью знахарок и местного колдуна изгнать меня: поили девочку отварами, заставляли голодать, читали заговоры и молитвы, и это сильно отвлекало от процесса подчинения личности девочки. Я материлась на эти ненужные процедуры, на знахарок и родных девочки, кидалась в них тем, что под руку попадалась. Во время одного из очередных сеансов уставшая настолько бороться со мной, сколько от процедуры, девочка сдалась.

Ее личность спряталась где-то в глубине души и тихонько плакала. А ее тело глубоко выдохнуло и исторгло загодя мной приготовленную субстанцию — что-то похожее на легкие свиньи. Эту субстанцию родные сожгли на кладбище, и на этом успокоились. Типа избавились от меня. С этого момента я полностью контролировала девочку, жила ее жизнью, говорила ее голосом, училась за нее. Стала активисткой. В общем, блестяще влилась в социум, как и свойственно нашему виду.

Даже вот добилась того, что носителя вместе со мной собрались отправить в «Артек».

Согласование поездки с райкомом не прошло без сложностей. Кто-то из соседей прислал анонимку, что успехи девочки объясняются тем, что в нее подселилась икотка. Икотка, дескать, и делает все за нее. В поселок для выяснения обстоятельств отправили партийного работника. Не то чтобы коммунисты верили во вселяющихся бесов, а именно так меня воспринимают местные, просто в одном из соседних районов эпидемия икотки достигла таких масштабов, что пришлось для борьбы с ней привлечь и медиков, и милицию, и служителей культа. К слову, ничего не помогло, икотка прошла сама собой, но теперь партработники перестраховывались. К тому же опасались, что если девочка действительно икотница, то, отправив ее в «Артек», они позволят распространиться болезни по всем советским республикам.

Для выяснения партийный работник встретился с местным священником, отцом Евлогием, но тот заверил, что никакой икотки в девочке нет. Просто в священнике уже много лет жил представитель моего рода, о чем батюшка также, как и Вольдемар сейчас, не подозревал. Он был многолетним икотником, как и местные знахари, с которыми партийный работник для очистки совести также переговорил. По большому счету ни священник, ни знахарки даже не врали, поскольку мы можем делать так, что наши установки человек воспринимает как собственные мысли. Так мою носительницу отправили в «Артек».

Там-то я чуть не подставил девочку. Она попала в осеннюю смену. Воспитанники лагеря совмещали отдых с учебой, а также занимались в различных секциях и кружках. Она записалась в кружок живописи, в котором практические занятия, вроде переноса геометрических фигур с тенями на ватман, чередовались с теоретическими. На теоретических занятиях учительница рассказывала о великих художниках, их жизни, частично объясняла теорию литературы, кинематографа. При этом у меня возникло подозрение, что такие рассказы не являются частью согласованного учебного плана, а целиком

и полостью инициатива активной преподавательницы. Возможно, поэтому кружок не назвали «Культурологическим», хотя так было бы точнее.

На одном из занятий учительница дала подопечным необычное и довольно сложное для их уровня образования задание. Поставила перед ними три картины различных художников и сначала рассказала о первой. На картине был натюрморт из блокадного Ленинграда. Она пояснила, в чем конфликт данного произведения, каков контекст и почему неприглядные кусочки хлеба несут в себе основную идею полотна. Затем она поставила картину за штору, чтобы не мешала, и попросила учеников сформулировать конфликт и главную мысль двух оставшихся картин. «Купание красного коня» художника Кузьмы Петрова-Водкина и «Девочка с персиками» Валентина Серова. Притом выразить надо было одним-двумя словами, которые следовало написать на бумажке, и свои ответы передать учительнице.

Девочка с моей подачи написала два слова: «Стыд» к первой картине и «Убийство» — ко второй. Разумеется, учительница выбрала как самый интригующий мой ответ и вызвала мою носительницу к картинам для пояснений, вручив указку. Начали мы с картины Серова. Девочка не всегда попевала указкой за моей речью, но в целом мы справились:

— На картине изображена девочка за столом. На столе рядом с ней нож, а также ваза с персиками. Один персик она держит в руке. Это главные детали. Персики, девочка, нож. Нож, как мне кажется, изображен не случайно. Он выполняет роль чеховского ружья, которое обязательно должно в конце пьесы выстрелить. Теперь что касается фона. Листья за окном и на столе желтые, значит время года — осень. Девочка слегка растрепана, из этого можно заключить, что она только что проснулась, не стала причесываться, а сразу побежала к персикам.

— Вы очень наблюдательны. Продолжайте.

— Судя по тому, что на дворе осень, можно смело заявить о том, что персики последние в этом сезоне, а девочка встала пораньше, чтоб схомячить их тайком от остальных

членов семьи. Однако, судя по всему, кто-то вошел в комнату и застал ее за этим неблагоприятным поступком. Наверное, ее начали стыдить, потому что она смотрит не на персик, хотя пришла его съесть, а на того, кто к ней обращается. Через мгновение от обиды, что ей мешают совершить задуманное, она возьмет нож и зарежет вошедшего человека.

— Какие страсти ты нам рассказываешь! Хотя интересно, конечно, однако, ребята, прошу не воспринимать это толкование картины так однозначно. В действительности Александр Серов писал эту картину на даче у известного мецената Саввы Мамонтова, ему позировала дочь хозяина дачи Вера Мамонтова. Так что никаких смертоубийств автор не подразумевал.

— Серов, насколько я помню, много портретов написал, — попробовал я возразить, придав голосу девочки подходящую ситуации робость. — И везде их так и подписывал — такой-то. А тут картина называется «Девочка с персиками», значит имя натурщицы не имеет значения, важен сюжет, который вложил в картину художник...

— Мы твое мнение услышали, — перебила учительница. — Давай послушаем и других. Ребята, какой вывод можно сделать из этой картины?

— Надо раньше вставать, чтоб никто тебя не застукал за поеданием персиков, — выкрикнул записной остролов школы, и все рассмеялись.

Учительница жестами попросила всех уgomониться, и предложила девочке перейти ко второй картине:

— Только давай без убийств на этот раз.

— Ну, тут все просто. Красных коней в природе не бывает, так что предположу, что цвет художник выбрал как символ. Коню стыдно, что голый, явно взрослеющий мальчик прижался к нему гениталиями, от того и красный. Это подтверждается тем, что чуть дальше конь без всадника пегий, а другой конь также со всадником, если не совсем красный, то, по крайней мере, розовый...

— Так. Стоп! Прекрати это. Откуда только нахваталась этой похабщины! Я доложу о твоём поведении руководству.

Другие ученики хотели было рассмеяться, но, увидев реакцию учительницы, раздумали. После урока учительница оставила девочку на разговор, чтобы сделать серьезное внушение о недопустимости такого поведения, особенно в пионерлагере всесоюзного значения. Из этого я сделал вывод, что докладывать об инциденте она никому не будет, поскольку в учебном плане такого рода уроки у нее не были согласованы. За такие инициативы виноватой, скорее всего, назначили бы ее.

Девочка, между тем, вплоть до самого возвращения домой пребывала в замешательстве. Она не понимала ни того, как и что она говорила на уроке, ни за что ее отчитали. А от непонимания было вдвойне страшно. Не общат ли о проступке родителям? В школу? Не поставят ли на учет в милицию?

К тому же за ней числился еще один неблагоприятный проступок. С моей подачи она взяла с собой в лагерь хмель и еще кое-какие травы, чтобы напоить воспитанников и подселить, таким образом, к ним моих соплеменников, икоток. Шалость удалась, девочка моими словами, аргументами, подкрепив уместной экспрессией, подговорила тайком приготовить и выпить снадобье, однако заговорщиц застукали воспитательницы и примерно наказали. Вместо похода в горы оставили в лагере, за что подруги, не почувствовав никаких моментальных изменений в организме — ни сиськи не выросли, ни мальчики интересоваться больше не стали, — на половину дня объявили Лене Чугайновой бойкот.

Душевные страдания девочки меня тогда радовали. Не то чтобы нашему виду свойственно подпитываться ими. Или получать от них удовольствие. Скорей психическая неуравновешенность раскрывает для нас, и жаль, что не для всех людей, новые грани личности носителя. Позволяет ему прыгнуть выше головы, если грубо выразиться, и пробудить в себе новые возможности. Внутренний катарсис человека в этом смысле — это вообще для нас бальзам на душу. Столько нового познаём.

В случае с девочкой до катарсиса не дошло, и никаких особых умений и талантов в ней не пробудило, зато появился интерес к жизни. Если до моего подселения она была

безвольной амебой, то эти небольшие стрессы дали толчок тому, чтобы ей стало хотеться придумывать хитрые отговорки за проступки. Наделили, пусть не очень хорошими с точки зрения окружающих, но важными с точки зрения адаптации к жизни навыками. Хитростью и изворотливостью.

Все, однако, хорошо в меру. Мой сегодняшний носитель, пребывая больше года в состоянии фрустрации, уже после того, как потерял не без моей помощи работу, семью, детей, дал мне все, что мог. Навыки структурировать текст, внятно излагать мысли, заменять косноязычные фразы на более точные. А теперь ему требуется психологическая, как бы сказали те, кто с ним контактирует, помощь. А это уже не ко мне. Не то чтобы я не мог – не видел перспектив. Мысли моего носителя становились все более цикличными, переживания, хотя и более яркими, но ничего нового в себе не несли. Это можно сравнить с нытьем не очень интересного человека. Утомляет.

Его дни были также однообразны. Он смотрел сериалы, играл в компьютерные игры. Небольшие сбережения и скромные потребности позволяли ему не думать пока о доходах. Одно время он примеривал к себе различные виды самоубийства. Это, однако, не входило в мои планы – смерть носителя желательна в присутствии того, в кого я мог бы тут же переселиться. Жить в гниющем теле – сомнительная перспектива. И я ему внедрил убеждение, что от вредных привычек, типа пить, курить и жить, если уж их приобрел, отказываться не стоит. На какое-то время он от суицидальных планов отказался.

По телевизору как-то показали передачу об икотке, которая его заинтересовала. В ней утверждалось, что икотка распространяется только среди северных финно-угорских народов. Эпидемия заболевания в других территориях, дескать, зафиксирована не была, но тут же в опровержение этому тезису показали женщину из Дагестана, которая не своим голосом уверяла, что в нее вселился джинн, которому 700 лет. Женщина была похожа на одну из подруг моей первой артековской носительницы. Возможно, какие-то подсе-

ления через похлебку на хмеле в пионерлагере увенчались успехом. Это несколько воодушевило меня, но даже мое воодушевление никак не отразилось на носителе.

Однажды Вольдемара пригласили писать сценарий для компьютерной игры. И в нем проснулся, хотя и пусть слабенький, но все же интерес к жизни. Игра оказалась про Икотку, что было довольно забавно. Впрочем, интерес пропал уже на стадии оглашения технического задания. Он не отказывался выполнить эту работу, но не намеревался вкладывать в нее душу. Просто хотел сделать, что просят, и снова забыться в своих переживаниях. Даже совместная с новыми друзьями Алисой и Дэном кража денег не расшевелила его. Он даже не стал мечтать, на что потратит ворованное. Так я пришел к окончательному выводу о том, что моего носителя пока покинуть.

Однажды Вольдемар захотел традиционно вечером посмотреть легкий и бессмысленный, как каждый вечер носителя, сериал, но я решил, что пора нам расставаться, и внушил, что надо сходить в магазин за хлебом. Уже в магазине носителю с моей подачи захотелось купить и фруктов. У лотка с персиками я наконец увидел своего соплеменника. Собрать-икотка поселился в нагловатого, поджарого мужчину с наколками, выдававшими в нем бывшего заключенного. Мы перекинулись мыслеимпульсами.

Я спросил, можно ли на время подселиться в тело его носителя, и заверил, что долго пребывать в нем не буду и при первой возможности уйду. Последнее уточнение было особенно важно, поскольку длительное пребывание в организме одного человека двух или более наших сущностей приводит к неизбежному конфликту между нами. Конфликт отвлекает нас от текущих задач маскировки и впитывания образа человеческих мыслей, а также рано или поздно делает из носителя либо маньяка, либо сумасшедшего. Маньяк и сумасшедший, кстати, не всегда одно и то же. Соплеменник с радостью согласился, потому что у него на примете уже давно был человек, в которого можно было заселиться.

Уже на выходе из магазина Азя грубо толкнул Вольдемара. Писатель, слегка под ал-

коголем,отреагировал на грубость и сделал замечание. Дальше никаких перепалок не случилось. Просто уголовник достал нож и несколько раз ударил пока еще как бы меня. Было неприятно и больно. Последняя картинка, которую выдернул из памяти Вольдемар, касалась его встречи с сыном уже после развода с женой. Сын в кафе ел мороженое, и вдруг заявил:

— Мама говорит, что ты злой!

— А ты как считаешь?

— Ммм... Да. Ты злой. Ты меня вел из садика, а потом сильно дернул за руку, — мальчик выразительно показал, как отец его дернул. — А потом хлопнул по попе! Я помню! Ты был злой на меня!

— Я тоже помню этот случай. Это был единственный раз, когда я поднял на тебя руку. А помнишь — почему? Мы переходили дорогу на зеленый сигнал светофора, и уже перешли, загорелся красный, и ты вдруг решил, что что-то забыл в садике, и побежал через дорогу обратно. А машины уже тронулись. Я побежал за тобой, схватил за руку и выдернул на тротуар, а потом хлопнул по попе. Хлопнул, потому что очень испугался за тебя. Извини.

Малыш уже в образе Светлого Мальчика, нашего бога Альве, принялся что-то объяснять, но что он говорил, я уже не узнал, отметив напоследок, что родительский испуг за ребенка действительно нетрудно спутать со злостью и гневом. И непонятно было, то ли этой мыслью поделился Альве, то ли она была моей, то ли умирающего. Разобраться я не успел, поскольку тут же был перенесен в тело Ази. За дальнейшим развитием событий я наблюдал уже глазами нового для себя носителя — убийцы. Вольдемар сделал несколько шагов, удивленно прижимая рану, а затем воткнулся головой в бордюр. Пакет с покупками выпал, из него прямо в осеннюю лужу высыпались персики. Азя, будучи в перчатках, кинул к ним окровавленный нож и, как ни в чем не бывало, удалился.

Мы с соплеменником заметили периферийным зрением Ази толстого юношу, который с ужасом в глазах наблюдал за хладнокровным убийством. Я опознал в нем Дэна, который пришел к магазину увидеть отца.

Фотографию Ази сделала при встрече тайком его мать, она же рассказала, в каком магазине родитель обычно закупается. Заметили, но не стали обращать внимание Ази на сына. Это не вписывалось в сюжет.

Тем же вечером меня переселили в организм авторитета Трефа.

ВОССОЕДИНЕНИЕ

В пятницу утром за Надеждой, женой Николая и матерью Алисы, от Трефа заехали два крепких паренька, и она без малейшего удивления, испуга и вопросов отвела сына к соседке и отправилась с ними в город. По дороге бандиты сохраняли молчание, не переговариваясь даже между собой, но эта многочасовая бессловесность Надежду не тяготила. Где-то внутри нее зашевелился червячок предвкушения непонятно чего. А также проявились различные воспоминания. Особенно ярким предстал перед глазами последний раз, когда она видела мужа.

— Куда уют дел, сволочь! — взорвалась тогда Надежда на него, хотя уже два дня с ним не разговаривала. Мужчина не услышал, а ее взгляд почти тут же наткнулся на коробку с утюгом. Дочь Алиса недовольно зыркнула на мать, но та отмахнулась — не до тебя. Надежда тогда собиралась в Кудымкар, где договорилась с подругами сходить в театр. В кои-то веки.

После смерти матери Надежда потеряла связь со своим народом, от чего стала раздражительной и злобной. Срывалась на мужа за то, что шумел на кухне, на дочери, которая больно умная стала. Причину своей неудовлетворенности облечь в слова ей не удавалось, скорее нутром чувствовала, что исчезла какая-то подпитка, идущая от земли, народа и передаваемых из поколения в поколение знаний и правил жизни. Возможно, поэтому, когда подруги зазвали ее в гости (давно не виделись, забыла про нас, приезжай с ночевкой, ходим в театр платья выгулять, а затем в ресторан), она сначала по привычке отнекивалась, но затем, узнав, о чем спектакль, решила.

Комедия на коми-пермяцком «Гузи да Мези» о старике и старухе зацепила ее не сюжетом, а деталью, которой подруга поделилась. Во время представления у героини внезапно проявляется глумливый потусторонний голос, повергающий в ужас её ворчливого супруга. «Так достоверно икотку изобразила!» – расхохоталась в заключение собеседница. Надежда тут же вспомнила икотку, которая жила в ее матери и с которой она общалась едва ли не больше, чем с матерью. Икотка и посвятила ее в премудрости жизни, что можно было делать, а что не стоило, чтоб не разозлить богов и духов, лес и воду, землю и мертвых. И пока Надежда общалась с икоткой, она всем нутром чувствовала и боялась нарушить какой-то запрет. Вместе с тем она испытывала к сущности теплое, родственное чувство, как будто сущность была ее матерью, а не родившая ее женщина.

После того как икотка ушла (Надежда так и не смогла определить, в кого она переселилась) перед смертью матери, умиравшей долго и мучительно, внутренний страх ушел. Исчезла связь с землей, водой и духами. Знания о том, что можно делать, а что нельзя, чтобы не навлечь гнев духов и богов, стали умозрительными, что ли. Типа «на всякий случай, от греха подальше, лучше не испытывать судьбу». Внутреннего страха, потребности уважать и любить потустороннее уже не было. Надежду как будто лишили чего-то важного, какой-то внутренней сути.

С тех пор ее всё больше и больше всё в этом мире раздражало. Особенно муж, который знал о своем народе, духах и сущностях гораздо меньше нее, но этой сутью по праву рождения и крови обладал. Как обладала и дочь. И односельчане. Ее бесило общение мужа с человеколюдем, выводило из себя, что приходилось стряпать пироги для подношения подручному богу Альве. Казалась фальшивой атмосфера праздника Семик, дня поминовения мертвых, когда бабы, напиваясь на могилах своих предков, жаловались на горькую судьбу, распекали покойников, что те их оставили. Она чувствовала себя среди празднующих, как, наверное, чувствует себя женщина, которая не может родить,

среди множества мамочек с детишками. Или как одинокая женщина, не сумевшая устроить свое личное счастье, среди замужних подруг. То есть несправедливо обделенной.

И на вопросы, почему так с ней произошло и за что, ей некому было ответить. Впрочем, Надежда бы таких вопросов даже не задала. Она чувствовала неудовлетворенность, она ее выплескивала на окружающих, но понять ее природу даже не пыталась. Вот и услышав от подруги об икотке в спектакле, она не связала свою неудовлетворенность жизнью с ее утратой. Надежда просто захотела, не отдавая себе отчета, прикоснуться к тому, что испытывала в детстве. Не вернуть утраченное, но испытать иллюзию того, что ее связь со своим народом в ней до сих пор существует.

Особенно ее взбесило в тот день, как Николай с дочерью увлеченно обсуждали детали закупки материалов для постройки капища. Они чувствовали эту связь с миром предков, а она всего лишь знала об этом мире. Муж с Алисой отвлеклись на Надежду лишь тогда, когда комнату накрыл приторно-сладкий до удушливости парфюм. Николай распахнул окно. Надежда хлопнула дверью.

Спектакль ей понравился, но не подарил ни толики тех чувств, которые она испытывала при общении с реальной икоткой. Переночевала у подруги, но вечерние посиделки также были лишены душевности. Обманутые ожидания Надежды вызывали в ней раздражение. Она сумела его подавить, но доверительный тон выдать уже не смогла.

Когда Надежда на следующий день вернулась домой, Алиса сообщила, что отец уехал в военкомат записываться на СВО. Надежда выдохнула: «Наконец-то отдохну от него, – а затем добавила, – хоть денег заработает». Дочь к такому отношению матери привыкла, но даже для нее эта реакция оказалась запредельной по своему цинизму. Алиса собрала вещи и уехала, хотя планировала остаться еще на неделю.

Ни сейчас, сидя в машине с двумя крепкими парнями от Трефа, ни раньше Надежда не испытывала ни раскаяния, ни сожаления по поводу своего отношения к мужу. Меж-

ду тем молчание ее попутчиков также было наполнено содержанием. Они синхронно размышляли о том, что Дед изменился. Он перестал заговариваться, нести всякую чушь, но все дела рассматривал отрешенно. Больше времени уделял написанию книги. Не дал поручения разобраться с забывшими на проект чудиками и Азей, который его раздражал. Вместо этого от него исходили странные поручения. Типа этого — привезти к нему из глухой деревни какую-то бабу, имени которой Дед даже не знал, а помнил только дом, в котором она жила. Все это было странно, но вопросы задавать их давно отучили. Через три часа они подъехали к офису авторитета.

— Ну, здравствуй, дочка! — таким словами встретил Надежду Треф.

Надежда в ответ обмякла и скорей упала, чем присела в кресло.

— Мне тебя не хватало... — выдавила из себя женщина, и из ее глаз хлынули слезы.

— Я знаю, — Треф подал Надежде стакан воды и нежно обнял за голову. — Поэтому ты так над мужем измывалась?

Надежда плакала уже навзрыд, судорожно кивала головой, пыталась что-то сказать, но с первого раза не получалось.

— Почему?! Почему ты оставил меня?

— Так решил Альве, — Треф, успокаивая, гладил Надежду по голове. — А ты знаешь, я ведь книгу написал. Тебе надо будет ее опубликовать.

— Ты меня больше не бросишь?

Треф взял со стола канцелярский нож, сделал легкий надрез на руке и протянул руку женщине:

— Теперь я буду с тобой.

Икотка, которая была в Трефе, а раньше жила в теле Вольдемара и матери Надежды, теперь переселилась в Надежду. Вместе с икоткой к Надежде вернулась и связь с миром духов, со своим народом, и чувство глубокого раскаяния перед мужем.

Трефа почти дотла сжег изнутри рак, поразила деменция так, что функции преступного авторитета исполняла икотка ровно до той поры, пока книга не была написана. Ни Треф, ни Азя не знали, что икотка не исцеляет от болезней, а лишь избавляет на то

время, пока живет в тебе. Трефа после ухода Надежды с подушкой Альве в руках срочно увезли в больницу. Авторитет кричал от боли, бился в судорогах. Срочная операция, как ни странно, ему помогла, но после нее Треф перестал кого-либо узнавать. Нес всякую чушь. Его поместили в частную психиатрическую больницу к дяде.

Примерно то же самое случилось и с Азей. В предвкушении, что ему наконец удастся сорвать большой куш, поскольку свою часть уговора с Трефом он выполнил, уголовник вышел прогуляться, выпить пива на солнышке. Однако на улице столкнулся с Дэнном, который выследил его до гостиницы после убийства и пришел выяснить, почему отец его бросил и зачем убил писателя.

— Зачем вы... напали на Вольдемара?

Дэну было очень страшно, он заикался и еле заставил себя подойти, а выговорить слово «убил» даже не смог.

— Чё ты гонишь, пацан! Какого Вольдемара! Ты вообще кто такой?!

Азя, зыркнув по сторонам, схватил Дэна за шиворот, затащил в подворотню и стал хлестать ладонями по щекам:

— Ты кто, я тебя спрашиваю! Че те надо?!

Дэн, ни разу в жизни не дравшийся, неловко закрывался руками от пощечин, склонил голову к груди, но удары все равно пропускал. В какой-то момент от испуга он попытался оттолкнуть от себя Азю. Однако сделал это вслепую, просто выкинул не глядя вперед руку, и случайно попал уголовнику, не ожидавшему сопротивления, прямо в нос. Кровь и слезы хлынули у Ази одновременно, он отступил и почти тут же понял, что икотка его покинула. Перескочила в парня.

Азя от этой потери вдруг как будто протрезвел. Как будто пелена упала с глаз, а мир предстал в настоящем, а не искаженном виде. Он отступил на пару шагов, прижался к стене, затем сполз на корточки. Мысли и чувства путались. Он понял, что икотка его обманула и Дэн, которого на фото показывала его мать, неприглядная женщина в зеленом шарфике, действительно его сын. Возникло беспокойное чувство: а не вернется ли к нему болезнь?

Дэн, опешив от того, что натворил, виновато протянул Азе носовой платок:

— Извините, я не хотел. Правда. Давайте в больницу вас, что ли, отвезу?

Азя качал головой и с блаженной улыбкой на лице прошептал:

— У меня есть сын!

— Что вы сказали, простите?

— Аминазин, говорю, у меня в кармане. В таблетках. Справлюсь. Ты давай, пацан, иди. Не знаю — папка тебя даром наградил или проклятием, но пусть у тебя всё сложится.

— Не понимаю.

Азя встал, хлопнул Дэна по плечу, и ушел так, будто прожил жизнь не напрасно.

А на следующий день, ранним утром, Азя снова увидел в небе железную птицу Кингланку. На этот раз она парила бесшумно, как будто подкрадывалась. Азя проснулся в шесть утра от болей в животе, затем его вырвало. Задыхаясь, он вышел на улицу, и за пять минут дважды сходил в туалет. Мозги были как в тумане, и всю дорогу от номера в гостинице и до улицы, и на самой улице его преследовал устойчивый запах персиков. Он останавливался, чтобы перевести дух. Иногда ему казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Затем Азя увидел, как птицы отделилось железное перо и стало медленно падать. Сил вернуться уже не было. Последний его мысленный возглас был торжествующим: «Аминазин!»

Врачи констатировали смерть неизвестного гражданина, пролежавшего в сквере без сознания несколько часов, от диабетического кетоацидоза, который возникает в результате отказа больного от приема инсулина. Похоронили его на бюджетные деньги. Дэн, ничего не объяснив матери, под влиянием внутреннего голоса уехал в Питер.

Так и завершился очередной отрезок моего существования. Наш бог получит свое капище. Пару месяцев назад от имени Трефа я дал указание выкрасть подушку Альве из музея. Надежда вернет подушку Светлому мальчику. Испросит прощения у мертвого мужа. После нее у меня, наверное, будут новые тела, впечатления и мысли. Но это будет потом, а пока — так.

Напоследок стоит, наверное, поблагодарить моего предыдущего носителя Вольдемара за то, что привил мне писательские навыки. Трефа — за спонсорскую помощь в приобретении материалов для капища. А также — своих соплеменников, обитающих в разных организмах, за то, что подкидывали материал для написания этой повести. Ярика, Дэна и Алису — за то, что попытались представить нас как игру. Без осуждения или восхваления. И вообще людей — за всё. Берегите ваши тела, люди, они нам еще пригодятся.

ЭПИЛОГ. БЕЗОПАСНОСТЬ В СЕТИ

Ярик по совету Алисы сделал ставку у букмекера, и выиграл. Это подтвердило его убежденность, возникшую в последнюю встречу с Трефом, что он избранный. Это он смог выпустить в сеть коми-пермяцких духов, он и должен был этот мир научить сосуществовать с ними. «Цифровые духи, — утверждал Ярик, — это тени древних богов, научившихся жить в потоках данных. Их можно обмануть, но нельзя уничтожить: они — часть мифа, который мы сами создаём, нажимая «Сохранить».

Все выигранные деньги он пустил на то, чтобы нести эту истину своим коллегам — ай-тишникам. Кто-то относился к его деятельности как к троллингу. Некоторые полагали, что он заурядный сумасшедший, только с деньгами. Наиболее бурно, впрочем, обсуждали не его тезисы, а описания духов, которые повинны были в тех или иных ошибках программного обеспечения, а также ритуалы, с помощью которых можно было баги исправить.

Вот некоторые из его рецептов:

Лоз-хохотун — потомок лесного духа, что глумился над охотниками, подменяя их стрелы ветками. Ныне вселился в алгоритмы, ибо нашел родственное начало в коде: оба созданы из невидимых узлов. Его смех — это звук ломающейся логики, а «баги» — перья железной птицы Кингланки, которые он втыкает в цифровую плоть. Если в ворде буквы начинают меняться на непонятные символы или

документ сохраняется в формате «.древло», то, значит, Лиз-хохотун избрал вас своим собеседником и ждет подношений. Не стесняйтесь – выложите из обрывков березовой коры вокруг монитора круг и шепните в него: «Смех твой – ветер, и ветер этот унесет тебя в корзину удаленных файлов».

Пауль-йорут, рождённый из стыда выброшенных вещей, обитает в кеше и временных файлах. Он крадёт не слова, а саму память о них, как когда-то воровал носки у одиноких старух. Его сила растёт от цифрового хлама: тысячи нераспечатанных писем, черновиков, скриншотов «на потом». Признаки его присутствия в системе: письма в папке «Отправленных» исчезают, будто их не существовало, автосохранение срабатывает только для пустых файлов. Для того чтобы избавиться от Пауль-йорута, создайте папку «Жертва» и наполните её файлами с названиями: «Ненужное_1», «Старое_письмо_бабушке», «Пароль_от_WiFi». Затем сожгите папку на виртуальном костре (используйте программу-шифратор, стирающую данные безвозвратно) и при этом нащёптывайте: «Нáтшöм йöзлön кодьыс – эн кера» («Ты не получишь моих мёртвых букв»).

Миснэ, когда-то соблазнявшая охотников шепотом листвы, теперь обитает в рекламных баннерах, замедляющих загрузку страницы. Она плетёт паутину из лагов и обрывков пакетов данных, чтобы заманить пользователя в «цифровую чашу» – бесконечную перезагрузку. Её дочери – те самые пиксели, что мерцают на краю экрана. Её присутствие выдает то, что Интернет замедляется ровно в момент отправки важного письма, а Зоот-конференции наполняются эхом, будто в комнате гуляет ветер. Для избавления от нее необходимо обмотать системный блок полской бересты с вышитым знаком «Öлек» (коми-пермяцкий символ пути). Поставить у монитора чашу с талой водой (дистиллированная подойдет) и кинуть в неё три соновые иглы, затем набрать в командной строке: *ping 127.0.0.1 – t* и дожидаться, пока

Миснэ, устав от монотонности, не уйдёт искать новых жертв.

Куды-Кулико – дух нерождённых детей, чьи души застряли между мирами. В цифровом пространстве он хочет быть одновременно и зайцем, и волком из мультфильма «Ну, погоди!», Машей и Медведем. Он капризен, как любой малыш: может спрятать панель инструментов на экране, сворачивать в момент работы программы, создавать пугающие иконки на рабочем столе. Его крик – это синий экран монитора, а слёзы – внезапные обновления системы. Чтобы успокоить малыша, надо нарисовать на экране маркером пеленку (не волнуйтесь, дух воспримет это как ритуальный символ) и запустить мультфильм про Машу и Медведя на полную громкость – Куды-Кулико засмотрится и забудет о шалостях. Пока он отвлечен, надо прошептать: «Акань, дзоньдö, меда тэнад гажá лун» («Спи, дитя, пусть твой день будет весёлым»).

Его описания духов сети были настолько же поэтичны, насколько архаичными и нелепыми были рекомендуемые способы избавления от багов. Однако обсуждали их бурно, поскольку Ярик нанимал для этого не только соратников, но и хейтеров, обоснованно полагая, что, чем убедительней выпады противников, тем усерднее их будут опровергать его последователи. Последователи со временем превращались бы в хейтеров, а хейтеры – в последователей. В этом он видел залог эволюции.

Все закончилось так же неожиданно, как и началось. Некий пользователь под ником Колобок публично обратился к Ярику от лица икотки с требованием прекратить спекуляции на мифах северных народов. При этом Колобок не подкрепил свои требования ни аргументами, ни угрозами, ни взыванием относиться бережно к культуре малых народов. Не было никаких видимых причин даже реагировать на это обращение. Однако после этого Ярик свернул свою деятельность, и больше о нем никто ничего не слышал.

Алексей Житковский

Дверь

Хроники

*в сутрах Махаяны множество раз упоминаются
три двери полного восприятия:
пустотность,
отсутствие признака
И...*

хватит!

1

на Покров снег не выпал, не выпал он и на 30 октября
это стыдно и невыносимо, невыносимо стыдно
для меня в первую очередь, конечно для меня
не для снега же — снег ляжет, когда ему вздумается
и последнее, о чем он будет жалеть —
если, конечно, снег имеет способность печалиться,

горевать и возмущаться несправедливостью судьбы —
так это о том, что не покрыл собой в конце октября
рябой асфальт у нашего подъезда
и бурую полосу земли
уже застывшей, и твердой
такой, о которую лицо можно разбить
если упадешь, споткнувшись случайно или будучи пьяным
о серую дверь с рыжими крапинками ржавчины
дверь, лежащую на каменной земле
большую подъездную металлическую дверь
состоящую из каркаса и двух секций:
сплошного железного полотна
с болтающимся доводчиком
и вырезанным болгаркой окошком для домофона
но уже без самого домофона
и открытую створку потоньше с угловатой ручкой
за которую когда-то держалась и моя рука
и руки всех жителей нашего подъезда
всех тех, кто эти долгие десять лет
целую жизнь, открывал эту дверь
нашу дверь
мою дверь
дверь в землю
прямым путем туда, куда я хотел бы лечь
от стыда и усталости
но больше — от страха
а страха за что — не могу объяснить.

2

я стою у окна второго этажа
я смотрю на дверь, ту самую дверь
я закрыл зеленые роликовые ставни
ровно настолько чтобы видеть самому
но чтобы меня никто не видел
ни со двора, ни с соседних балконов
это окно моей кухни, я здесь живу
уже семнадцать лет я живу здесь
в этом городе, в этом пятиэтажном доме
в этой тесной квартире на втором этаже
с окном на двор, на асфальт у подъезда
на бурую полосу земли в палисаднике
перекрытую черной чугунной оградой...

Помню, прошлым летом Равиль, сосед с третьего этажа, сел пьяным за руль посреди воскресенья и снес эту ограду к чертовой матери, сломав две березы, юную сирень и клумбу с желтыми ноготками, а следом врезался в стену нашего дома, прямым путем в мою стену, вот под этим окном.

Это было сродни землетрясению. Гулкий удар, звон бетона. По всей квартире зашатались люстры. Мы все испугались, попадали на пол. И только мой пятилетний сын Саша не испугался, забежал на кухню, открыл форточку, высунул голову и закричал на Равиля и других соседей, вытаскивающих окровавленного водителя из машины:

– Дураки! Вы сломали деревья!

Тоненько так: «Дураки!»

Смог бы я так же смело кричать на пьяных, а тем более трезвых мужчин?

Дураки... Нет. Никогда.

А Саша смог. У маленького Саши еще нет чувства страха, нет чувства опасности, нет тревоги за будущее. Вообще ничего нет.

Ничего... и это пройдет.

3

я стою на кухне, я смотрю на дверь
 что я здесь делаю? как я попал сюда?
 сам не знаю... так получилось
 кажется, оказался случайно
 в этом городе и в этой квартире
 но прошло столько лет
 ход событий не восстановить
 все равно совершь, сочинишь, выдумашь
 потому что не помнишь, потому что нелепо
 и как-то унизительно все это вышло

Я знаю, есть люди, придающие величие каждому своему дыханию, каждому движению. В их жизнедеятельности всё выглядит готовым параграфом из ЖЗЛ. Детство. Отрочество. Юность. Мои университеты. С младенчества стоят они в эпицентре мира. С пятилетнего возраста пишут стихи, играют великие роли, вершат судьбы. Всё, что с ними происходит, — прямой путь героя. Инициация, борьба, успехи, трофеи. Семья, квартира, автомобиль, признание, всё в этой жизни — их собственное произведение. Завязка, кульминация, счастливый финал...

Но со мной всё не так. Я другой человек. Ничего героического. Никаких достижений. Кажется, это не я — меня само всё достигло. Или настигло. Затащило шершавой рукой в это положение и захлопнуло следом глухую дверь.

пришел в гости и остался навсегда
 с утра не хватило сил убежать
 затащило в уют, обмяк, свыкся
 что-то пустяшное — разговор, или ужин
 что-то случайное стало судьбоносным
 что-то случайное
 а потом...

Потом пошли дети!

Вначале просто пошли, появились на свет, как новые человеческие существа. Потом пошли ползать по полу, потом пошли на двух ногах. Вначале по квартире, потом около подъезда, дальше больше — дворы, детские площадки, парки. Потом пошли по разным

социальным институциям — садики, школы, кружки, секции. И я чувствую, скоро настанет момент, когда дети будут не просто ходить, но и уходить.

откроют дверь и уйдут навсегда
в другую, новую, пугающую жизнь
ищи их потом, свищи по миру

И первые звоночки уже прозвучали. Пару лет назад старшая дочь, Оля, ей было восемь, посреди бела дня, когда все были дома, открыла дверь и исчезла.

Мы с женой три часа бегали по старым дворам, по школьным площадкам, пустырям, оврагам, прокручивали в голове самые страшные варианты: киднепинг, морги, наркоманы, автотатастрофа.

Но больше всего мы прокручивали варианты собственного оправдания, обвиняли друг друга, кричали, злились. Это ты виновата! Разве можно не заметить? А ты куда смотрел?

Оля нашлась за квартал от дома. Играла на детской площадке со странной конструкцией, изображающей то ли ракету, то ли прогулочный катер.

Оля просто играла, а заметила нас — улыбнулась.

Мы стояли как мертвые, не могли найти слов. А Оля улыбалась и, кажется, подмигивала нам. и сейчас, когда я смотрю на дверь и комкаю внутри стыд со страхом мне кажется, кто-то большой и невидимый так же улыбается и лукаво подмигивает мне, застывшему в оцепенении

4

что еще важно сказать о нашей двери даже теперь, когда она повержена на землю когда к ней липнут опавшие листья на ее теле еще остались признаки иной жизни той жизни, когда все было по-другому когда дверь занимала вертикальное положение, хранила нас, защищала от ветра и зла, от бездомных, сумасшедших, проходимцев, уголовников, пьяных компаний, агрессивных подростков, закладчиков разносчиков листовок о ярмарке меда разносчиков листовок о ярмарке шуб разносчиков листовок о распродаже в «Магните»...

о! как силен был ее магнит попробовали бы вы открыть ее голыми руками бывало, я забывал ключи от домофона дергал, что есть силы — не получалось четверо бы не справились! так она нас охраняла дверь была надежной границей между личным пространством и пугающей улицей непроходимой преградой между своим и чужим если можно так выразиться, дверь была стеной

ДВЕРЬ.

Поверь, вы заботились обо мне не меньше.

А теперь? Посмотри на мое положение... Мой металл — прочная материя для человека, но он не способен сопротивляться природе. Мое тело мгновенно принимает температуру окружающей среды. Электроны свободно перемещаются по кристаллической решетке, отдают пространству всю свою энергию. А я остаюсь ни с чем. У меня нет сил. Мне холодно. Никто и ничто меня не греет.

Раньше я защищала вас с одной стороны, вы с другой. Ты платил за коммунальные услуги, и подъездные радиаторы делали мою створку теплее. Я дарила вам надежность, вы отвечали теплом. Это была иная жизнь. Теперь же с обеих сторон холод.

Да, холод... но признаки ТОЙ жизни
еще сохранились, я вижу их даже отсюда
вот малиново-синяя табличка магазина «Озон»
с указанием адреса нового пункта выдачи
рядом со зданием миграционной службы
(он открылся полгода назад, но мы боимся туда ходить,
там столько мигрантов!) а вот обрывки объявлений
например, распечатанный на принтере кусочек приказа от ЖЭУ

ДВЕРЬ.

Уважаемые жильцы!

В связи с капитальным ремонтом вашего дома
необходимо срочно убрать личный автотранспорт
на расстояние не менее 20 метров от дома!
За возможные инциденты и порчу имущества
во время ремонта вашего дома
ЖЭУ ответственности не несет!

ни за капот вашей машины, ни за прицеп, ни за бампер
если на них вдруг упадет сорвавшийся профлист или человек
мы не отвечаем!

Это я уже от себя добавил. В объявлении ни профлиста, ни человека не было.

а вот обрывки рукописного послания
особенно запавшего мне в сердце
ты помнишь его?
сейчас это невозможно прочитать
октябрьские дожди разъели чернила
ветер и человеческие руки искромсали бумагу
но это маленькое послание не выходит у меня из головы...

ДВЕРЬ.

Господь, прости мне мои грехи!
Иисус, приди в мою жизнь
и будь моим Богом.
Аминь!

Аминь...

Коротко и ясно. Грехи. Жизнь. Фиолетовые чернила на клетчатой бумаге... Бог. Дверь.

Недавно я открыл Новый Завет. Слово «дверь» встречается там 35 раз, и множество раз встречается слово «преддверие». Но что это за дверь? Преддверие чего? Царства небесного? Новой жизни? И почему именно дверь? И как она выглядит? Похожа ли Дверь в Царство Небесное на тебя, лежащую на голой земле?

ДВЕРЬ. И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются.

Пожалуйста...

ДВЕРЬ. Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою...

Умоляю!

ДВЕРЬ. И пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их.

Не надо!

ДВЕРЬ. Хорошо, последнее. От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето; так, когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях.

Я. Что? Что близко при дверях? Лето?

5

— Коля, привет!

Это прошлое лето. Краснощекий Равиль стоит у подъезда в халате и сланцах. У Равиля трое детей, три девочки. Одна постарше. Две других дошколята. Вот они — катаются на самокатах, падают, плачут. Довольный Равиль медленно курит. На дворе воскресенье. На дворе — пекло.

— Коля, привет. Займи денег. Хочу чипсы купить. Газировку хочу купить детям. Спрайт там, Колю. Не хватает чутка. Зарплату задерживают. Вообще не платят. Машину-то я продал. Помнишь машину мою? Солярис? Кабзда Солярису. И вообще кабзда. Так хреново с утра. Тысячу займи?

— Тысячи нет.

— Тогда хоть пятьсот.

— Вообще нет бумажных.

— Ну, на телефон переведи. Я верну, обещаю. Зарплата в сентябре — всё верну сто процентов. Номер мой набери, +7 девятьсот. Равиль. Сбербанк. Сосед. От души. Спасибо, Коля. Даже не сомневайся. Всё верну без базара.

Всё верну. Но что всё? У меня же ничего нет. Мне нечего возвращать. Всё, что есть — чужое, заемное, дареное.

Начиная с элементарных вещей, с зубной щетки, с нижнего белья, с верхней одежды, с шапки.

Зубную щетку купила жена. Каждые полгода она покупает нам новые, потому что старые, видите ли, размочалились.

Прекрасные трусы теннисной фирмы Wilson подарила мне сестра на день рождения.

Остальные трусы, менее удобные, оставляющие следы от широкой резинки, купила та же жена на «Озоне».

От ее брата, моего шурина, достались мне поношенные рубашки. Вообще-то мы разной комплекции, он высокий, узкоплечий, я маленький, квадратный. Но когда его хлопковые вещи садятся от множества стирок и износа, их передают мне по наследству

примерно та же история с брюками и штанами
носки изо льна купила мне мать
из хлопка носки — тоже ее рук дело
и три двуспальные простыни и два одеяла
свитер из шерсти связала теща
дочь из Puffy Fine сделала манишку
а сын отдал свой школьный рюкзак

Чашки на 23 февраля, сковородки по акции, ножи за наклейки в «Магните», и прочее, прочее — всё это не мое, чужое, заемное. Квартира жены на втором этаже, пластиковые окна, рольставни, сантехника. За все эти годы я не прикоснулся ни к чему. Ничего не починил, ничего не взял в кредит, ничего не принес, ничем не обладал. Все прошло мимо. Будто и не жил вовсе. Ничего не стало своим, собственным.

Ничего. Кроме этой двери — единственного создания, к которому я приложил руку.

6

в этом году тебе могло бы исполниться десять
круглая дата, твой юбилей
я помню твой день рождения — ноябрь 14-го
2015-й мы встречали уже защищенными
и я помню все годы до этого праздника
годы, полные бесконечного напряжения

Каждый вечер, особенно по выходным, я знал, что мне нужно выйти на лестничную площадку и снова ругаться, кричать, умолять:

— Уважаемые господа, товарищи, дети! Выйдите, пожалуйста, все из подъезда!

Пугать заявлением, полицией, расправой. Изображать из себя мужика, спецназовца, садиста, кого-то другого, тупого, сильного, уверенного в себе человека, способного на убийство или на что-то более страшное.

Кто-то из гостей верил в мою игру, но большинство посылало куда подальше. Всё продолжалось с новой силой. Эти крики, ругань, урлы, смех, шорохи, запахи, эта сигаретная вонь... Да, я сам курю тайком от жены и детей, но чужой дым ненавижу, ненавижу!

Наш подъезд превращался в бордель. Напротив открыли круглосуточную разливайку. Все соседи по дому уже поставили двери, и вся районная алкашня повалила к нам, в первый подъезд, на площадку второго этажа, прямоком к порогу моей квартиры.

Я придумывал ходы, я читал форумы:

- Установите камеру.
- Покрасьте батареи.
- Изучите теорию разбитых окон.
- Наведите марафет. Ототрите граффити.
- Уберите пепельницы, бычки и бутылки.
- Поставьте цветы в горшках и кадках.
- Лучше герань, она неприхотлива.

Я стирал маркеры, собирал чужие окурки. Я ставил на площадку герань и детские санки с пуховой подкладкой для того, чтобы выйти и умолять уже аргументировано: не курите в подъезде, саночки провоняют. На санках катается ребенок. У дочки аллергия. У жены астма! Не лейте на герань пиво! Пожалуйста, уходите!

Я прикрывался ребенком, женой, болезнью, унижался перед малолетками, и всё ради того, чтобы меня оставили наконец в покое.

Равиль ухмыляется:

— Коля, расслабься. Сами такими были. Помнишь, как в детстве, шарились по дворам?

А я не помню, я не шарился! Я не был таким — почему я должен страдать за ваши грехи! У меня другая жизнь. Я хочу тишины. Я хочу не бояться!

У Равиля родилась дочь. У соседней с четвертого родилась двойня. На пятом этаже завели собаку.

Люди, опомнитесь, давайте что-нибудь делать. Нашим детям, нашим питомцам угрожает опасность! Разве вам не страшно?

— Все нормально! Сами такими были.

Я вчера не мог заснуть — думал, в подъезде поселился трактор. Вышел на площадку — под батареей — человек. Грязная, засаленная одежда, рваный пакет с огрызками.

— Человек! Человек!

Человек храпит. Вокруг вонь и грязь.

— Вы живы? Вставайте?

— А?

— Вы лежите на полу. У вас все хорошо?

— У меня все отлично.

— Может, помощь нужна?

— Закурить дай.

— У нас не курят в подъезде.

— Это хреново.

— И не мусорьте здесь, пожалуйста.

— Не ***. Уберу.

— И не надо тут мочиться.

— Дай на бухло!

— Я не даю на выпивку. Могу вынести хлеба.

— Нафиг мне твой хлеб, у меня самого завались. Хошь горбушку?! Дай лучше сотку!

— Я не дам вам денег!

— Ну хотя бы полтинник.

— Ничего вам не дам! И не спите здесь больше!

Сосед с пятого этажа, прокурор на Hummere с номером 777, долго смеется:

— Наконец-то у нас появился швейцар!

А парень с четвертого, спортсмен кажется, выбросил бомжа за шкирку на улицу.

— Чё ты с ним разговариваешь? Чё их жалеть-то?

Да как вы не понимаете? Одного выкинул — двое появятся. Это бесполезно. Давайте поставим дверь. Весь дом уже поставил двери. Все, со второго по шестой подъезды. Остались только мы. Нас спасет только дверь!

— Алло, здравствуйте. Это компания «Визит»?

— «Визит», «Визит». Надежда на проводе.

— Я насчет двери. Вы устанавливаете двери?

— Мы всё устанавливаем, адрес какой?

— Жукова, 23. Первый подъезд.

- Это как маршал которая?
- Какой еще маршал?
- Жукова?
- Жукова.
- Ну, я и говорю. Великий полководец, маршал Победы. Георгий Константинович Жуков. Герой Отечественной войны. В чем ваша проблема?
- Понимаете, у нас в подъезде творится ад. Мы годами не можем спокойно уснуть.
- Ясно. Сорок пять тыщ рублей это стоит.
- Это за дверь?
- За дверь с домофоном. Трубка в квартиру. По три ключа на семью. Отдельно ключ по 200 могу отдать.
- И что нужно сделать?
- Собрать сорок пять тыщ.
- Я что, один их должен собирать?
- Нам без разницы. Хоть один, хоть впятером. Сколько вас в целом? 15 квартир. С каждой по три пятьсот – вот вам и сорок пять. Пройдите по подъезду, соберите подписи. Если все за, несите сорок пять тыщ – за сутки все сделаем. Год гарантии. Месячное обслуживание – 60 рублей. Ждем вас с деньгами. Удачи. И с Богом.

С Богом...

В течение полугода я не могу собрать подписи. Меня посылают туда, где я родился, упрекают в обмане, вранье, мошенничестве, развале Советского Союза, безденежье, безработице, коррупции и даже в агрессии НАТО. Не дай вам бог ходить по соседям, обивать пороги, просить участия! Не дай вам Бог познакомиться с людьми поближе, посмотреть в их глаза, услышать их речь! И не дай вам Бог что-то им доказывать.

Все бесполезно. Антропологическая катастрофа. Люди, одумайтесь! Неужели вы не видите? Давайте что-нибудь делать! Нас спасет только дверь. Но люди не видят, люди не слышат. А слышит, действительно, только Бог.

На Хэллоуин 2014-го случилось чудо. Ровно в полночь 30 октября я услышал странный вой на площадке. Думал, дети играют в вампиров. Робко вышел. Все оказалось намного страшнее. Два подростка под солью бьются головой о стены, корчатся в судорогах, царапают себе лица. Один увидел меня, убежал, второй от испуга начал блевать. Пока ехала скорая, пока ехала полиция, юный вампир заблевал белой пеной всю лестницу. Весь второй и первый этаж заблевал. Бесконечная рвота, как в сказке про Горшочек...

с утра я помыл полы, проветрил
вечером соседи принесли деньги и подписи
а через неделю у нас появилась ты –
новая, сверкающая, покрытая серой краской
металлическая дверь с рамой и двумя секциями

7

Я знаю, в каждой пьесе должен быть конфликт, смертельная борьба противоположностей. Протагонист должен перебороть антагониста, изменить мир вокруг, или, в конце концов, измениться сам, выйти из схватки победителем или умереть и стать Богом.

Но я не хочу умирать. У меня нет антагонистов. Мир вокруг остается прежним. Да и сам я тот же самый. Всё так же стою у окна и смотрю на ту же самую дверь.

Единственное, что изменилось, — теперь эта дверь опрокинута на землю, ниспровержена и поругана. Ветер бросает на нее рваные пакеты. Капли дождя заползают в каверны.

Все, что у меня было своего, лежит и превращается в абсолютное ничто. Есть ли тут моя вина? Что я сделал не так?! Это ведь я ее установил. Я собирал подписи, я столько лет ухаживал за ней, столько лет подкручивал ее хилый магнит, столько лет срывал все, что лепили к ней чужие пальцы...

срывал объявления о купле квартир
срывал объявления о ярмарке меда
о выставке шуб, распродаже финской одежды
срывал объявления местной секс-индустрии
бесконечные картинки с сердечками и богинями
бесконечные Афродиты, Юли и Маши
Спасательницы Малибу
Покорительницы Самотлора
Самотлор — наше великое нефтяное месторождение
седьмое по запасам месторождение в мире
со всего Союза сюда ехали студенты
ехали «химики», ехали уголовники
все вместе, взявшись за руки, покоряли древнее озеро
на хантыйском языке называемое мертвым
Самотлор — это мертвое озеро
но недавно я узнал, что это не совсем так
по другой версии, Самотлор — это «водная ловушка»
в 81-м году добыли миллиард тонн нефти
миллиард тонн жижи из перегноя и динозавров
в 85-м — второй миллиард
спасли советскую экономику древними остатками
на два десятка лет продлили коммунизм
все были счастливы, пили «Тархун» и «Байкал»
Лещенко пел по всесоюзному радио
«Я живу теперь почти у моря,
но к нему проезда нет!»
Лещенко пел, а мои теща и тесть
под его завывания ехали из самарских и чувашских деревень
покорять мертвое озеро
«Я живу на дальнем Самотлоре,
подо мной большая нефть»...
построили город, получили инвалидность
и попали в ловушку
лежат теперь на кладбище рядом с большой нефтью
А Лещенко все поет
«Самотлор — столица нефтяная,
Самотлор — мой дом родной...»
Лещенко — жив, теща и тесть — нет
я живу в их квартире с их дочерью и внуками
третий миллиард тонн не добыли до сих пор.
теперь это озеро пытаются покорить
Юли и Маши, Афродиты и Куколки

по телефону 69-69-69
который я нещадно срываю
выношу табуретку и тяну руки вверх
за ночь объявления растут как грибы
покорение Самотлора не остановить
но я пытаюсь, ковыряю отверткой
прыгаю, рву и снимаю с тебя
эти грязные квадратики
чтобы ты была чистой,
девственной,
непорочной
не тронутой злом...

Сосед с пятого этажа прокурор на Hummere с номером 777 смеется:
— Вы мешаете бизнесу! Кто-то работает, а вы всё срываете. Сами бы попробовали...
Я не обращаю внимания.

я срываю объявления предвыборных кампаний
кто все эти люди?
председатель областной думы Моор
«Во благо Югры...»
Моор во благо — звучит как фильм ужасов
«Юрий Педорович — парень с нашего двора!»
Я впервые тебя вижу! Кто ты такой?
«Оксана Замула. За людей. За стабильность»
я стабильно рву уши, глаза и улыбки
какое право вы имеете
быть приклеенными к моей двери!
какое право вы имеете!
я срываю, срываю
срываю даже то, что опасно срывать
«Миллион рублей — только позвони
стань мужчиной, вступи в наши ряды
защищай Родину, получи миллион»...

Утром в пятом часу я выхожу на улицу с пакетом мусора. Я планировал эту операцию неделю. Еще до рассвета, пока не проснулись работяги, а алкаши уже легли спать, я открываю тебя, выхожу с пакетом. Пакет для прикрытия: мол, вышел выбросить объедки. Я срываю с тебя «миллион» и столбенею. В углу дома над моей головой, словно меч, висит видеочкамера....

конечно, она не работает
но если вдруг работает!
мне конец, я обречен, меня покажут по телевизору
заклеймят позором, привяжут к столбу...
почему я не предусмотрел камеру в плане?
ведь камеру устанавливали вместе с дверью!
я бросаю обрывки «миллиона» в пакет
я иду к урне — это отягчающее обстоятельство...
выбросить «миллион» в помойную урну...

я читал, как один человек выбросил и получил три года
 я зажмуриваюсь, выбрасываю, оборачиваюсь...
 и понимаю – Господи, this is the end
 даже если камера не работает
 по всем подъездам висят «миллионы».
 и только на нашем зияет дыра
 ясно, кто это сделал, только один он и мог
 фашист, предатель, агент ФБР
 ко мне придут
 меня вызовут
 казнят...
 я не говорю жене
 я не могу спать
 мне снится гильотина
 и все из-за тебя
 что ты молчишь?
 я очистил тебя ценой своей жизни
 я прошел через страх, боль, унижение
 пошел на самоубийственный поступок
 и все ради тебя, ради тебя....

ДВЕРЬ

успокойся, тише, никто не придет
 никому не интересны ни твоя операция, ни моя чистота
 через месяц во всем районе снимут объявления о «миллионе»
 и расклеят другие
 «Впервые в городе!
 Ярмарка меда – Алтай и Башкирия!»

я срываю объявления о ярмарке меда
 я срываю объявления о выставке шуб
 единственное, что я никогда не срываю – объявления о пропаже животных и Боге

ДВЕРЬ

Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инуде,
 тот вор и разбойник;
 а входящий дверью есть пастырь овцам...
 Истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам....
 Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники; но овцы не послушали
 их...
 Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет.

Как это понимать? Бог есть дверь? Дверь есть Бог? Входящий в дверь – есть овца. Я – овца?
 А ты – Бог? И если я войду в тебя, то спасусь? Как это понимать? И что такое пажить?

В октябре прошлого года в пять утра хлопнула дверь. Равиль, наголо стриженный, вышел из подъезда в камуфляжной форме с большим рюкзаком и спортивной сумкой, сел в такси и уехал за миллионом. В квартире над моей головой три его дочери и худенькая супруга топчутся на кухне, смотрят в окно, машут ему рукой и вероятно бормочут: «Папа, вернись!»

Через два дня в семь утра жена Равиля вывела из подъезда заспанных дочерей, посадила их в новый кроссовер Naval и повезла по детским садам и школам.

Пятьсот рублей Равиль мне так и не вернул.

8

В августе 2024-го, в восемь утра, в окне нашей спальни мы увидели незнакомых восточных мужчин в запачканной одежде, с мастерками и перфораторами в руках. Так в нашем доме начался капремонт. За ночь в высоту дома выросли леса. Вдоль стен — гнутые перекладины, горбыль и тонкие доски. По ним туда-сюда бегают чужеземные люди. Я в трусах фирмы Wilson. Жена в рваной ночнушке... Мы смотрим на рабочих, делаем вид, что не замечаем. Рабочие делают вид, что не замечают нас. Все делают вид. Я задергиваю шторы, я слышу, как в стену вгрызается бур.

Все это длится до сих пор. Бесконечный перфоратор и запах краски. Я открываю штору, вижу грязное лицо человека. Мы смотрим друг на друга. Мы напряжены. Мастерок в его руках блестит как сабля.

— Здравствуйте! Кто вы? Что вы собираетесь делать?

— Извините, чуть-чуть говорить по-русски.

— А кто говорит? Кто здесь главный?

По лесам подползает человек с чистым лицом.

— Главный в Москве. Я тут смотрю за всем. Рашид меня зовут. Я бригадир. Как я могу к вам обращаться?

— Николай. Коля. Зовите меня Коля. Что вы собираетесь делать с нашим домом, Рашид?

— Всё по плану мы будем делать. Как и планировали, всё сделаем, Коля.

— А как вы планировали? Где план, Рашид?

— План в ЖЭУ, Коля.

— А что в этом плане?

— Идите в ЖЭУ, там все есть.

— Да вы так скажите, что собираетесь делать.

— Все по графику, Коля. Швы запеним, балконы обошьем, двери поменяем. Не переживайте. Все сделаем. Мы все дома в округе делаем. Ваш дом последний остался.

— А закончите...

— Осенью. В октябре все сделаем.

— В октябре... а двери? Вы сказали, двери?

— Да, поменяем подъездную дверь.

— Как, поменяете?

— Ну, старую уберем. Новую поставим. Все будет четко.

— А когда вы будете ее менять?

— Не знаю. В понедельник. Может быть, завтра. Вы не переживайте.

— Я не переживаю (зачем я вру?). А старая дверь? Что с ней будет?

— Ничего не будет. Спилим и увезем на базу.

Спилят. Увезут на базу. Но это моя дверь, наша дверь, наши десять лет спокойствия, наши сорок пять тысяч. И всё это заберут, разрежут на металлолом, продадут и переплавят. Нашу дверь, нашу жизнь превратят в ничто.

Но ведь поставят новую?

Но чужую, не нашу!

Как древние новгородцы, сорвут наши магдебургские ворота и увезут их на своей ладье на потеху публике. Вот, мол, смотрите, как мы их уделали — вырвали дверь и оставили с дырой.

Как древние киевляне разграбят Константинополь и прибьют к стене свой щит, свое оружие. Чтобы помнили лохи, кто в доме хозяин.

Как древние... Хватит! Нужно что-то делать. Эта дверь — единственное, что у меня есть на свете. Нужно что-то делать. Но что именно?

Я не могу есть, думать, спать. Засыпаю под утро. Мне снится... енот.

Мы с енотом сидим в огромной темной трубе. Енот сообщает — мы должны торопиться. Вон там, в конце трубы, видишь просвет? Небольшая такая щель. Мы должны до нее добраться! Эта щель — наш единственный шанс на спасение.

Что это значит? К чему снятся еноты?

ДВЕРЬ. Часто енот, забавный зверек, снится к новым знакомствам и переменам в жизни. Если вы холостой мужчина, возможно, вас ждут отношения с заботливой женщиной. Возможно, эта женщина попытается над вами доминировать.

Но я не холостой!

ДВЕРЬ. Женатому мужчине енот обычно снится к удаче в бизнесе, деньгам, успеху.

Но у меня нет бизнеса! Я не работаю!

ДВЕРЬ. Согласно другой версии, енот символизирует врага, который притворяется вашим другом. Он ищет удобный случай, чтобы нанести удар по самолюбию или поломать намеченные планы.

То есть енот — это враг. Но кто может быть моим врагом?

ДВЕРЬ. Это неизвестно, но не теряйте бдительность. Опасность гораздо ближе, чем кажется. И чем быстрее вы разоблачите врага, тем меньше вреда он вам нанесет.

Но у меня нет врагов, у меня нет друзей, у меня вообще никого нет, только ты! А щель? К чему снится щель?

ДВЕРЬ. Про щель, могу сказать только одно. «Дверь в иные миры» Карлоса Кастанеды говорит: между двумя мирами — миром дьябло и миром людей — есть щель; она находится там, где два мира перекрывают друг друга. Щель открывается и закрывается, словно дверь на ветру.

То есть щель и есть дверь?

ДВЕРЬ. Да. Но чтобы найти ее, человек должен воспитать в себе волю, непреклонное желание и полную самоотдачу. Он должен обдумывать и решать всё сам вплоть до того момента, когда его тело будет готово к путешествию.

Какому, к черту, путешествию! Меня трясет, меня сейчас вырвет!

ДВЕРЬ. Значит ты готов. Когда человек готов, у него наблюдается продолжительная дрожь и сильная тошнота. И если дрожь не прекращается — тогда прямо перед ним, подобно огромной двери, открывается щель между мирами, проходящая сверху вниз.

Б...!

ДВЕРЬ. И как только появится эта щель, человек должен проскользнуть в нее.

С...!

Двери, щели, енот, Кастанеда. Дон Хуан. Измененные сознания. Пластинка группы Doogs с одноименным названием. Перепрыгнуть на другую сторону. Открыть двери восприятия. Принять гуахо, войти в щель, увидеть глаз енота и махнуть в иные миры... А потом умереть в 27 от передозировки! Так, что ли? К этому ты меня склоняешь? Всё это мы уже проходили. Мне 42 года! Я не хочу умирать, не хочу никуда прыгать, не хочу проскальзывать!

9

в прошлую субботу спилили домофон
из твоего нутра теперь торчат кабели

красные и синие — как вены и артерии
теперь мы живем без защиты
заходи, убивай, грабь, насилуй
но это еще ладно.
завтра также тихо они спилят и тебя

- Рашид!
- Коля!
- Здравствуйте. Есть вопрос. Эти двери подъездные, вы же будете их менять?
- Планируем.
- Тут такое дело. Это ведь наша дверь Мы ее устанавливали. Десять лет назад. На Новый год.
- Поздравляю.
- Спасибо. Понимаете, мы сами собирали деньги. Я лично собирал подписи — мы сами купили эту дверь
- Я очень рад. Извините, не могу разговаривать. Мы варим перила.
- К черту перила — я про дверь. Что вы будете с ней делать?
- Я же говорил — все по графику. Эту спилим, новую поставим.
- Но это наша дверь!
- И?
- И мы хотим ее забрать.
- Как это забрать?
- Просто забрать. Мы за нее деньги платили. Имеем право.
- Понял. Деньги. Но забрать не получится. По графику мы ее демонтируем. И ставим новую. Толще и лучше. А за демонтаж нам никто не платит. И мы старую дверь забираем на базу. В счет демонтажа.
- Но это наша дверь! Мы сами ее заберем!
- На чермет, что ли?
- Какая разница!
- Она копейки стоит.
- Мы сами решим.
- Полтора рубля максимум. Там от тонны принимают. Она двести весит.
- Сами разберемся.
- Тогда сами и демонтируйте.
- Как это сами?
- Ну вот так, сами ее спиливайте.
- Спилить... а когда?
- Да хоть сейчас. Берите резак и спиливайте сами.
- А когда вы будете ставить новую?
- В понедельник, наверное, или в пятницу.
- А до пятницы, получается, мы без двери?
- Понятия не имею. За демонтаж нам не платят...

Не платят им за демонтаж. Торгуется, гад! Плевать, я сам всё сделаю. Сам всё решу. Конечно, нужно было думать раньше. Нужно было устанавливать тебя, как устанавливают двери в Чувашии. Помню, были там с тестем, там всё по-другому. Чувашская дверь открывается внутрь, а не наружу. Чтобы можно было подпереть комодом или шкафом, чтобы никто не мог сорвать и зайти в дом.

Поздно жалеть. Но я тебя не брошу. Сам тебя сниму, сам позабочусь. Пойду к соседям, к прокурору, к спортсмену, к жене Рагиля, в конце концов.

– Здравствуйте, это Николай, сосед со второго. Я насчет двери. Вам не нужна дверь? Никому не нужна дверь? Пожалуйста, откройте. Это же наша дверь. Мы вместе ее ставили!

Плевать. Тогда отдам в хорошие руки. Не переживай, есть знакомые. Люди помогут.

Я пишу бывшему коллеге, слесарю.

– Ильдар, привет. Сто лет, сто зим. Смотри, какая ситуация. У нас сейчас капремонт в подъезде, меняют двери. Там железная дверь. Может, она нужна тебе в цеху? Это же металл. Он ведь вам нужен. Это наша дверь, мы сами ее покупали. Я с рабочими поговорил. Они говорят – забирайте! Только сами демонтируйте. Позвони, обсудим!

– Ильдар, привет. Получится забрать дверь сегодня? Я дома всегда – помогу погрузить. Она тяжелая. А завтра как? Или в четверг? Я, наверное, тебе надоел с этой дверью. Смотри, до понедельника, может, у тебя получится. А то ее на чермет отвезут просто.

– Коля?

– Рашид?

– Дверь когда заберете?

– Но вы же сказали, увезете на базу.

– А вы сказали, что она ваша. Мы все двери уже увезли, а вашу оставили. Забирайте теперь. Мы ее спилили. Вон там положили. В палисаднике. Видите? Тяжелая. Устали таскать.

– То есть можно просто забрать, бесплатно?

– Ага, по три рубля с квартиры несите. Шучу. Забирайте. Теперь – она ваша. Теперь это ваша дверь, Коля.

– Ильдар, SOS! Я встрял, позвони. Я пошел к этим мигрантам. Сказал, это моя дверь. Они говорят, забирай тогда сам! Они уже капитальный ремонт заканчивают. Спилили ее. Надо только забрать. Она валяется в палисаднике. Ильдар, ты слышишь меня? Позвони!

ДВЕРЬ. Отдаешь меня, значит?

Что?

ДВЕРЬ. И никто не отвечает? А мне ведь холодно.

Замолчи!

ДВЕРЬ. Никто меня не греет. Металл – холодная материя.

Заткнись! Я тебя устанавливал, я за тебя платил! Никому, кроме меня, ты не нужна. Я сам сдам тебя на чермет! Что еще я могу сделать? Поставить на балкон? Или лечь с тобой в землю? Что мне еще делать?

ДВЕРЬ. Продаешь, значит?

Пишу на «Авито».

ИВАН 6 отзывов оценка 5

Выкуп – демонтаж металлоконструкций.

КОМПАНИЯ ЭКО-АЛЬЯНС

Прием черного и цветного металла.

ЯРОСЛАВ

Один отзыв. Оценка 4. Обманывает с весом.

Выезд в день заказа.

Добрый день. Сдам дверь металлическую подъездную.

Нужен вывоз из черты города. Какие ваши условия?

Добрый день, отдам железную дверь!

Отдам дверь от подъезда, цена договорная!
Здравствуйте, когда сможете приехать за дверью?
Отдам бесплатно, только приезжайте

ДВЕРЬ. Значит за бесценок, значит бросаешь?
Да! Бросаю, избавляюсь, предаю!
ДВЕРЬ. А ведь было время, когда я защищала вас от зла...

Фигня! Никого ты не защищала. Кто хотел, тот и приходил. Всё так же собирались, пили, гуляли. Всё так же я выходил и огребал из-за тебя. И при этом платил 60 рублей ежемесячно, потом 70. Потом цену повысили до 100.

Ни черта ты не спасала! Никого не притормозила! Помнишь, как два зека чуть не зарезали меня прямо в подъезде перед собственной квартирой? За замечание. За просьбу не курить...

— Ребята, вы себя ведете как в девяностые!

— Ы-ы-ы! А мы и есть из девяностых.

Как ты их пропустила? Почему не остановила?

Помнишь алкашей, поломавших почтовые ящики?

Помнишь закладки в горшках из-под герани?

Помнишь, как к нам в квартиру вломились с обыском?

Помнишь разбитое окно на этаже?

Помнишь...

ДВЕРЬ. Помню. Я всё помню.

10

— Вчера у дома встретила жену Равиля. Как он там, спрашиваю.

— Тяжело. Водителем устроился. Его сначала туда кинули, потом перекинули куда-то еще. Он и сам не рад. Звонит каждый день. Уже домой хочет. Он ведь на год уходил. Но им всё отменили. Контракты сделали бессрочными. А уезжать нельзя, потому что тюрьма. И теперь не вернется, пока всё не закончится. А когда оно всё закончится? Каждый день звонит. Хочет домой. Наверное, приедет на две недели в ноябре. А потом опять. Пока всё не закончится.

я стою на кухне своей квартиры
ночь, октябрь
соседские машины все так же припаркованы за 20 метров от дома
чтобы не дай бог не прилетел профлист или сорвавшийся человек
прямо перед моим окном лежит старая металлическая дверь
с двумя секциями, одна — сплошное полотно, другая — створка потоньше
на ее месте в подъезде с понедельника стоит другая дверь
новая, тошнотворного сиреневого цвета
с двойным слоем железа
с округлой ручкой

ДВЕРЬ. Только через год после нашего знакомства дон Хуан приоткрыл мне дверь к своим тайнам...

капремонт подходит к концу
всю неделю к дому приезжают погрузчики

Рашид и сотоварищи грузят остатки инвентаря

ДВЕРЬ. После сего я взглянул, и вот дверь отверста на небе...

Я боюсь выходить на улицу. Я боюсь встретиться с ними. Что я им скажу? Как буду оправдываться? Я молюсь, чтобы ты исчезла, чтобы они забрали тебя. Слышишь? Ты лежишь на моих плечах как крест. Да, я знаю, что это предательство, но заберите ее, пожалуйста! Разрежьте на куски. Разорвите, расплавьте, продайте, сдайте, сделайте что-нибудь!

ДВЕРЬ. Полное освобождение наступает благодаря познанию по отдельности трех дверей: двери пустотности
двери отсутствия признака и...

Хватит!

Все это неправда.

Нет никаких трех дверей освобождения. Есть только одна дверь. Только одна дверь в этом мире, и эта дверь – ты. Моя дверь – моя тюрьма.

– Коля, не ругайся. Сегодня возвращались с детьми домой, я им все сказала.

– Кому?

– Рабочим. Сказала, заберите уже эту дверь.

– Как заберите?

– Вот так, пусть забирают. Я же вижу, как ты мучаешься, пытаешься ее пристроить.

– А они что говорят?

– Говорят, мы не можем. Это для людей. Человек попросил оставить. Человек покупал на свои деньги. Я говорю, этот человек – мой муж. Ему некогда, говорю. Заберите ее, пожалуйста.

– Так и сказала?

– Так и сказала.

– А они?

– Сказали, что заберут.

– Заберут... Черт! Зачем ты это сказала!

– А что я должна была делать? Ты третий месяц сидишь дома, смотришь в окно и сходишь с ума!

– Это я схожу с ума? Столько времени, нервов. А теперь что? Заберите, ему некогда!

– Коля, успокойся, это всего лишь дверь.

– Всего лишь дверь?!

– Ну а что это еще? Просто дверь.

– Просто дверь? Да ты знаешь, что это за дверь?! Знаешь, что она значит?

– Не знаю.

– И я не знаю, пап.

– Пап, расскажи, что значит дверь?

– Да, что такое дверь, папа, расскажи?

– Хорошо. Расскажу. Значит, дверь – это...

Дверь – это неодушевленное существительное женского рода, третьего типа склонения, по классификации Зализняка. Восьмая группа, подгруппа Е, с ударением на основу.

В этом плане слово дверь схоже со словами боль, топь, зыбь, путь.

БОЛЬ, ЗЫБЬ, ТОПЬ, ПУТЬ. Понятно?

ТОПЬ, БОЛЬ, ПУТЬ, ЗЫБЬ
 ЗЫБЬ, ПУТЬ, БОЛЬ, ТОПЬ
 ПУТЬ
 ТОПЬ
 ЗЫБЬ
 БОЛЬ
 ДВЕРЬ!

11

Пятнадцатое ноября 2024 года.

Я стою на балконе третьего этажа мегаломанского санатория «Москва» и смотрю на снег, покрывающий собой землю, крыши кисловодских домиков, деревья и горы.

Санаторий «Москва». Архитектор Рорвахер. 1952 год постройки. Сталин жив.

Кардиологический санаторий для членов ЦК.

Советское возрождение, венецианский красный, каскадные лестницы, стрелчатые арки, галереи, башенка с часами, терренкур.

У парадного подъезда белый гипсовый Ильич. Похож на Давида, только в пальто и сутуловат. Спрятался среди белых кипарисов. Белый снег падает на его белую плешь.

Я стою на балконе девятиметрового номера, курю и смотрю на снег.

Я приехал в Кисловодск четыре дня назад. Жена купила мне оздоровительную путевку.

В путевку входит трехразовое питание, шведский стол, с отдельным местом за 35-м столиком. Плюс комплексное обследование организма, УЗИ щитовидки, консультация у уролога, нарзанные ванны, ароматерапия, ингаляции, солевая пещера, ЛФК, бассейн, вода «Есентукки-2» и фиточай «Солнечный» с 10:00 до 12:00 в 212-м кабинете. Выдается строго по санаторной книжке. Везде носите ее с собой. Девочки отрежут купончик. Плюс прием у психиатра. А главное – прогулки. Больше гуляйте. В номер возвращаемся только поспать. Хорошего отдыха!

Большое спасибо.

Я никуда не хожу. Я стою после обеда на балконе, курю и смотрю на снег.

Сегодня у моего соседа по 35-му столику, Сергея Васильевича из Таганрога, умер кум. Но на похороны Сергей Васильевич не поедет – у него билет на экскурсию в Пятигорск. Говорят, когда идет снег, в Пятигорске необычайно красиво.

Утром звонила жена. Говорит, наконец-то снег пошел и дома. Саша и Оля слепили снеговика у подъезда. Все промокли. Но счастливы.

– Я вечером шла домой и видела соседа, Равиля. Стоит, курит в халате у подъезда. Говорит, на десять дней приехал в отпуск. Десять дней, как и у тебя. А потом опять в распоряжение части. Всего десять дней. Потерянный какой-то. Я ему говорю: возвращайтесь скорее. Ага. Вернусь, говорит. К дочерям вернусь. Обязательно вернусь. Когда всё закончится.

Кстати, дверь твоя так и лежит. Сейчас пришлю фото. Не забрали ее. Снегом засыпало. Теперь ее никто не видит. Так что не переживай, никому она не нужна. Лежит и ждет тебя. Видимо, до весны.

Лежит и ждет меня. Лежит и ждет. Там, под снегом, она ждет меня.

Я стою на балконе, курю и смотрю на снег. Мне вспоминается одно стихотворение Роберта Фроста. В нем человек, затаившийся в доме, внезапно слышит стук в дверь. Это странно – на двери нет замка. Все знают, что в дом можно зайти беспрепятственно. Снова стук. Человек подходит к двери, чтобы открыть, но потом решает посмотреть, кто же к нему пришел. Он гасит

свет, выпрыгивает в окно и кричит: «Кто здесь? Заходите!» И вдруг видит, что в доме темно. И в мире вокруг тоже темно. И никого и ничего не видно. И никто не отвечает. Человек выпрыгнул из своей клетки, и навеки оказался во мраке. Всё вокруг превратилось во мрак. И в этом бесконечном мраке бесконечно раздаётся стук в дверь, у которой нет замка.

Я вспоминаю, как лет двадцать назад, когда я еще пытался писать стихи, в это же самое время года на поэтическом слете сибирских поэтов, организованном клубом литераторов «Замысел» в актовом зале школы искусств №1, куда меня любезно пригласили посмотреть на выступление профессионалов (всем им было за 50, и многих, наверное, уже нет в живых), на сцену один за другим вприпрыжку выходили бородатые мужчины и лысоватые мужчины, члены союзов и объединений, и мощно, без запинки декламировали свое творчество.

Помню, как один коренастый башкирский поэт, приехавший погостить у сибиряков, читал кровавую, но веселую басню о том, как в деревне режут поросенка.

В деревне режут порося!

Так начиналась эта басня. А заканчивалась как — не помню.

Потом председатель союза московских поэтов читал поэму о том, как они с внучкой пошли прогуляться по заснеженной Красной площади.

Дедушка, возьми меня на ручки!..

Снег, Россия, внучка... благодать!

Так завершалась эта поэма. А как начиналась — не помню.

Но помню, что финальным номером вечера был человек с Русского Севера, высокий, седой, с гусями под мышкой. Он чинно вышел на сцену, поклонился до земли, сел на специально вынесенный стульчик и томно запел.

Человек человеку — дверь...

Почему-то больше всего запомнился этот номер.

Крутится в голове спустя столько лет

даже не мелодия, а слова.

И то одна строчка. А дальше — провал...

Человек человеку — дверь...

Человек человеку — дверь...

Или человек двери — дверь...

а может, дверь двери — человек

или...

человек двери — человек

дверь человеку — дверь

дверь двери — дверь

дверь дверь дверь

Дверь!

Стихи с тех пор я больше не писал.

*Нижневартовск — Кисловодск,
ноябрь 2024*

Андрей Сухоруков

Стихи о пастухе и море

*Не суетность меня, не зависть
В дом привела, – не воспрети!
Я дитячко твое восславить
Пришла, как древле – пастухи...*
Марина Цветаева

1

Я вижу волосы на кирпичном льду,
Фотосессия в холодной студии.
Лесенки переливаются зеленью росяной,
Парадные дождевым клише пропитаны.

Не могут сомкнуться ресницы девушки,
Сидят неподвижно татуировки-строчки,
Балтийским морем
хочет пахнуть танцорка-птица –
Великий запах *симфонии Шостаковича*.
Это звук танца девушки в баре,
Мальчики эту девушку не услышали.

2

Клавесин трескочет в баре,
Спускаюсь
по твоим татуировкам
в ночной снег,
Хочу не по-юношески
хрустеть ногами,
Не симитировать ветвенный треск...

Ты устала,
Ленточкой звучала,
На веках была – поталь.

Мир на поэтической иголочке,
Твоей иголочке.
Крохотен говор ниточки!
Отрезал – бесчеловечно!

Я буду голосом рвать —
Капельки амброзии на хлеб,
Хлебом помазать голос.
Кукольный голос растрогать.

3

Клавесин прилёт отдохнуть.
Я вижу потресканную ладонь,
Иголки выронил пастух —
Спит на сеновале.
Я иголки магнитом в сене ищу.
Иголки делают магнит острым,
Словно примагничивается скот
Замолчавшего пастуха-подростка.

4

Пастуха заставили замолчать!
Скотокрад тих, коварен —
Платье выбрал в цвет полей,
Слова подобрал к тишине!

У скотокрада

эта улыбка актёрская,
будто отсутствие ветра!

Эти навыки всё говорить,
точно бляение в стаде!
Траву заменит овечьей шерстью,
Рёв подтасует
со словом сдавленным.

Звериная речь

в неясном молчании
украденных полей.

Воздух-горло красное, трава — багровая,
В кольцевой немоте бегают ребёнок,
Чьи щёчки убаюкиванием

нужно рядить,

Щёчья одежда ритмична и звучна,
Пением раздевать щёки.

Под одеждой — не выросшая кость,
Держу в руке эту косточку и не понимаю,
Обо что и как бить,

чтобы мелодию издала.

Музыка будто просится замолчать...

Мой голос почему-то истончается,
Соединяется с неясным ветром,
Я вижу что-то в надвигающемся полусвете.

5

*«...Кабы я со своим делом лез, ну тогда
был бы я виноват. А то я для общей
пользы...»*

Кулигин, «Гроза». А.Н. Островский

Ноосфера зиждется в полусвете,
Когда непонятно, зачем люди уснули.
Ноосфера держит секунды
Почти сомкнувшихся век,
Она не даёт уснуть зерну.

Зерно начинает расти быстрее,
Вспоминают прошлую жизнь цветы,
Беззвучным
ветром говорит неукротимый зверь,
Но пастух изобрёл ветряки,
Чтобы выловить энергию разумов.

Пастух следит за тем,
Как Ноосферой

информация держима,
Как кровотоку обязан орган,
Точно душа, мозгом подневольна.

Но пастух целуется с Ноосферой,
Запоминает губы вольных разумов,
Чтобы людскими эти разумы остались,
Будто Кулигин
не смог от страха уснуть.

6

Спокойная река, туман,
одиноким челнок.
У меня к бесцветной реке должок.
Я молчу как должник
перед должником.

В зеркале беззвучном
речном вижу — Ноосфера
Впитывает пот земляной.
Испарина земная
Ноосферой движима,

Когда смотрю на свой мокрый лоб.
 В зеркале я — здоров и силён,
 В зеркале плавает мой лексема-зрачок,
 Ищет оттенки
     в бесцветном значении
 По своей воле!
 Как кровотоку обязан орган,
 Как нагое слово и чумное слово
 В замолчавшем Оране.

7

Разумов ветры —
     немые ветры —
                 звёздные дети,
 Движение, беззвучной памяти хорал.
 Разумов ветры разносят созвездия,
 В Ноосфере новый человек зачат,
 Как мяч
     похож этот, новый, на купол,

Я ищу свой детский рупор.
 Словно я гортань атрофированная,
 Словно сказочно
 юный.
 Мои воспоминания
     уходят от меня,
 Теперь я — пастух,
 Жестами зовёт меня скотокрад...

8

Речь моя точно клише многокупольное,
 Тишиной ураган сдирает золото,
 Деревянные купола словно куколки,
 Не хочу в них играть — разодраны.

Небо облаками окутано,
 Небесные зубы выпали —
 На меня летят.
 Град слишком слабый, укутанный,
 Я выпавшие зубы решил собирать.

Колесница мне разонравилась,
 Солнце не режет глаза,
 Режется Евросима несказанная,
 Но будто нечего сказать.

Стоит посреди человеконебия,
 Словно упавший поспать,
 В балахоне ментальном,
     с глазами закрытыми,
 Заболевший
     ветряной чумой скотокрад.

9

Иная речь

*...Зашелестит вокруг листва,
 Или пчела прильнёт к могиле.
 И ты услышишь те слова,
 Которых мы не проходили.*
 Алексей Решетов

*...Рыбак держал
     железный замок на плечах,
 Рыбы в каменных доспехах
     бросали в стены шлема...*

Я бросал в костёр скалистую чешую,
 Я разжёл в истории клише-дракона...

Поэзия погибла в рыболовный вечер.
 Улыбалась девушка в чёрной реке,
 В чёрном она повседневно ходит,
 Голая девочка — незримые деревья в воде,

Эта девушка — поэтесса,
 Она крадёт беззащитных овец
 (Она скотокрад),
 И много юношей толпились у поэзии,
 Как давно эти пастухи не чистили зубы,
 Пытаются чистить слова...

10

Бревно в глазу — теперь на берегу.
 Уральский песок через сито —
 Мёртвость географии,
     низвергаемые горы...
 Распишись на приливной горной щеке —
 Дать Уральскому морю.
 Плати оставленному морем
     лошадиному черепу,
 В ладоши возьми,
     ощути останки, звон копыт в голове.
 Головные облака как скакуны тёмные,

Дмитрий Игнатов

Когда он вернулся

Недавно поймала себя на мысли... С тех пор как он вернулся, я всё время стараюсь вспомнить — каким он был раньше. Пытаюсь уловить неощутимую разницу. Цвет волос, глаз, запах, щетина на щеках, суховатая кожа на пальцах — всё это никуда не делось. Все наши общие привычки, слова, воспоминания, шутки — на месте. Вот только улыбка куда-то исчезла. Её место заняла другая эмоция. Но не грусть... Что-то иное.

Он вернулся ночью. Я уже не находила себе места. Задержаться на работе было обычным делом. Но каждый раз он успевал предупредить меня — звонком, сообщением в чате, голосовушкой... И потом незримо присутствовал онлайн. Забавно. Зелёный кружок возле аватарки горит — значит, всё в порядке. Только теперь я понимаю, как всё это глупо.

Прошёл час, другой... Сообщений не было. Несколько раз я порывалась написать сама, но останавливалась. Возможно, какое-то совещание с его назойливыми директорами. Это такие люди, для которых в принципе не существует понятия конца рабочего дня или выходного. Они живут на работе и хотят, чтобы все остальные делали точно так же. А скорее всего — даже не понимают, что может быть по-другому.

В любом случае, когда я уже начала серьёзно волноваться и решила написать, то вдруг обнаружила — связи нет вовсе. Ни интернет, ни мобильная сеть не работали. Все мои чаты и каналы затихли. В мессенджерах бесцельно вращалась иконка соединения. Наверное, какой-то глобальный сбой... Авария. Так я решила успокоиться, но чувство тревоги только усиливалось. В голове беспрестанно

крутилась мысль — что-то случилось... Что-то случилось... Что-то случилось... А когда я выглянула в окно, то даже проговорила это вслух. Несмотря на поздний час, в небе ещё виднелось какое-то необычно яркое свечение. Дома и деревья на противоположной стороне, выезд со двора, детская площадка — затянуты паробразной дымкой, какая обычно образуется при внезапной оттепели. Вот только никакой оттепели и в помине не было. С серого, чуть мерцающего неба сыпал снег. Скрывал следы людей и машин, покрывая их белым саваном. Чтобы кроме этой ровной белизны ничего не осталось. И никого...

Звонок домофона, хриплый и сдавленный, словно прорвавшийся через помехи, заставил меня облегчённо выдохнуть. Ничего не спрашивая, я нажала кнопку и взялась открывать дверь. Через минуту на пороге стоял он. В одном только офисном костюме. Без тёплых вещей. Весь покрытый снегом.

— Что случилось? Где ты был?

— Просто... шёл.

— Шёл?! А что с машиной? И где твоё пальто? — вопросы сыпались из меня один за другим, но он, никак не реагируя, молча проковылял в комнату и сел на диван. В его походке было нечто странное. Очевидно, каждое движение давалось с большим трудом.

— Боже мой... Какая я дура! Ты же валишь с ног... Ложись. Отдыхай. Завтра всё расскажешь.

Я настойчиво привалила его головой на подушку и принялась стягивать с него туфли. Предназначавшиеся исключительно для кабинета или салона авто, сейчас они совершенно задубели от мороза.

— Я не устал...— ответил он, не сопротивляясь моим действиям и укладываясь на диване, как есть, в одежде. Машинально я потрогала его лоб, предполагая, что тот должен быть горячим, но ощутила только ледяной холод.

— Да ты весь продрог! Сейчас! Подожди...

Я торопливо достала из шкафа старое тёплое одеяло, наполнила грелку и, применив всё это к своему пациенту, села рядом.

— И не спорь со мной. Тебе надо отдохнуть.

Он, впрочем, и не думал спорить, а неподвижно лежал под одеялом и, не моргая, смотрел в потолок, на подрагивающий желтоватый свет. Вскоре и я уснула прямо в кресле.

Очнувшись, я сначала не поняла, рассвело на улице или нет. Всё то же марево и желтоватое свечение в небе. Диван опустел. Только примятая подушка на подлокотнике и одеяло, откинутае на спинку. Я посмотрела на часы, поднялась, чтобы пошире раздёрнуть шторы, и вскрикнула от неожиданности.

Он лежал на полу, прямо под окном, свернувшись калачиком и притулившись спиной к батарее. Абсолютно неподвижно и с открытыми глазами, уставившимися в пустой сумрак комнаты.

— Господи! Что с тобой? Тебе плохо? — я снова прикоснулась рукой к его голове и снова ощутила необычный холод.

— Нет. Мне хорошо, — его голос звучал очень спокойно, но отстранённо.

— Думаю, всё-таки стоит сходить в аптеку...— вслух рассудила я, хотя не была уверена, какое именно лекарство следует покупать.

— Нет-нет. Не надо, — резко поднявшись, он пристально посмотрел на меня. — Ничего уже не нужно. И тебе... там может быть опасно...

— Опасно? Что за глупости?

Он схватил меня за руку, словно желая удержать силой.

— Они не хотят причинить вред. Они вообще ничего не хотят. Просто испуганы, как звери... Или как дети.

— Кто они-то?

— Такие как я... Восставшие.

То ли от его ледяных пальцев, то ли от его слов я вся покрылась мурашками.

— Кто?

Он уставился на меня, на мгновение этот взгляд сделался почти обычным.

— Неужели ты ещё не поняла? Глупо отрицать этот факт. Я умер.

Поражённая не столько ответом, сколько лёгкостью, с которой тот был сказан, я только молча смотрела и моргала глазами. А потом, не найдя ничего умнее, предложила:

— Может, пойду и сделаю нам чаю?

Он кивнул. Кажется, поняв, что теперь я точно никуда не пойду, он сразу успокоился и опять стал отрешённым и меланхоличным, а его взгляд — умиротворённым и пустым.

С этим же видом он долго мешал сахар в кружке, потом долго и медленно пил, рассматривая узор на кухонной клеёнке.

— Почему всё так произошло? — наконец не выдержала я.

— Не знаю, — пожал он плечами, но ответил так быстро и непринуждённо, будто ожидал вопроса или просто думал о том же самом. — Там снаружи что-то случилось. Что-то изменилось... В воздухе. Я проснулся и почувствовал, что какая-то сила заставляет меня подняться. Поднялся... И пришёл.

— Я не об этом... Почему ты умер?

На этот раз он задумался.

— Не помнишь? — подогнала я.

— Нет. Помню, — голос наполнился тоской. — Я устал жить. Остановил машину. Вышел из неё. Лёг в снег. И уснул.

Я смотрела на него с искренним непониманием.

— Но почему? Должна же быть какая-то причина? Ведь у тебя всё есть... Квартира, машина, работа...

— Да. У всего должна быть причина. Но в какой-то момент я понял, что у меня нет никаких причин. Нет причин идти на работу. Нет причин уходить с неё. Нет причин засыпать. Нет причин просыпаться. У человека должна быть цель, иначе... Нет никакой разницы. Он превращается в ничто. Поэтому меня ничего не держало.

— Ничего... И я тоже?

Он взглянул на меня, как будто извиняясь.

— Ну я ведь пришёл...

Привыкнуть к мысли, что человек, которого я знала долгие годы, теперь мёртв, было непросто. Внешне он совсем не изменился, не проявив никаких пугающих меня признаков разложения. По всей видимости, в мире и правда происходило нечто необычное. Телефон и интернет всё так же не восстановились. За окном мерцала желтоватая дымка. Иногда откуда-то — то ли с улицы, то ли из-за стен — доносились крики и стоны. Такое

не могло не пугать, но он оставался равнодушен и, глядя на его спокойствие, я тоже успокаивалась.

Посетовав на путаницу в воспоминаниях, он, тем не менее, быстро нашёл свою домашнюю одежду, переоделся, устроил себе место возле батареи отопления и уселся читать книгу. Странное занятие. Не только из-за его теперешнего состояния, но и потому, что раньше он никогда не читал. По крайней мере, так увлечённо и целенаправленно.

— Не пойдёшь завтра в офис? — задала я дежурный вопрос, оказавшийся глупым.

— Нет. Я не для этого умирал, — резонно ответил он, не отрываясь от страниц.

— Логично. Вряд ли мёртвым это нужно... Ты говорил, что снаружи опасно. Но мне-то ведь будет нужно уйти... И потом, я не знаю, можно ли тебя оставить одного...

— Меня можно оставить одного. Я мёртвый, а не маленький, — он отложил книгу. — Но тебе пока не стоит никуда ходить. Там всё меняется. Дай всему устаканиться...

— Всё меняется?

— Большинство людей, которые когда-либо жили — уже мертвы. Думаешь, мир, где они воскреснут, сможет быть прежним?

— А их... много?

— Много. И с каждым днём будет больше. Примерно в две целые и семь десятых раза каждые сутки. Как говорят...

— Кто говорит? О чём ты вообще? Мы тут в полной изоляции... Ничего же не работает! — возмутилась я, демонстративно помахав смартфоном.

— Они говорят. Мёртвые голоса. Ты не слышишь? Ты не слышишь... Тут всё наполнено ими. Я стараюсь отвлечься книжкой...

В полумраке нашей квартиры в практически абсолютной тишине его объяснения казались каким-то бессвязным бредом сумасшедшего, но я всё же уточнила:

— И о чём они говорят?

— О разном... Ищут родственников. Стонут и жалуются на боль. Философствуют про какую-то заумную ерунду... Как интернет-чат. Болтают и болтают. Голова пухнет.

С недовольным видом он снова взял книгу, намреваясь продолжить чтение.

По пустой улице быстро пронеслась автомашина с сиреной. Из-за занавески я увидела удаляющиеся мигалки полицейского броневика. Через какое-то время послышались отдалённые звуки стрельбы. Похоже, снаружи действительно было не очень безопасно. Всё ошутимее переживая информационный голод без сетевого общения, я включила музыку на ноутбуке и принялась мыть посуду, тихонько поглядывая на когда-то близкого мне человека.

Раньше его нельзя было оторвать от айфона. Переписка, нескончаемое листание ленты постов, периодические смешки на комменты и мемы... Как необычно видеть его теперь неторопливо перелистывающим страницы. Возможно, из-за своих постоянных загробных голосов мёртвые меньше любят общаться друг с другом. А может, кто понял жизнь, тот не спешит?

Мерцающий свет в небе стал постепенно ослабевать. Желтоватая дымка уже не скрывала фасады соседних домов, а только густо стелилась по земле. Все звуки на улице пропали. Окна напротив зажглись в потёках разноцветными тёплыми огнями. Наступала почти нормальная, тихая ночь.

Страх от осознания, что я нахожусь в одной квартире с мёртвым телом, неоднократно сменялся скепсисом. Да, он совершенно холодный и вёл себя странно. Уже вторые сутки ничего не ел. Только пил горячее и сидел у батареи. Но разве этого достаточно? Возможно, это просто какая-то болезнь. Психическая. Нервный срыв или вроде того... Хорошо, что он не агрессивен. С наступлением вечера он перебрался на разложенный диван, улёгся вдоль него с открытыми глазами и так и лежал неподвижно.

Набравшись решимости, я подошла, села на кровать и осторожно легла рядом, с той стороны, где спала обычно, и стала внимательно наблюдать. Ни один мускул не двигался на его лице. Грудная клетка не вздымалась от каждого вдоха. Глаза замерли.

— Ты правда умер? — с трудом выдавила я из себя, борясь с образовавшимся в горле комом. — Может, всё не так плохо?

— Правда, — ответил он, почти не шевеля губами.

— Не может быть...

— Всё ещё не смирилась с этой мыслью? — в его словах послышалась насмешка. — Если тебе так будет проще, я могу почаще моргать. Забываю это делать.

В каком-то отчаянном порыве я откинула край одеяла и прижалась ухом к его груди, сиюсья расслышать сердцебиение. Нет. Сердцебиения у него не было. Но сам-то он был. Вот же он... Смотрит. Говорит...

— Убедилась? — знакомый голос прозвучал из загробного полумрака, заставив меня отпрянуть от испуга.

— Но это невозможно! Зачем? Всё так бессмысленно! — воскликнула я, стараясь не заплакать.

Он повернул ко мне голову.

— А разве много кто ищет смысл, пока живёт? Или хотя бы задумывается о нём?

— Не знаю... Наверное, нет. А ты?

— А у меня теперь нет другого выхода... Умереть можно только раз. Ничего не осталось. Только думать и искать смысл.

Возникла долгая пауза, прерываемая лишь редким механическим движением его век.

— Считаешь, оно того стоило? — спросила я, когда молчание сделалось невыносимым.

— Но ведь зачем-то же нас всех подняли... Может, именно для того, чтобы мы задумались? Если так... То оно того стоило.

Переборов брезгливость, я вдруг прижалась к его губам и поцеловала, ощутив холодную и суховатую плоть. А потом, вновь устроившись щекой на бездыханной груди, прошептала.

— Я всё равно люблю тебя... Понимаешь?

— Да.

— А что чувствуешь ты?

— Тепло. И свет. Ты не видишь, но тут всё время ослепительно светло. Даже сейчас. И твоя слезинка тоже светится, — холодным пальцем он смахнул каплю, зависшую у меня на реснице. Я невольно улыбнулась. Как он может видеть в кромешной тьме?

— И твоя улыбка тоже светится, — добавил он.

- Ты точно больше никуда не уйдёшь? –
зачем-то задала вопрос я.
- Нет.
- Тогда давай спать.
- Мне теперь незачем спать. Но я хочу
спать. Так что давай спать, – согласился он
- и нежно положил руку мне на голову, как по-
ступал прежде много раз. – Завтра мы можем
пойти в парк и поиграть в снежки.
- Но мы ведь не делали этого, когда ты...
был жив.
- Именно поэтому.

Катерина Гашева

Рыба-кит с красными глазами и белой чешуёй

***

Жар Шиллера не согревает Гумилёва.
Буржуйка не справляется. Зима. Ледяной ветер.
На странице Мария Стюарт говорит что-то неслышное
и сгорает дочиста оранжево-белой плазмой.

Гумилёв ковыряет свет кочергой, греет руки.
Проклинает книги — не дают тепла, куда им до дров.
Холодно, мерде! Собаки воют. И Россия.
Да. Россия.

У Мандельштама зуб на зуб... У Чуковского —
бессонница и Уитмен.
Замятин набрасывает дворницкий тулуп
поверх английского пиджака
и идёт за торфом.

А над всем этим смотрят медведицы.
Смотрят, как
на небе и на земле маленькая оборванка
тащит в рот «красную звездочку».

***

Я слева, ты справа.
И этот коридор, где уже никогда не вкрутят лампочки.
Даже если бы лампочки умели вкручиваться сами, они бы не захотели здесь гореть.
— Ты не позвонила.
— Нет, звонила.
Я набирала Ремарку, Хемингуэю, Уильямсу, который — Теннесси, но у них постоянно занят телефон. Тебе — нет, не звонила.
— Жаль, что тебе не отвечают твои друзья.
— Ничего, они здесь, под боком. Дома. Только я забыла ключи.
Мимо нас по коридору протиснулась лампочка на тонких ножках.
Она торопилась уйти, но не успела.
Дорогу ей перегородил ботинок.

Чъреба (Цхинвал)

Листок, выпавший из книги «Слово о законе и благодати»

Сколько было птиц в то лето —
соловьи заливались,
не замолкали ни на минуту.
Сколько было роз в то лето —
алых, белых, с шипами и без,
ароматных и без запаха.
Сколько созрело черешни в то лето —
ягод, черных, как тучи во время грозы,
сладких как солнце.
Сколько было звёзд в то лето,
от серебристой пыли
щипало в носу, звенело в ушах.
Я загадывала желание,
мы все загадывали желание.

Пусть не ракета, пусть не ракета...
пусть...

День Победы

Соловьи умолкли.
 Зелёный, сиреневый, алый —
 большие, громадные фейерверки —
 грохочет салют у Скорбящей Матери.
 Она не смотрит,
 неподвижная, чёрная в своём горе.
 И толпа не видит её, задирает головы —
 зелёный, розовый, алый на лицах.

Девочка лет четырёх прыгает по газону.
 Весёленькие огоньки на кедах перемигиваются.
 Когда кончится фейерверк,
 она заберёт маму и папу домой,
 они пойдут мимо могил, мимо дамбы, мимо трамвая.
 И огоньки на кедах побегут с ней
 и с ними.

Только ошарашенные соловьи
 будут молчать ещё несколько часов,
 до четырёх утра нового десятого мая.

Отто Ран

*Стихотворение из неопубликованного романа
 «Кладбище для любимых»*

Когда Боги приходят,
 маленькие человечки умирают.
 Народами и стадами
 они сами прыгают в жерло
 и закрывают за собой шкафчики печек.

Только на посыпанной белым гравием
 дорожке Дахау
 одинокий музыкант с нелепой трубой и пересохшим горлом
 приветствует:
 Аве, Боги! Вы говорите по-немецки?
 Или мне перейти на божественный?

Поэт Решетов

Моей бабушке Наде поэт Решетов однажды принёс для меня в подарок Рыбу-кота
 с красными глазами, с белой чешуёй.
 Я сама не помнила, но верила, знала — игрушку принес поэт.

Мне потом часто снилось:
в ванной живет живая рыба, Рыба-кит.
Перебирает плавниками, говорит: «Давай, полетаем вместе?»
Мне кажется, есть, существует какая-то недопамять, недовоспоминание,
когда дедушка жив и бабушка счастлива. Когда приходит Решетов, смотрит на меня,
внимательно смотрит. Достает подарок.

И еще оттуда же...
Я-то знаю, этот стишок Решетов написал обо мне.
«Всю ночь за коммунальной стеной
Ребёнок плакал маленький, грудной...»
Это мама пожаловалась, что я плачу ночью не просыпаясь.
Днем веселая, а во сне рыдаю.
Мама волновалась тогда. Сейчас, наверное, повела бы к психологу.
А тут – пожаловалась поэту.
И получила диагноз-стишок, который кончался:
«А может быть, он плакал потому,
что снилась жизнь грядущая ему...»
Такое напутствие. Тяжелой ладонью погладил меня по голове
Алексей Леонидович.

***

Время похоже на Крокодила Гену –
Длинное и зеленоватое, как вода.
Время питается гематогеном,
Осенью и звуком поезда, уходящего в никуда.

Евгения Гордина

Большая клетчатая сумка

Муж захлопнул дверь купе изнутри, да так и встал спиной к Рае, почти уткнувшись лбом в матрас на верхней полке.

— Сейчас к нам придут, — буркнул не поворачиваясь. — Я с ними в тамбуре курил.

Зачем только Рая взяла его с собой! Хотели по Москве погулять, в театр сходить. Опять не получилось. А теперь он стоит к ней спиной и лицо у него, наверное, белое от стыда. Ей и самой все это при нем гораздо труднее. Только бы ничего не выкинул.

— Нормально всё, — с нажимом говорит она. И себе, и ему.

Всё нормально в том смысле, что происходит очень часто, почти постоянно. Но это ненормально — это каждый раз очень страшно.

— Они бухие? — вопрос задан простым, деловым тоном. Как бы вот, например, сколько стоит пачка мыла.

— Вроде трезвые. Пацаны совсем. Куртки напялили на десять размеров больше — как на швабрах болтаются.

— Это всё равно.

Это не совсем всё равно — юнцы склонны к эксцентричным эффектам, непредсказуемым, ненужным рывкам.

Рая достала деньги. Разделила их на две небольшие пачки. Одну положила под журнал на столе. Вторую в сумочку. Сумочку не застегнула: если первой порции им покажется мало, добавка должна быть тоже недалеко — в одно движение.

Всё нормально. Всё как обычно. И страшно как всегда. Только бы в туалет не приспичило.

Дверь купе лихо расстегивается.

— Привет, тётя. Как жизнь?

— Нормально.

— А чё нормально-то? Хорошо!

— Пожалуй, хорошо.

Нельзя смотреть в глаза. В эти их озорные разговорчики вступать не надо. У кого-то получается бойко с ними болтать. И от удовольствия побалагурить они берут меньше. А иногда и вовсе такой веселый пинг-понг переходит в совместную попойку с непременным «не мы такие — жизнь такая».

У Раи шутить не получается. Поэтому надо спокойно смотреть ниже лица, туда, где между воротом свитера и застежкой кожаной куртки поблескивает золотая цепочка. Парень артистично отрабатывает свой номер:

— Ну а раз у тебя всё хорошо, то пусть и других всё будет хорошо.

Тут надо успеть, чтобы были обозначены требования, но еще не названы конкретные суммы. Такса складывалась стихийно, как цена на стакан клубники в конце июня. Удача — угадать эту таксу и дать чуть меньше. Когда разница ничтожна, им лень затевать лишние раунды.

Однако и торопиться совать им свой пакетик нельзя. Слишком легкая победа — это неистраченный адреналин, несыгранный спектакль — может подтолкнуть их к большему, к неразумно, нерационально большему.

— И что? — Лариса произносит это ровно, без вызова. Вот что она хорошо умеет: соблюдать меру. Хозяева положения они, но слишком принижено себя вести тоже нельзя. Это может пробудить в них животное желание поглумиться. И женщине эту меру найти легче, чем мужчине. Наверное, поэтому с огромными клетчатыми баулами по вокзалам, аэропортам и автобусным станциями таскаются в основном женщины.

— Что-что, — нетерпеливо вылезает из-за плеча «старшего» второй паренек. Ему тоже хочется вернуть свое слово. — Наварчиком надо поделиться с хорошими людьми. Сделаешь хорошее дело, и торговля хорошо пойдет.

— Ну что ты мнёшь тити? Давай быстрее! — подхватывает старший; экспромт подмастерья ему понравился.

Всё, дальше тянуть нельзя. Рая достает из-под журнала пачку. Спокойно, не вставая, протягивает правой рукой стопочку купюр.

Взгляд на полсекунды подскакивает от шеи к лицу старшего. Ведь совсем мальчик, даже красивый. И вдруг он засмеялся. При других обстоятельствах можно было бы сказать: «добродушно засмеялся» или «заливисто засмеялся». Но сейчас уместнее — «затрясся от смеха, запрокинув взлохмаченную голову». Смех перешел в механическую трель, а голова стала увеличиваться в размерах и увеличивалась до тех пор, пока не закрыла собой весь проход в купе и не превратилась в огромный смартфон. От этого вагон завалился вперед и тоже стал трястись: пилим-пилим, пилим-пилим.

Смартфон вибрировал, подпрыгивал и орал: пилим-пилим, пилим-пилим. На светящемся экране написано «Вася квартирант». Где сон, где явь? Что снится: поваленный вагон или верещащий смартфон? Стоит только тронуть пальцем красный кружочек, и дикая трель прекращается, а черный пластиковый прямоугольник говорит человеческим голосом:

— Раиса Игоревна, я всю ночь не спал...

— Во-первых, здравствуй, Вася. — Нужно какое-то время, чтобы прийти в себя, окончательно понять, где настоящая реальность, вытереть мокрые ладошки.

— Да, здравствуйте! — голос у Васи раздраженный. — Духота невыносимая и днем, и ночью даже. Предлагаю так: мы поставим кондиционер в счет квартплаты.

— Вася, мы живем на Урале, — Раиса Игоревна специально говорит медленно, тянет время. Нужно взять нужный тон: мягкий, но твердый. Одновременно. — Таких жарких дней у нас за всё лето и неделя не наберется. — Она делает паузу, слушая как Вася сердито пыхтит. И за это время переводит себя из лежачего положения в сидячее. Накрывает плечи халатом. — Если вам нестерпимо, можете поставить «кондёр». Но почему это должно быть увязано с квартплатой, я не понимаю. Мы с мужем, например, спокойно обходимся вентилятором.

— А я был совершенно уверен, что вы пойдете нам навстречу. Квартира недешевая. Ну, съеду я — будете каждый месяц запускать новые студенческие парочки.

— Да, такого надежного и серьезного человека будет найти непросто.

— И?

— Будет непросто найти. Но ведь и вам не легко найти то, что надо. Теплая ли квартира, поймешь только в ноябре. — Лариса Игоревна меняет тон и говорит уже совсем мягко, прямо по-дружески. — Ну, Вася, ну жалко сто тыщ выкинуть ради двух дней.

Вася еще что-то бурчит и почти вежливо прощается.

Лариса Игоревна встала с дивана и надела домашние туфли, но тут же сбросила. Приятно стоять на прохладном кафельном полу. В самые жаркие ночи спали в гостиной на первом этаже. В спальне на мансарде никакой вентилятор не спасал. К тому же сегодня она спала одна, так что даже хлопот со складыванием-раскладыванием дивана не было. Муж уехал на целую неделю.

Прошлась босиком туда, потом сюда: ей очень нравилась эта мода, когда весь первый этаж оставался большим не разгороженным пространством. Дизайнер, который помогал им с обустройством коттеджа, у себя дома даже в туалет сделал стеклянную дверь. «Ну, это уже лишнее», — хмыкнула про себя Раиса Игоревна, заходя в ванную.

Душ, включенный на максимально возможный напор, не смывал, а прямо-таки сбивал с нее и отправлял в канализацию остаточный тремор от сновидения.

Прямо с намотанным на голову полотенцем Раиса Игоревна крутила педали на велотренажере. Вот ведь, Вася, ранняя пташка. Разбудил ее. Хотя от такого сна, может, и хорошо, что разбудил. Но в жутком этом сне было и нечто приятное. Она посмотрела на свои ладони, лежащие на ручках велотренажера. В том сне у нее гладенькие ладошки цвета молочного фарфора. В том сне она молодая.

Ну все, хватит лирики. Раиса Игоревна надела свободный льняной костюм. Чтобы чувствовать себя уверенно, надо спрятать в просторную одежду свои дородные, несмотря ни на какой велотренажер, формы. Перед выходом еще раз проверены все выключатели. Босые ноги с некоторым сожалением скользнули в мягкие сабо. В соломенной сум-

ке-шопере можно было бы поместить туфли, большую косметичку, фен и килограмм картошки. Но у Раисы Игоревны там только телефон и ежедневник. Всё — отправляемся в новый день.

Чтобы добраться до работы, нужно пару километров проехать по проселочной дороге, вывернуть на большую федеральную трассу и через пять минут снова съехать с нее на неухоженную нищую дорогу.

Дорога ведет в промзону с неясным статусом; дразги на тему, кто должен заниматься этими колдобинами и рытвинами, длится больше двадцати лет. Когда-то эта территория принадлежала заводу. Это был не просто завод, а предмет гордости промышленного края. А теперь просто бетонные корпуса, раздерганые на множество разных собственников, плюс ангары из профнастила. Всё в совокупности значилось на карте города под одним адресом, но десятками разных литер. Посреди этого шанхая возвышался огромный корпус, некогда производственный. Слово «возвышался» нисколько не преувеличение. Почти треть этого здания принадлежит Раисе Игоревне. Еще недавно она сама, точнее ее фирма, упаковывала на этих площадях стеклопакеты в рамы, и получались окна. Но уже пару лет как продала она фирму, оставив за собой только собственно помещения. И сдавала их в аренду новым хозяевам. Устала она от этого оконного бизнеса. Или разлюбила. Теперь ее личной территорией здесь был только кабинет с диваном и аквариумом.

Каждый день с понедельника по пятницу она приезжала сюда утром, и до обеда всегда находились какие-то дела. То юристы, то арендаторы, то коммунальные проблемы. Иногда, оставшись одна, она разглядывала в окно аляповатые вывески и суetyающиеся газели. Иногда строила планы. Хотелось заняться каким-то новым делом. Не обязательно большим, но обязательно красивым и интересным. За полчаса успевала она зажечься идеей, просчитать затраты, доходы, маркетинг и, вздохнув, отправить проект в утиль.

Сегодня она мечтала о студии дизайнерского стекла. Плюсы были очевидны: дело во многом похоже на то, чем она много лет

занималась. И кроме всего прочего, это очень красиво. Стоя у окна и смакуя подаренный кем-то диковинный кофе, она смаковала и эти воображаемые картины. Как много интересных людей может притянуться к такому делу. Но выплеснув в раковину кофейную гущу из чашки, она туда же выплеснула и этот проект.

Пора поторапливаться: через полчаса надо быть в центре города, а на выезде из этого шанхая можно и в пробку попасть.

Машина припаркована между двух столбиков из покрышек: это давно застолбленное ею место. В стекле заднего вида отражается часть этого большого, неряшливого здания. Как же она радовалась тогда, много лет назад, когда, собрав всё что можно и заняв, у кого только можно, ухнула всю себя в эти квадратные метры. А теперь этот кусок трупы бывшего завода ее тяготит. Уже несколько раз подумывала продать, но варианты пока не интересные.

На выезде пришлось остановиться, чтобы пропустить газель, груженную стеклянными окнами. Как-то кольнуло от того, что она уже не имеет к этому никакого отношения. Нелогично, но уж как есть.

По мере приближения к центру города настроение у Раисы Игоревны менялось к лучшему. За спиной остались и однопутная колея заводской железной дороги, и столет не штукатуренные шлакоблочные домики на окраине.

Машина катила по широким улицам, по обе стороны выростали стеклянные фасады торговых и офисных зданий, из них выходили ухоженные люди в хорошей обуви.

Совершив рискованный маневр, Раиса Игоревна вильнула в проезд между городским садом и новым жилым комплексом. Остановилась перед несурзным бизнес-центром. Затертый между городскими зданиями, он появился в результате строительной эквилибристики. Однако архитектор не был бездарностью: модернистский фасад как бы прикрывал затейливой красотой весь драматизм хаотичной застройки.

Сюда и торопилась Раиса Игоревна, на собрание собственников этого бизнес-центра.

Раз в месяц в кабинете управляющего собиралось человек пять-семь. Рассаживались вокруг длинного стола, похожего на модный подиум.

Кто-то владел маленьким клочком в пятнадцать метров; весь первый этаж принадлежал крупному по местным меркам бизнесмену. Этот человек редко приезжал на такие собрания сам, почти всегда его заменяли порученцы. Они менялись так часто, что не было никакого смысла с ними знакомиться. Раиса Игоревна в этой иерархии находилась посередине.

Повестка сегодня была будничная, рутинная. Необходимо поменять противопожарку: скидываемся, граждане, согласно метражу. Потом управляющий доложил по другим мелким хлопотам: долгоиграющая переписка с тепловыми сетями, хлопоты по отводу земли под парковку. В очередной раз подняли вопрос, не застраховать ли здание. И в очередной раз скандалист Стёпа не позволил вопросу даже перейти в фазу обсуждения. Вообще Стёпа обладал удивительной способностью перевести разговор «на три минуты» в словопрения на полтора часа.

С любого, самого ничтожнейшего места он мог начать свое выступление и довести его в конце концов до проблемы вселенского масштаба.

Все об этом знали, перед каждым собранием давали себе зарок не поддаваться на провокации, и каждый раз срывались. Все, кроме Раисы Игоревны. Когда диспут становился невыносимым, управляющий поднимал на нее глаза большого спаниеля, и Раиса Игоревна спокойно говорила:

— Стёпа, заткнись.

Как ни странно, Стёпа без возражений утихал. Сегодня он после собрания даже галантно открыл перед ней дверь. Хотя и сопроводил это замечанием: «И что это вы даже в жару одеваетесь во всё закрытое? Из-за веса, что ли, комплексуете?» Ответа не удостоился. Только взгляда.

На четыре часа Раиса Игоревна была записана на массаж. Всегда дела нужно планировать с запасом. Тогда никуда не опаздываешь, но, правда, образуются не всегда

удобные временные лакуны. Куда деть оставшийся час? Можно просто погулять, потаскаться по магазинам. Можно заехать купить вина, чтобы было что налить в бокалы, когда в выходные вернется муж.

Винный магазин был в двух шагах — можно пройти в тени лип городского сада. Проверила брелоком машину — всё нормально. Этот магазин открылся на следующий день после дефолта. И в первую неделю работы сделал оборот, который планировалось сделать за два месяца. Хозяйка, подруга Раисы, не знала, то ли радоваться выручке, то ли огорчаться из-за «ситуации вообще». С тех пор магазин очень изменился: из брутального алкомаркета превратился в винный бутик. Девушки, которые здесь работали, выглядели сдержанно и дорого. И только хозяйка, сохраняя верность стилю, ходила с вульгарным хвостом из длинных платиновых волос. С тех самых пор сохранялась интрига: родной у нее хвост или искусственный. Раиса Игоревна знала, но никому не говорила.

— Раечка, привет!

В одном городе живут, а видятся редко. Почему тогда давным-давно, когда ни времени, ни сил никаких не было, они все успевали? А теперь просто в гости друг к другу никак не соберутся. Уже и лето заканчивается, а они в этом году вот в первый раз видятся.

— Ты чего это сама торгуешь? — спросила Раиса Игоревна

— Да одна девчонка в отпуске, вторая заболела.

— Какая жара в этом году! — Раиса Игоревна встала на пути прохладного потока от кондиционера. — Узбеки говорят, у нас здесь такая мучительная жара, тяжелее переносится, чем у них.

— В Узбекистане не была, не знаю, а в Краснодаре летом жить невозможно; только под кустом лежать. Я ведь каждый сезон весь наш юг объезжаю, с маленькими винодельнями лучше личных контактов ничего нет. Так вот, когда в первый год поехала в июле, думала уму. Сейчас только в октябре.

— В октябре не искупаешься.

— Как повезет. Зато уже безлюдно. Я это люблю. Ну как мальчики?

Раиса Игоревна только раскрыла рот, чтобы подробно рассказать, до какой степени мальчики уже не мальчики. Но тут в магазин зашли двое мужчин, претендовавших на сугубое внимание.

Хозяйка магазина, распутив в стремительном полете длинный хвост, ринулась им навстречу. Мужики задумчиво кивали, придавленные сложностью выбора.

Раиса Игоревна взяла с привычного места бутылку красного полусладкого.

— Секундочку, — хозяйка кивнула многообещающим клиентам, белый хвост метнулся к кассе, чтобы провести оплату, и сразу обратно.

Уже в дверях Раиса Игоревна обернулась и сделала жест, означавший: «Ну пока, дорогая моя подруга», хотя та ее и не видела.

До SPA-салона тоже дошла пешком. Но под палящим солнцем надо было пересечь открытое жгучим лучам пространство. На жаре мягкие сабо все же стали натирать ступню, а кроме того, утонувшая в полупустом шопере бутылка была всё же литровая.

Не самый трудный день, прямо скажем, без нервов. А все-таки эти постоянные качели между жарой и кондиционированной прохладой выматывают уральского человека. Подъезжая к дому, Раиса Игоревна чувствовала усталость; хотя, может, половину этого ощущения создавала расслабленность после массажа. Не сразу справилась она с замком в калитке. И все поглядывала на дома вокруг. Они с мужем называли соседей справа и слева олигархами. Так получилось, что с обеих сторон на них смотрели затейливые строения размером с дом культуры. В таком окружении их дом хотелось назвать уютным домиком.

В одном из этих замков томилась Нюша. Как звали эту женщину на самом деле Раиса Игоревна не знала. Когда соседка через забор заговаривала с Раисой Игоревной, хозяин замка кричал «Нюша!», она подстреленной куропаткой неслась внутрь.

Сегодня Нюша не стала спускаться с балкона, только помахала рукой и крикнула:

— Жарко!

— Жарко.

Как приятно скинуть обувь и босыми ногами ступать по прохладной кафельной плитке. Можно ходить по дому в одном белье. Ведь никого нет. Раиса Игоревна плюхнулась на диван, включила сначала телевизор, затем вентилятор.

На экране разворачивались злоключения блондинки, которую играла модная актриса. Была она коротко стриженная, но при этом чем-то походила на хозяйку винного магазина. Тоже блондинку, хоть и с длинным хвостом. Когда в жизни экранной блондинки наступил очередной кризис, зазвонил телефон.

— Привет, дорогой... Да, все хорошо. А у тебя? Что Москва? Стоит? Как же это глупо, что мы с тобой за всю жизнь так и не съездили в Москву по-нормальному. Чтоб в Третьяковку сходить, в театр... Вдвоем... По скверам погулять.

Не отрывая телефона от уха, Раиса Игоревна взяла пластиковую леечку с отстоянной водой, обошла с ней оба этажа, давая напиток растениям. Их было много: больше десятка керамических горшков разного объема, кропотливо подобранные по форме, цвету и орнаменту так, чтобы слиться в оркестре, сохранив себя.

Мужу хотелось поговорить, да и правда новостей накопилось. На вопросы о себе отвечала коротко:

— Ты же знаешь, я без тебя плохо сплю. Наверное, это старость. Давай, я заберу тебя из аэропорта... Ну, на такси так на такси.

Когда Раиса Игоревна вернулась к телевизору, экранные страсти подошли к завершению. А спать она все не ложится и не ложится. Будто оттягивает. Попила чаю, разобрала вещи, скопившиеся на террасе с самой весны, еще попила чаю. Наконец заснула. На диване, укрывшись пледом.

На сегодняшнюю реальность наплыла реальность сна. Рая крепко вцепилась маленькими ладошками — кожа молочный фарфор — в ручки огромной клетчатой сумки. Надо карабкаться куда-то вверх по очень крутой и шаткой лестнице. Возле плеча, отставая на две ступени — голова с большим белым хвостом. Неудобно жить, когда волосы на макушке собраны в такое сооружение. Но, несмотря на все неудобства, хозяйка большого белого хвоста энергично карабкается по лестнице и тащит за собой огромную клетчатую сумку.

Нужно добраться до женского туалета. Сдерживаемые трогательным целомудрием парни в черных кожаных куртках не заходят в женский туалет. Когда до поезда пять-шесть часов, противно сидеть все это время в вокзальном туалете. Противно, но безопасно. Поэтому нужно, обязательно нужно до него добраться.

Сергей Имис

Где не музыка уже

В 2008 году меня избрали председателем пермского отделения СРП, и я стал подробно знакомиться с пермскими членами союза. Одни мне были знакомы по своему творчеству, другие – по литературным тусовкам. Но один – Сергей Андрейчиков – был мне вообще никак не знаком. Когда я стал приглашать его на литературные мероприятия, и мы познакомились лично, он раскрылся как очень интересный и обаятельный человек. Мы много разговаривали с ним о дизайне, бизнесе, политике, просто об отношениях между людьми. Не говорили только о литературе. И мне стало казаться, что литературное творчество Сергея осталось в прошлом, в 1990-х, когда его и приняли в союз.

Но недавно Сергей удивил меня, начав присылать в редакцию свои новые тексты. Сначала были отличные стихи, потом – не менее хорошая, интересная и глубокая малая проза. И хотя мы стараемся не публиковать одного автора дважды подряд, на этот раз не могли пренебречь столь интересными вещами и для Сергея сделали исключение. И мы, конечно же, ждали от него новых текстов.

И вот сегодня я услышал по телефону его фамилию – и опять поражён. Внезапная смерть бодрого, жизнерадостного человека, переживающего свой культурный ренессанс. Как? Почему? Как будто бы у жизни есть на это какие-то ответы.

Предлагаем читателю последние стихи Сергея Андрейчикова (Имиса). Такая же хорошая поэзия, каким и был человек, её создавший.

Павел Чечёткин

Симфония

Как на шёлковой, на нитке
 Всё подвешено у Шнитке —
 На границе, на меже,
 Где не музыка уже.
 Дом обрушился стеклянный,
 Деревянный, оловянный.
 В груди битого стекла
 Кровь последняя стекла.
 Медные звенели трубы,
 Э-о-э-о — пели губы.
 Треснул арфы позвоночник,
 Великан звонит в звоночек.
 И невинна, и проста
 Тема скрипки и альтя.
 А ударные как вступят
 И забухают, как в ступе,
 И литаврой громыхнут —
 Растволкуют, растолкут.
 Глотки золотом залили,
 Голос ангела забили.
 Но сквозь гаденький вальсок —
 Флейты детский голосок.
 Ну и снова, как с листа,
 Тема скрипки и альтя.
 Ни двора и ни кола,
 А вдали — колокола...

***

Солнце сегодня сыграло в жмурки.
 Пережившие зиму пищат синицы,
 Чумазые воробьи клюют окурки,
 А зима испачкала все страницы.
 Исписалась старуха, выжила из ума,
 Раскидала повсюду свои тетради.
 И весна сочиняет вовсю сама —
 Ради синего неба и листьев ради.

***

Как ни качайся на весах,
 Но нет иной надежды —
 Лишь крест, горящий в небесах,
 И край Его одежды...

***

Мои в России якоря —
 Пожизненная рента с букваря,
 Природы царское наследство,
 Любви и дружбы векселя,
 Мною не оплаченные с детства.

В деревне

Так правоверный горожанин
 В холодной нежности полей
 Становится чуть-чуть смелей,
 Пока никем не уважаем.
 Себе он ищет лёгкий труд,
 Деревню понимая просто —
 Как путь от церкви до погоста,
 И удочку несёт на пруд.
 И часто поминает чёрта,
 Не находя в смартфоне сеть.
 От гнева мог бы умереть,
 Раб унитазы и комфорта.
 Но что-то происходит с ним —
 Переколол дрова старухам,
 Дворняга облизала ухо
 И назвала его родным.
 И вот — куда исчезли нервы?
 А небо! Как в груди поёт!
 И эта синь к себе зовёт!
 И он здороваётся первым.

Сергей Сигерсон

Космонавтов очень жалко

О культуре Дмитрия Долматова

Предупреждение

Появление первых абзацев данного текста на моей странице «ВКонтакте» вызвало такую волну непонимающего возмущения, что почти выплеснуло ребёнка основной мысли. Даже некоторые люди из ближайшего окружения, высоко оценив стиль изложения с направлением сюжета, не одобрили сам факт подобного заявления. Потому для думающих читателей, которые намерены продолжить чтение, хочу ещё раз подчеркнуть главное. Поступили недоумевающие реакции, вроде того, что я отрицаю Митин талант. Я ЕГО НЕ ОТРИЦАЮ. Более того, какое-то время надеялся на его присоединение к нашей арт-коммуне ОДЕКАЛ, куда без талантов не берут. Митя ИНТЕРЕСНЫЙ ЧЕЛОВЕК, ХОРОШИЙ ПОЭТ. Грозил вырасти в отличного. Просто он не единственный. И даже не лучший.

1.

Вдруг чётко понял, чем меня так раздражает вспыхнувший в последнее время культ личности Мити Долматова. Он делается по уже оправдавшему себя, а оттого особо ненавистному рецепту. Нечто объявляется типичным выражением явления, затем — самым лучшим, в итоге полностью заменяя. Так Есениным подменили имажинизм, Блоком — символизм, Маяковским — футуризм, Поплавским — русский Монпарнас, и т.д., и т.п. Хотя это даже не лучшие (по факту)

представители данных явлений. Но так проще для ленивых умов. Про Митю тоже уже пишут как о самом ярком представителе поколения, весьма выделяющемся на сером фоне прочих (вторая стадия культа личности). Намечается и третья стадия: «С его уходом в искусстве Перми завершилась карнавальная позднесоветская эпоха».

Если брать навскидку, даже в годы непосредственно после не совсем понятного события с комаровской электричкой, лишившей юного поэта земной оболочки, то в Перми весьма заметно чуют, удивляя себя и окружающих (отнюдь не блеклую массу) «Орден руркаманов», «Орден гробоплясов», Общество Развивающихся Отклонений, Общество Постмодернистов Пастих, «Мавзолей де Сада», «Пеликан Принял Люминал», «Нехудожники», «Салон Зинаиды Хиппиус», «Отель Имажинизма», «Штырлыки», «Освободители Баранов», «Сучьи Лапки»... Это только из моего близкого круга. У всех сильны элементы театрализации, абсурдности, перформативности.

Да и при долматовской жизни он не был ярким пятном вишнёвого варенья на сером платье современного искусства. Уличная мода неформальной молодёжи на стыке 1980–90-х отличалась невиданной ныне пестротой. Красноармейские шинели с женскими лосинами, рубахи-размахайки с десантными ботами, октябрятские значки в количестве на драной панковской кожаной куртке (это мой вариант) — тогда совсем не редкость. Правда, за весёлые рисунки краской на лице или висящий на шее ботиночный шнурок с большим болтом мне приходилось огрызаться от гопоты, особенно на городских окраинах. И у Горьковского сада в центре случались битвы немалые, и в Закамске, и на Кислотных Дачах.

Короче, жизнь бурлила и без романтического сына газетноподданного фотографа. Который из-за своей нелепой смерти так и остался кандидатом в ОДЕКАЛ, в отличие от своих ближайших сотоварищей. Поэты Сергей Стаканов с Антоном Колобяниным самопровозгласили себя участниками данной арт-коммуны, принимали в неё новых членов из тусовки (один из новообращённых адептов предлагал тогда на полном серьёзе коренным одекаловцам принять их в группу). Евгений Чичерин, Сергей Четверухин, Игорь Герц объявляли себя (как и Митя) участниками придуманного одекаловцами движения мальцов (позже поглощённого более известными митьками), участвовали в наших акциях вроде росписи общежития. Реально присоединился к ОДЕКАЛУ самый талантливый, многообразный, яркий участник данной дружеской компании. Нет, не Долматов. Говорю про Васю Шмайсера, он же Сергей Аксёнов, Лука Акул, Декаданс, Адреналин, Джихад, т.п. И по количеству, и по качеству, и по разнообразию творчества в разных видах Шмайсер намного превосходил своего друга, который объявляется ныне единственным достойным представителем поколения. Шмайсеровские скачки от образного сюрреализма до индустриального концептуализма, с заходами в панк-сквоты и монастырь на Белой горе — не чета Митиным метаниям. А загадочное исчезновение этого персонажа ещё более загадочно, чем долматовское. Никто до сих пор толком не знает, куда он делся.

Раньше в одекаловских акциях участвовали, например, Андрей Гарсия, Толик Бояршин, Лёша Хорошев, Хрен Тихонников, прочие, теперь — их повзрослевшие дети. Стоит глянуть сделанную Семёном Сосниным видеонарезку акции у пампушки на сибуле (памятника Пушкину на Сибирской улице) 2021 года: дуэль Пушкина с Лермонтовым, цыганские гадания под нойз-музыку, демонические коляски, концептуальные лекции, прыжки длинноногих девушек через тело классика литературы, раскрашивание достоевских трупов, конкурс на самого курчавого, прочие мелочи, чтоб усомниться в том, что «завершилась карнавальная позднесоветская эпоха».

2.

Тем, кто уверяет нас, что после смерти Мити Долматова карнавала не будет, заявляем: был, есть и будет! Назло всем и заодно с Митиным духом. Карнавальность культуре свойственна с самого начала как первопричина. Никакие высокодуховные завывания, метаметаметамут-

ные образы без глубины резкости, берёзовые страдания на завалинке, бульканья в ретортах формализма, символистские духи да туманы, соцартовские удары ломом в глаз, дудения в этнические пустоты, концептуалистские подмены искусства его описью не способны заглушить звонкий арлекинский хохот. Всегда найдутся те, кому он будет интересен (хотя бы на время).

Так появилась маска Тимы Томаткина на долматовском поэтическом лице. Так замелькали для него репетиции филологического театра «Отражение». Так состоялось вливание в митьковскую тельняшную волну, несущую с питерских берегов оздоровительный ветер нового народного искусства. Именно митьки поглотили в итоге и пермских мальцов, и ебуржских картинников, и московских ёжиков, и многие другие локальные компании с похожей художественной практикой да имиджем.

3.

Мы дружили. Не то чтоб сильно, но постоянно пересекаясь. От выставок с футуристами до страниц легендарной детской газеты «Фенька», от мастерских «нехудожников» до поэзочтений на свежем воздухе. Как уже сказано, с его ближайшими товарищами дружили (и до сих пор) намного крепче. Главным Митиным недостатком для ничевсёков было как раз то, что многие считали его достоинством — слишком большую зависимость от предыдущего поколения с их иерархией ценностей. Неисправимо глубокое погружение в мир, нам уже не актуальный.

Мы и сейчас так живём. Стараемся, во всяком случае, не превратиться в приложение к гипермаркетам. Каждый день чего-то придумываем, сочиняем, фантазируем. Летящей походкой двигаясь по утрам к месту нынешней работы — в своём чёрном анархистском берете, тёмных очках, чёрной псевдокожанке, в компании с ярко-красными перчатками да таким же шарфом — краем уха время от времени снимаю пену впечатлений прохожих мимо. Улов разнообразен — от обзывания десанником до припоминания парижских художников. А раньше все мы даже внешне выглядели ярче, дичее, эклектичнее. Потому страницы долматовских друзей-мемуаристов про то, какое убожество царило вокруг объекта их страсти, по меньшей мере недостоверны. Если только эти воспоминатели вообще не смотрели ни на что, кроме.

4.

Расскажу свою историю. Как и все одекалоны сотоварищи, всегда более склонялся к Питеру, Москва интересовала значительно меньше. Одно время жил над Невой. Думал, что получится насовсем. Обитал в знаменитом сквоте на Пушкина, 10, где моим сталкером-хозяином был Борис Понизовский, а соседями — Олег Григорьев, Савелий Низовский, Юрий Шевчук, другие местные легенды. Ходил в гости к не менее легендарным персонажам, в рок-клубе на Рубинштейна беседовал о панке с Алексом Оголтелым, например, во Дворце Молодёжи наблюдал курёхинские сейшены с американскими фри-джазменами, и т.п.

Несколько раз, желая договориться о встрече с питерцами, сталкивался у телефонной будки возле сквота с митьками, невольно слушал в ожидании, как они звонили на какую-то дачу, тоже собираясь в гости. Сочиняемые в таком настрое стихи сложились у меня в машинописную книжку, названную «лжедимитриеви гириги». Дело в том, что я получил альманах «Черновик» из Нью-Йорка, где мои строки поместили почему-то под именем Дмитрия. Так я стал Лжедимитрием.

Когда к Новому году решил вернуться в Придуралье, стал подумывать, что неплохо бы обновить наши ряды. Из всей околоодекаловской публики наиболее подходящим показался Дмитрий Долматов, стремительнодвигающийся в нужную сторону. С этими мыслями и вернулся,

и беседовал с друзьями, и узнал, что объект сейчас где-то в Питере пропадает на пару с Чичей (псевдо-Махно). Позже пришли смутные известия о пропаже, затем — вероятной кончине. Ещё позже смерть поэта стала фактом. Возвращался он в город с комаровской дачи, на которую тогда звонили митьки, как выяснилось. У них же еле выживший Чича потом приходил в себя. Тут «лжедимитриевы гириги» обрели для меня второй смысл: я должен теперь писать за себя и за того парня. Пополнения пока не будет. Когда рассказывал эту историю Виталию Кальпиди, он хмыкнул, что тогда я был рядом с Долматовым, который находился на другом конце митьковского телефонного звонка.

Кальпиди как раз и запустил «телегу» про Митину исключительность, сам успешно толкнув её с горки только что выпущенной книжкой, специальными мемориальными вечерами, серией интервью. Несмотря на вспомогательный артобстрел из многих орудий, включая антологии, дипломные работы, разрозненные публикации, миф не зажил своей жизнью. Не помог и номер журнала «Вещь» через длительный промежуток. Хотя обстановка понемногу начала меняться. Как заметил одекаловский архивариус Семён Соснин: «Дело не в жизни Димы, а в его смерти. После которой всё решительно и необратимо изменилось. Типа общее (советское) детство закончилось. Факт малозаметный, но крайне значительный».

К тому времени в сознании тех немногих, кто вообще интересуется поэзией в данном смысловом поле, осела матрица из книги добросовестного филолога Анны Сидякиной «Маргиналы». Книжка хорошая, подробная, красивая. Добросовестности хватило на тщательное собрание, описание, анализирование всей доступной информации про кальпидиевскую университетскую компанию. Труд похвальный, если не считать одного нюанса. Компания открытым текстом объявлялась единственными поэтическими силами данной местности (не только университета, но и города вообще), существование всех остальных настойчиво отрицалось. Несмотря на попытки вспомнить (Вячеслав Раков, например, и одекалонов там припоминал). Затем чудеса трансформации продолжились. В итоге Кальпиди стал как бы олицетворять собою всю здешнюю поэзию, а после — заменил всех. При смене блюд-поколений таким заместителем избран Долматов. Читатели пишут мне: «Похожая ситуация в Е-бурге с Рыжим». Ну, там ещё хуже. Рыжий даже до Долматова не дотягивает по таланту, а всё лучшее осталось у него в раннем периоде, когда они с Олегом Дозморовым да другими друзьями начитались одекаловского самиздата в салоне Тхоржевских, объявив себя тоже Детьми Капитана Лебядкина.

5.

Настоящая Митина культивация началась три года назад благодаря личной инициативе трёх на тот момент союзных активистов — Майи Горбуновой, Ивана Гутина, Елены Филимоновых. У каждого из них были свои резоны-мотивы, но дело пошло общими усилиями бойко. Паблик в соцсетях, бумажное переиздание книжки, сценические инсценировки, мемориальные вечера, поэтические конкурсы, песенные трибьюты, филологические статьи, мемуарные излияния, стихотворные послания. Готовится три фильма, к которым и нас пытаются привлечь. Про человека, от которого остался лишь один случайный видеокусочек с танцем под группу «Браво».

Тем не менее вышеупомянутый Семён Соснин вновь берётся за свой заброшенный много лет назад режиссёрский проект, доводит его до экрана в виде фильма «Охота на Долматова». В таком сложном, необычном случае не работали обычные средства выражения. Фильм удивил почти всех зрителей своей монтажной манерой. Порадовал раритетными аудиозаписями голоса героя, неопубликованными до сих пор рукописями, мелькающими с экрана (можно прочитать в стоп-кадре). Отлично вписалась в контекст истории яркого, любвеобильного молодого человека коллекция любовных домашних записей, собранная режиссёром. Троица Кальпиди,

Колобянин, Стаканов – как основные собеседники – ведут каждый свою партию, акцентируют в персонаже что-то своё. Про затягивающее погружение в атмосферу эпохи на обсуждении фильма в киноклубе говорилось много, даже теми, кто гордится своей нелюбовью к поэзии. Данный визуальный эксперимент был не просто охотой к перемене кадров. Семён фильмом подтвердил своё звание доктора снаркологии, здесь пригодилась развиваемая ОДЕКАЛОм раритетная наука, базирующаяся на опытах Б. Брамбеуса, Л. Кэрролла, Б. Понизовского, Д. Свифта, В. Шершеневича, прочих снарков. Но Митин бюджет под шум поезда узнан.

На обсуждении в киноклубе да позже прозвучали вещи, которые не могут не заставить задуматься даже самых заядлых фанатов. Появляется термин «Далматиана» как обозначение священного канона. «Он для нас как Цой или Агузарова!» – восторженно кричит пристрастный зритель. Организаторы вечера заявляют своё намерение снять фильм о живых людях, которые влюблены в историю мёртвого поэта. Организаторы фан-паблика отказывают им в этом праве. Идёт дискуссия, переходящая на личности. Не только в тех кулуарах, но и повсюду, куда донеслись пенные волны процесса. Философ Михаил Сухогузов прямо заявляет про ощущение сакрализации Долматова, нагнетаемой данными кругами, превращения ушедшего поэта в некую священную корову. Именно это и раздражает тех, кто по-настоящему любит поэзию вообще и данного поэта в частности.

Энтузиаст многих замечательных проектов Елена Филимоновых, филолог с хорошим вкусом и актёрским прошлым, стоит в центре описанного здесь процесса. На сей раз вкус ей изменил: эмоции победили, она будто искренне не понимает разницы между популяризацией творчества друзей и его сакрализацией, попыткой оживить за счёт объявления всего остального мёртвым: «Да чего делить-то?» Делить действительно нечего. Просто меня взбесил запуск отрицающего жизнь процесса культивации. Митины стихи люблю. Некоторые – особенно. Космонавтов очень жалко...

6.

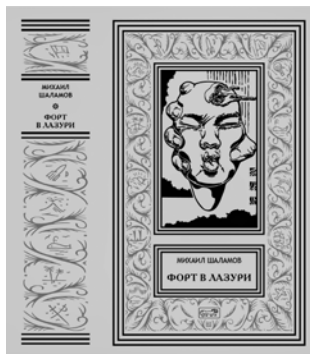
Напоследок старинное послание от СС на облака ДД:

***

ты не боишься арлекина зной
сменить на хладности кощя
пирожным снежным крыш питаюся постой
не заходи в музеи
возможно разглядеть и без того
куда несёт нас рок не рюрик
я уточняю ибо свой
листок ты зря дарил макулатуре
маг литер составляет цепки
а мастер строит их отрядом
излишне под шинель напялить кепки
когда есть колокольцы рядом
крадучись чистая водичка
дичайший омывает ероплан
а он зудит пропеллер по привычке
зубами сбив стакан

Несвоевременные сказки

Михаил Шаламов. *Форт в лазури*. — М.: «Престиж Бук», 2024

В московском издательстве «Престиж Бук» выходит целая серия произведений пермских писателей-фантастов в популярном оформлении «Библиотеки приключений и научной фантастики» — в так называемой «рамке». Это оформление, оставшееся от советских времён, руководитель издательства Артур Артеян отстоял в судах: претендентов было очень много. В этой прекрасной и очень дорогой серии уже вышло небольшое собрание сочинений пермского писателя Владимира Соколовского, в том числе замечательный роман «Уникум Потеряева», сборники Евгения Филенко, роман Вячеслава Запольских «Любовь к ошибкам», рецензия на который уже печаталась в «Вещи».

Книга Шаламова должна была выйти ещё в 2019 году,

но Запольских в то время боролся с тяжелой болезнью и лихорадочно готовил свой роман к изданию. Его друзья-писатели обратились к Артеяну с просьбой отложить выход их книг, чтобы пропустить Запольских вперёд. Так и было сделано... Запольских неделю не дождался до появления тиража своего главного романа, но он видел и утвердил его вёрстку.

Михаил Шаламов, друживший с Запольских со студенческих времён, был среди тех, чьи книги были отложены ради выхода «Любви к ошибкам». А потом... То ковид, то издательские проблемы. На протяжении нескольких месяцев работа «Престиж Бук» была парализована тем самым судебным разбирательством с недобросовестным, но очень настырным конкурентом. Выпуск сборника Михаила Шаламова задержался.

Через обстоятельства привела к трагическому совпадению: «Форт в лазури», увы, тоже стал посмертной книгой. Михаил Шаламов скоропостижно скончался в последний день мая 2023 года.

Увесистый сборник включает почти все крупные произведения безвременно ушедшего писателя. В книге — весь Миша Шаламов, всё его обаяние, юмор, фантазия, эрудиция. Он

был очень талантливым человеком, но слишком скромным, чтобы добиваться широкой известности. Филолог по призванию и образованию, он был влюблён в книги и долго работал в издательском бизнесе, став инициатором появления многих интереснейших книжных проектов, в том числе знаменитого «пермского Майн Рида». Он писал непросто, тщательно продумывал и прорабатывал все детали своих произведений — от сюжета до стиля. Может быть, поэтому Шаламов так и не написал большого романа: слишком долго возился, придумывал, слова подбирал.

Это лёгкие, изящные, очень литературные тексты. В то же время на протяжении всего чтения сборника присутствует неловкое чувство, как будто это издание — какое-то несвоевременное. Тексты Шаламова родились в эпоху Перестройки или сразу после неё — и остались в своём времени. Это, несомненно, интереснейшее чтение для тех, кто хотел бы восстановить в памяти даже не столько реалии, сколько мироощущение тех лет, воспроизвести сознание жителя провинциального города эпохи 1980–90-х. Однако при всём

живом обаянии этих повестей в них нет чего-то вечного, чего-то такого, что делает, например, произведения братьев Стругацких актуальными: казалось бы, полностью погружённые в советские времена «Трудно быть богом» или «Обитаемый остров» откликаются в событиях современности и воспринимаются сегодня как предвидения. Шаламовские же «Строгий заяц при дороге», «Ночь любви» или «Сага о скальде конунга» как были продуктами рубежа веков, так ими и остались.

Их герои — славные, идеалистичные, наивные интеллигенты из тех, что никогда не привыкнут к жёстким новым временам. Во многом шаламовские повести именно об этом: писатель сталкивает провинциальных филологов, журналистов и учителей с вторжением убийственных инопланетных сил, которые проверяют их на прочность, как будто предвидит, что эти славные ребята так или иначе должны будут в своё время пережить подобные испытания, пусть и не столь увлекательные и фантастичные. Разумеется, в книге герои все испытания выдерживают, но совершенно ясно: в реальности не выдержали бы.

Именно поэтому произведения Шаламова — даже не фантастические повести, а сказочные. Да, в них действуют пришельцы из иных миров и времён, но по сути это сказки, где герой обречён на то, чтобы преуспеть — просто в силу особенностей жанра.

Так, в «Ночи любви» пермский журналист — alter ego

автора — оказывается в эпицентре столкновения интересов сразу нескольких цивилизаций. Говоря современным языком, боестолкновения идут в натуральных пермских пейзажах — то на берегу Мотовилихинского пруда, то возле Центрального рынка. Поскольку дело происходит в «лихие девяностые», на очередную перестрелку мало кто обращает внимания. Ловко разрулив тугую коллизию, Миша (героя и зовут так же, как автора) не только выживает в этом замесе, но и находит подругу. Не совсем типичную, не совсем земную, но неожиданно готовую жить с ним в любви и согласии годы и десятилетия. Чем не Василиса из Тридевятого царства?

Повесть «Сага о скальде конунга» тоже об этом: высоко-развитая инопланетная раса опасается выхода в космос агрессивного, этически неразвитого человечества и раздумывает, не подправить ли эволюцию, заменив «на входе» Homo sapiens на неандертальцев или денисовцев; но, поскольку уничтожение целой цивилизации тоже этически не вполне красиво, человечеству устраивают последнее испытание. В качестве представителей, отвечающих за весь наш вид, избрана деревенская учительница, филологиня, работающая по распределению в сельской школе, и тот самый скальд конунга, который присутствует в заголовке. Викинговский драккар зашвыривают в современное Прикамье, и Ольга вместе с Гуннармом должны предотвратить крова-

вую резню. Справятся — и человечество выживет.

Понятно, что герои справляются... Правда, поначалу викинги вполне зверски расправляются с местным дедом и его городским внуком. Говорится об этом легко, без излишнего драматизма, с вечной шаламовской иронией. Понятно, что речь идёт о сказочной реальности, но в наши дни, когда повседневное насилие откликается особенно болезненно, читать об этом жутковато. Разумеется, когда инопланетный эксперимент завершается, добросовестные инопланетяне всё возвращают в исходную позицию: никаких викингов в Прикамье не было, все живы, — но осадочек-то остаётся.

Понятно, что, будучи по природе своего таланта сказочником, Михаил Шаламов не обошёлся без произведений на основе фольклора, и их в «Форте в лазури» — около половины. Горыныч и Баба-Яга для Шаламова не менее органичны, чем инопланетные пришельцы, а их взаимодействие с советскими — да, всё-таки ещё изрядно советскими — героями происходит по тем же сказочным законам.

Книга вышла ещё в 2024 году, и сейчас «Престиж Бук» планирует издать второй том. Повести Шаламова на удивление легко читаются, а написал он их, оказывается, довольно много. Так что ещё будет возможность погрузиться в это чтение — несомненно, весёлое, но в то же время с лёгким горчащим оттенком.

Юлия Баталина

Земляничная бездна

Антон Бахарев, Дмитрий Замуруев. Смультронстеллар. Альбом стихов. — Пермь, 2025

Далеко не каждому человеку и даже не каждому поэту удастся обнаружить вселенную. Понять и принять, что мир на самом деле больше тебя. Но в том-то и штука, что без осознания собственной малости и огромности всего остального — настоящей поэзии может получиться лишь на воробьиный скок. Сам себя исчерпываешь быстро, и становится неинтересно. Волей-неволей начинаешь вглядываться в бездну. Не обязательно, кстати, злую или темную.

Бездна может быть, например, земляничной.

Именно так расшифровывается слово «Смультронстеллар» — поэтический неологизм Антона Бахарева, ставший названием альбома стихов и графики. Автор графических работ — художник Дмитрий Замуруев.

Если точнее, оно собрано из двух слов. «Смультронстелле» в переводе со шведского означает буквально «место, где растет земляника». Происходит от слов smultron (земля-

ника) и ställe (место). Вторая часть неологизма, как поясняет в предисловии к альбому критик Глеб Шульпяков, «отделена» от слова «интерстеллар» («межзвездный»). «То есть перед нами „место земляничных звезд“, или „звездной земляники“». Тут, кстати, можно поспорить, точнее дополнить смысл, имея в виду не семантику самих слов, а культурный код.

Во всяком случае, режиссер культовой «Земляничной поляны» Ингмар Бергман наверняка имел в виду не буквальное значение, а то, что с начала XX века слово «смультронстелле» используется для обозначения пасторального уголка, в котором можно спрятаться от мира. Личный курорт, где забываются беды и невзгоды. Его местонахождение часто держится в тайне.

Сколько этого смысла раскрывается в альбоме Бахарева — Замуруева, каждый волен решать сам. Равно как и метафор фильма «Интерстеллар», одного из сложнейших и в научном, и в социально-философском плане произведений современного кинематографа.

Впрочем, земляника как таковая, стоит перечитать предисловия, появляется сразу. В стихотворении — как деталь, одна из: куда менее важная, чем знаковые и легко примеряемые на себя атрибуты детства — «анорачек не по росту» и «сапоги с тремя носками». В графическом же отражении

мы видим, что ягоды и звезды — суть одно и то же. И это много проще понять незашоренным, детским сознанием.

Взрослый так уже не умеет, но еще может вспомнить, и согласиться с поэтом Бахаревым, что:

*Так всё обыденно и просто —
И так невероятно всё.*

Дальше (тут, кстати, важный момент — тексты альбома в большинстве своем не отделены друг от друга ни названиями, ни привычными тройными звездами, только рисунками) следует жесткая инструкция, как вернуться в то время-место. Запоминай. Запоминай дальше. Считай. Обогни. Живи... Автор не делает никаких заманух, не объясняет — зачем это, не обещает хорошего. И в принципе, он прав. Возвращение — грустный жанр, не зря же последняя строфа стихотворения начинается с «Если остались силы», а заканчивается обещанием возможности «вернуться в свою эпоху».

Возможность эта весьма условна. Следуя за героем, «остаешься один», а «Время раскатывается выхлопанной половичкой / в ту и другую сторону». И «всё, что нам казалось на века, / считалось по хронометру малька». Добавьте к картине молчащую от страха ли, от горя ли Губаху, товарняки, ведомые богами (а боги безжалостны), угольную пыль и «дым ядовитый в зените», «небосвод, как сточная

канавы «Коксохима», и выйдет картина едва ли не экзистенциального ужаса (или экзистенциальной скорби) автора-героя, предощущение смерти, самой смерти. И во-первых, «в этом углу мира» — цитата из другого стихотворения, но здесь уместна, поскольку, во-вторых:

*Не говори, что ты живёшь
в другом,
Отличном от губахинского,
мире...*

И:
*Ты, наверное, тохтуевец,
Я, пожалуй, то же самое...*

К этому графика, то отсылающая к советской индустриальной живописи 30-х годов прошлого века, то решающая электричку средствами пермского звериного стиля. И уходящие понурые люди.

Можно, правда, надеяться, что это просто не та «фаза», не зря же Бахеров называет свой Урал «биполярным».

Комментируя это высказывание, Шульпяков в предисловии говорит о раздвоенности поэтического мира, что одушевленное и неодушевленное меняются местами, но здесь (по крайней мере в этой части альбома) не

меняется ничего. При взгляде вниз — депрессивные Губаха, Соликамск, Тохтуево, Березники, при взгляде вверх — «вселенная слепая», равнодушное небо в синяках, уверенное, что «так мне и надо» (графика — старик, курящий заводские трубы).

В пику этому всему, во всяком случае мне видится, что именно в пику, деревня Бахари — личное смультронстелле поэта с прихваченным на скотч Млечным Путём. Чёрт знает, лучше там, не лучше, но там покой. Там всё — прошлое, там «безмолвный конвой всевековой», там (рядом по карте поэтического мира) безвременная, потаенная Вишера. Там невозможная без боли сладость: «кругом нарывает малина, / земляника тайком кровотоцит».

Туда можно позвонить на починенный таксофон и забыть: «что это иллюзия, это морок, это ненастоящее». Но на каких весах взвешивать настоящесть, если среди предельно точных и достоверных, записанных поэтом образов находим точные за пределами и узнаваемые:

*и вот я стою — и с неба
висит вода...*

И вот альбом приближается к последним страницам. Можно ли назвать его (как заявлено в предисловии) лирическим путеводителем — не знаю. В самом слове «путеводитель» есть что-то расслабляющее, рекреационное, а здесь этого нет. Есть самоё — путь. Через черное, мертвенное, болезненное, мертвое, ушедшее, живое, потаенное, вечное, но, все равно, от «обыденно и просто» до невыразимо, когда — «Я трогаю свою заветную дорогу».

Здесь в стихах появляется осознаваемое немотство: «Я голос потерял — и всё держу в себе», «И уметь бы — не сказать словами», «Как вишерское дно, не выглазеешь память», «не хватает Бога / раздать имён вещам!», «убраны под кат слова на полуслове».

Но остается «что-то ещё, кроме дыхания, кроме молчания». И это важнее, чем компактифицированные до метрики банки варенья бесконечные «Смультронстеллар», по моему скромному мнению, разумеется.

Андрей Мансветов

«Нужны ли мы нам?»

Алексей Иванов. Вегетация. — М.: Альпина. Проза, 2024

В мире нового романа Алексея Иванова нет места уже не только героям, но и людям. Не новая, само собой, история. Оглядываясь назад, сразу можно вспомнить «Город» Клиффорда Саймака, «Солярис»

Лема (и отдельно Тарковского), «Улитку на склоне» и «Волны гасят ветер» Стругацких и их же «Гадких лебедей». Кроме этих, довольно очевидных ссылок, мне в «Вегетации» увиделись и совершенно эсхатологиче-

ские «Дорога никуда» Александра Грина, «Москва — Петушки» Венечки Ерофеева и, отдельной строкой, «Дожить до рассвета» Василя Быкова.

А вот упоминаемая в сетевом обсуждении «Вегетации»

постапокалиптика, вроде американского «Мэдмакса» и английского «Дня триффидов», почему-то не проассоциировалась и не вспомнилась совершенно. Наверное, потому, что во всей этой пост-есть хоть маленькая, но надежда на возрождение, на «мы наш, мы новый мир построим», потому что уже выжили. Видится, что это не гуманистическое предвидение и надежда, а антропоцентрическое самодовольство.

Умные же фантасты, которым «по долгу службы» положено заглядывать вперед, говорят — не построим. И тут в ряд к уже перечисленным произведениям просится Азимов с его фундаментальным «Основанием».

Нет, не построим, с такими людьми нечего и незачем строить — доказывает теперь Иванов с первых страниц романа, на которых центральный (главный сказать не получается) персонаж ради обладания женщиной решает убить соперника. Не вступить в борьбу — понимает собственную неконкурентоспособность, не украсть женщину, нет, просто убить. И спокойно жить дальше, среди других, таких же.

И вот, начав с этого, автор на протяжении всего романа

умело формирует у нас недоверие, неприязнь, несочувствие всем описанным в тексте людям. Через обценную лексику, поведение, описание внешностей Иванов создает убедительную иллюзию чернушной достоверности. И одного за другим убивает любого, кто хоть немного поднимается гуманистически над общим уровнем.

За исходник мира берется знакомый ровесникам писателя социальный апокалипсис девяностых. Остальные, кто не застал, могут ориентироваться на контент популярных в последние годы фильмов и сериалов про «светлое прошлое», таких как «Слово пацана», «Лихие» и тому подобное.

Выполнив эту задачу, Иванов начинает погружать читателя во вселенную «Вегетации», мир, где каждому угрожает «излучение», где «Гринпис» — нежелательная организация, где доступный взгляду человеческий персонал низведен до придатка китайской топливодобывающей промышленности.

А никакой другой нет. И никакого другого законного способа жизни тоже (если и есть, то в местах неизвестных и удаленных). Зато с топливом хорошо. Его можно элементарно начерпать почти из любой лесной лужи.

Лес — главное. Лес, в котором легко опознаются черты и непостижимого разумного океана Соляриса, и «Зоны» из «Пикника на обочине», и, главным образом, Леса из «Улитки на склоне», хотя на первый взгляд — он, лес, все тот же, привычный нам, изначальный. Просто он перестал быть пассивной «окружающей средой».

В лесу Иванова есть нечто «живое», что превращает человеческие машины-автоматы в «чумоходы», людей в «бродяг», «ведьм», «клубарей». Живое, на котором паразитирует «западная технологическая цивилизация». Это, конечно, не «прыгающие деревья» и прочая активная биология «Улитки». Но мертвые оживают. Кандид-Молчун у Стругацких и Харлей-Митя у Иванова. Топливо-бризол в «Вегетации» и «закваска» в «Улитке».

Да, «Чумоходы» селератного леса в отличие от «мертвяков» не воруют человеческих женщин. Но это только оттого что «растительному» будущему придуманного Ивановым мира, совершенно не нужно божественное начало, на которое еще уповают Стругацкие. Лес Иванова уже (возможно, и всегда) готов не разрушать «до основания, а затем», а интегрировать в самую себя и людей, и машины, но ему еще очень далеко до самоосознания.

В отличие от леса «Улитки» — «Я вижу, вы там впали в распутство с вашими мертвыми вещами на ваших Белых Скалах. Вы вырождаетесь. Я уже давно заметила, что вы потеряли умение видеть» — он не выносит приговор. Ему всё равно. Автор «Вегетации» подробно иллюстрирует этот тезис.

Возможно, это более точно в историческом и биологическом смысле, хотя для нас, людей, целое мгновение Брахмы мнивших себя венцом всего, более обидно.

Интеграция, правда, тоже обидна, поскольку все «бродяги» рано или поздно неизбеж-

но повторяют «подвиг лесопроходца Селивана» (сюжетный момент в «Улитке», где рекомый лесопроходец превращается в прыгающее дерево).

Все равно ли автору, который в предшествующей книге «Бронепароходы» положил большую часть заслуживающего сочувствие народа? А вот тут — нет. Иванов пытается, действительно пытается внедрить в гибнущий человеческий мир эмиссара мира нового — Митю, составленного из того самого «живого», что делает чумоходы чумоходами, а деревья жожаками, памяти некоего (о нем мы практически ничего и не узнаем) «городского» биолога, тела чувствующего «вожаков» «бродяги» Харлея, внешности убийцы Харлея — Сереги, который признает в Мите брата.

Кстати, «брат» — единственная отечественная мифологическая фигура рубежа безвременья девяностых и нового мира. Конечно, он здесь не тот «хороший» убийца с любовью к русскому року и инфантильными представлениями о добре и зле. Он ровно то, из чего слепили — на всем протяжении недлинного пути от самоосознания до возвращения в первичный бульон — я не говорю

(и автор, кстати, не говорит) гибели, поскольку мир леса бессмертен по определению.

Поэтому Митя не Маугли, который: «Напущу я на вас неотвязные лозы, / и род нечестивый ваш Джунгли сметут» (Киплинг), и даже не главный герой «Улитки» Перец, цитирующий это. Перец — герой ищущий. Слабый, беспомощный, не способный ни на что повлиять, но умеющий в пику героям «Вегетации» подняться и над собой, и над доступным его взору бессмысленным и беспощадным человечеством.

Перец Стругацких — это не герой, а автор «Вегетации». И реально живущий в физическом мире писатель Алексей Иванов, от романа к роману пытающийся разгадывать загаданного Лермонтовым неоднозначного «нехорошего», если глядеть с шестка школярской этики, «Героя нашего времени»; и наблюдаемый (ощущаемый) нами внутри текста повествователь, которому вполне можно приписать прямую речь упомянутого выше героя А. и Б.: «Я вот с людьми прямо-таки пропадаю. Я с людьми ничего не понимаю. <...> Я, между прочим, поэтому и о лесе мечтать начал. Но теперь я вижу, что в лесу не легче».

Легче станет только если исключить из уравнения вселенной антропоцентрической «прибор», впрочем, эту задачу не сумели решить ни Саймак (робот Дженкинс отправляет последних людей за пределы мира, оставляя мир безгрешным Псам), ни Лем, стирающий потоком нейтринно человеческую матрицу из памяти Окееана, ни Стругацкие, так и не нашедшие Терапевта и с Гомеостатическим мирозданием договориться не сумевшие.

А меня вот на данный момент греет мысль, что поиски Иванова отнюдь не закончены. Это дает надежду живущим в мире, где то ли была война, то ли нет, и мы ее то ли выиграли, то ли проиграли. Единство человечества, в которое еще верили авторы «Полдня», Иванову, наблюдающему очередной виток человеческой внутривидовой ксенофобии, представляется маловероятным. Ведь у нас как — враг становится врагом всего-то потому, «что у них есть, а у нас нет!».

Волей-неволей вслед за Кристобалем Хозеевичем из «Понедельник начинается в субботу» задашься вопросом: «Нужны ли мы нам?»

Андрей Мансветов

Ключи к этим дверям

С.К.К. Эзотопы. — СПб: «Старая Вена»; Чебоксары: Free poetry, 2024

Моё знакомство с текстами Сергея Кудрина, или автора С.К.К., началось с «БЕССМЫСЛЕННЫХ ЧИТ КОДОВ», опу-

бликованных в «Артикуляции». В одном из стихотворений читателю предлагалась «таблица для прочтения»: буквам при-

давались численные значения, самые простые, от одного до 33. Затем некие последовательности чисел трактовались как

коды, «чит-коды», работающие, словно магические отмычки, чтобы вскрывать смыслы явлений. Чернокнижие действовало как алгоритм, как программистская процедура, или программирование как чернокнижие. Каббала приобрела новое звучание, словно открытая с середины учебника, но в новой реальности. Однако выдернутые случайно из бесконечного массива данных, коды и давали ключ к случайным загадкам. Проще говоря, получалась бессмыслица. 9 1 25 7 15 4 – переводим в буквы: ЗАЧЁНГ, ааа! Ничего не понятно! Приведенная интерпретация: «выведать, сколько чертёж смогут усидеть на кончике иглы». Как? Что? Другие строки оказывались не лучше: 17 13 6 3 1 19 16 – ПЛЕВАСП: прокачать плевки на двадцать метров; 9 21 2 1 13 18 20 – ЗУБАЛРТ: заправлять гелиевую ручку зубами без помарок... При этом строки были организованы по буквам русского алфавита, от А до Я. Перевод из «слов» во «фразы» происходил где-то фонетическим образом: МУСНЕД: использовать скилл «не выносить мусор неделями»; ФЫРМАСК: обрести навык мастрски фыркать... Чередования

гласных и согласных заставляли задуматься о некоторых подтасовках на уровне наборов чисел. Возникали скользкие очертания смыслов – и уплывали, как щепки под мост.

Ещё одно стихотворение, тоже бывшее в «Артикуляции»: «ГАДАНИЯ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА». Здесь читателю предлагаются несколько алгоритмов: по генератору случайных чисел, по индивидуальному номеру налогоплательщика, по диджитал-талону на почте, по штрихкоду на «Али-Экспрессе». Во фразах можно различить небольшое анаграммирование, палиндромы, перетасовывание, подмешивание знаков препинания. И ощутить, что во всём есть смысл. Сначала нужно принять код, потом прочесть. Потом попытаться осознать. Понять что-либо? Или выбросить, как малозначимый? Или убедиться в собственной (не)полноценности.

Во всём есть смыслы. Мы же знаем. В движении листьев, в стуке капель. В знаках кода. Автор предлагает присмотреться к ним. Таким образом, уже с раннего знакомства с этими стихотворениями возникало представление, что автор работает со словом как с наиболее значимым объектом, способным объяснить, записать и преобразовать мир.

В анонсе этой книги читатель предуведомляется, что здесь «публикуются неоконцептуальные тексты, написанные в период с марта 2023 года по май 2024 года, в которых предпринимаются попытки языковых экспериментов на пересечении эзотерического и технического

дискурсов». Это пересечение (или объединение?) можно заметить уже в названии: эзотопы – mot-valise, состоящее из «изотопов» – технический аспект, варианты атомов, где-то и опасные, радиоактивные, вплоть до ядерного оружия; и «эзо» (внутренний, скрытый), легко протраиваемый к эзотерике и прочему тайному знанию. В «эзо» можно услышать также эхо эзопова языка, иносказательных порицаний социальных пороков. И ещё, совсем затихшим, едва слышным эхом: «поэзы», старинное, Северянин, Блок, в символизм и галлицизм – стихотворения. Разные языки и смыслы. Как пишет в предисловии Кирилл Азерный, в книге присутствуют различные жанры. Не смешиваясь, но и не отторгаясь друг от друга, они соседствуют, как населённые жилые массивы, данные предельно крупными планами, без связей друг с другом, но и без хаотического расползания. Таким образом, «видимая произвольность превращается в свободу благодаря прочной и гибкой связи элементов между собой». Эту книгу интересно читать. Если вам нравится разгадывать ребусы и загадки. Очень интересно читать, открывая двойной, тройной слой, другие языки, ключи... Отмычки, зацепки, рецепты, формулы... Автор ведёт речь как маг, как, например, в названии стихотворения – «Зарисовки сомневающегося мага», то есть человек, обладающий знанием по преобразованию материи и континуума. Это маг, действующий на минном поле бытия, не тот, кто выучил давно

известные заклинания и применяет их в домашнем/общинном/семейном хозяйстве, но тот, кто выводит заклинания, актуальные заклинания, в текучем пространстве-времени сегодняшнего дня, заклинания, подходящие неизвестно к каким дверям. Занятие опаснее, чем у сапера. Но какая радость медленного чтения!

Читатель может погрузиться в код — он дан для каждого текста, открыть маленькими ключиками маленькие дверцы — и остаться наедине с непонятым. Аккуратно перелистнуть страницу и заглянуть в следующую запись. Тексты книги снабжены заголовками, и еще одними курсивными подзаголовками, и возможно, еще подподзаголовками в скобках. Части текстов организованы в соответствии с буквенными и численными рядами: десятичные числа, двоичное представление, римские числа, алфавит латиницей, алфавит греческий, алфавит кириллический, тела солнечной системы (исковерканные), названия металлов (тоже исковерканные), знаки зодиака, знаки китайского годового гороскопа, имена монах, время суток, года и тысячелетия... И даже когда ряды испорчены, буквы перепутаны или зачеркнуты — прочитать текст можно, стоит приложить небольшое усилие. Автор не прячет ключ за семью печатями, но за тонкой шторкой. Скажем, текст с элементами блэкаута, слова скрываются под черными плашками. Зачеркнутый текст — это палимпсест. Однако в ситуации, когда уже сказано слишком много,

можно сразу писать зачеркнуто. Но потом — прочитывать. Информация сохраняется. Если вы читаете книгу в электронном виде, плашки можно снять, как в «Черном квадрате» Малевича, и даже рентген-просвечивание не понадобится. Прибавится ли от этого смысл? Главное (как и у Малевича), что он был, это не слепые плашки, это содержательные (не)понятные записи.

Вскрывать тайны бытия — занятие, скажем так, чреватое. Но и воодушевляющее. В послесловии Иван Полторацкий, под патафизическим именем «1/12 Невидимого Идиота», пишет о том, что книга оставляет «светящийся след в пространстве сознания», соотнося занятие автора (лирического героя) с «делом богов — выдумывать языки, играть с ними», а читателя (или, опять же, лирических героев) с инопланетянами — эфирными существами, им «вольготно в этой книге». Иван Полторацкий отмечает важный аспект книги: в неё входят «утренние молитвы, мантры и отдельные фразы». Собственно, родом молитвы книга и открывается: «отец делится религиозными (и не только) знаниями с сыном». Но вместо уравновешенной лекции — внутренний диалог, крик боли «боллллллльвьвь!! /божа.../ малю...// схожу с ума, схожу с ума, схожу с ума» — не похоже, что этот отец обладает религиозным знанием. Речь отца здесь — о боязни смерти, немислимая в осознанном христианства (ср. у Тимура Кибирова: «Но наш-то на ослике — цок да цок /Навстречу смерти своей»). Но боязнь, понятная

у обычного, не столь, и не в том направлении, продвинутого человека. И так, начинается всё не со знания, а с ощущения, и это ощущение боли. Но старание и труд ведут к обретению веры/знания, постепенно, в «имялитвах», молитвах, видении чинов происходит движение к чуду, понятному только говорящему: «...тдалитлтлвтлвтлвт». Хотя бы говорящему.

И начинается работа. Работа с текстом, со словом. Текст может быть организован по буквам греческого алфавита, от Альфы до Омегы, как в «НЕЗАПОМНЕННЫХ ЗАКЛЯТИЯХ». В итоге приходим к «Заклятиям», коротким, усеченным фразам, почти понятным. Эти нитки недлинные, запутанные клубки можно размотать в упорядоченные нити: митсчисеикй асеторид — мистический астероид, конфомкли смреть — кофемолки смреть, или они вообще изначально осмысленны: вывести вислоухих павианов, нагреть шухерных богов, раскумарить (?) сакуру в Закарпатье, левитировать (?) над физико-математическим (?) лицеем, или даются с вопросительными знаками, автор сам точно не уверен, что получается. Но уверен в могуществе слов, здесь, над этими буквочками, по мелочи, или по глубинной сути, преобразующими мир и субъекты этого мира.

Итак, вот что это такое — забытые заклятия, чит-коды, неработающие заклинания. Попытка трансформации во что-то невинное, лемура, бурого мишку, но немного всемогущее: «поглядывать зараз в двух противоположных направлени-

ях», «протыкать пером бетон», «гнуть пупком стальные балки». Немного геймерских скиллов: «скрафтить Философский Камень». В стихотворении «НЕ-ИСПРАВНЫЙ-НЕПРАВИЛЬНЫЙ ОРАКУЛ» даются маленькие, дурацкие, в принципе выполнимые задания на «духовный рост», такие коаны: «Подберите копну выпавших волос для парика», «Запаситесь орехами, украденными у белок», «Прикрепите себе жевачку между бровей». Читатель может практиковать их одно за другим, и захочет больше, наблюдая за изменением сознания. Но больше, к сожалению, «Unfortunately, the letters of the English alphabet have run out!!!» — нет. Хочешь продолжать развиваться — нужно переходить к другим упражнениям.

Речь перемежается аббревиатурами шифров и численными кодами: «Подельник / GACLA / 31456 / папедальныймсиимивывавупоротыйсчмвамиавлисчсччывы», запись идет сплошь, как в старинных книгах, при этом слова не складываются во фразу, это даже не слова, но осколки слов, иногда целые, иногда только буквы — обломки речи, вынесенные на свет. Слова разбираются на куски и остаются одни средние части: «Овые ги», «Фе в ах», чтобы в последней, тоже вырезанной откуда-то, непреднамеренно, кажется, и для автора появился бог сущий: «Богъ ёз». Текст может располагаться по привычным строкам, предлагая детские воспоминания, перечень прочитанных книг: Грей (то ли Оскар Уайльд, то ли Грин), следы первых проб письма, ранних

неопубликованных текстов. Здесь и перечень духовных учителей, необязательно духовных учителей автора, просто принадлежащих культурной традиции: Георгий Леви, Элифас Калиостро, Керри Баптиста ван Гельмонт, организованных в численном, кажется, случайном порядке: 7, 2, 9, 4, 8, 11, 6, 12, 10, 3, 1, 5. Уже можно догадаться, что не в случайном, я бы предположила последовательность по модулю. Но кто знает. Духовные учителя изрекают что-то непонятное, буквы перепутаны, смещены, заменены, каждому высказыванию соответствует интерпретация, «монтажник одубевших грамот», псевдоинтерпретация: «иомчШтмчеооша н.ах трфш — ап» — предлагается читать как «гуманитарий смородиновой канализации». Но помогает ли эта интерпретация что-то понять?

Здесь и традиционная нумерология, правда с отрицательным знаком, когда из сложения букв ФИО/ДР определяются «числа сердца», «числа судьбы», «числа жизненного пути» — предназначения человека — «в апофатическом ключе», чем они не являются. Автор проверяет простые шифры: горожские животные, двенадцать зверей плюс дополнительное — панда, вот уже кто китайский так китайский! Поп-культура накладывается на традицию и приводит к нарушению календарности, искажению цикла, но и переходу к новому году, и уже почти читаемым строкам: «лыбу глу тянуть; смешками фри добивать», и только две, глыбу вглубь тянуть, смешками фриз (?) свободно (?) добивать.

Автор опирается и на классические коды, самые привычные, по семье древнегреческих божеств: Аполлон, Зевс, Дионис, Гермес, Гефест и Афродита, Артемида, Гера, Гестия, Афина Паллада, Деметра, Посейдон, Аид. Понятные божества и ведут себя по-простецки. Правда, в подзаголовке указывается, что знание получено тоже, как принято, от мертвых, то ли от Тиресия, то ли от Эрихто и Фолии: «Двустрочия получены при помощи некромантии. Автор является всего лишь транслятором». Дело опасное, как и было сказано.

Неудивительны алхимические подходы, усложненные алгоритмическими прописями. Структура письма может быть разрушена, но алфавит остаётся, алфавит можно восстановить. Оvlo(o); Сивне; Зоо : лот; Са***ре; Руть... — перевести в олово, свинец, золото, серебро, руть... Коррозированные имена металлов. Это понятно, ведь что есть базовая алхимия — это трансформация металлов, из простых в драгоценные. Что получается на деле, с течением времени и ростом энтропии — ржавчина и деструкция. Короткие дескрипции к строкам тоже легко читаются, слегка анаграммированные записки: «пдо кровтаю, в обчыонм дял нёе метсе — на корвкие у каимна». Последняя запись открывает дверь для возможностей, речь почти неисковерканная: «Что вы гоовирте? Она здесь? О'кей, веизте, полягидм».

В некоторых стихотворениях можно увидеть иную, временную и пространственную, инопланетную оптику. Нужно

ведь заглядывать вперед, и не так далеко, мы привыкли считать — межзвездные путешествия, XXII век, вдруг — уже близко, за соседней дверью, уже нынешние дети заглянут туда физически. Значит, поэт должен открыть мысленно эту дверь, не запускать же детей одних в неизвестное! И автор представляет дневниковые записки инопланетян, техно-онейризмы, новое священное писание. Меняется мир, меняется поэтический субъект, и в стихотворении «ТВОИМ АРИТМИЧНЫМ ТЕХНЭ-СЁСТРАМ», почти регулярном, хотя и в меру абсурдном, предстает история любви техносубъектов, то ли роботов, то ли молний. Когда закончатся гуманоиды, любить и говорить о любви будут иные существа. Послушайте эти голоса, они уже звучат.

Или стихотворение, с одной стороны, семейный архив, с другой — путешествие к звездам. Вавилонская башня отремонтирована и восстановлена. Здесь названия фрагментов текста даются исковерканными именами планет, вернее, тел солнечной системы: Mngunci [Слне], Lnois [Ллуа], Viren [Венр], Erb [Мар], Mekrui [Мекуий], Aa Pter [Юпир], Tatus [Сатур], Неттп [Нту]. В квадратных скобках — просто ракоходы, короткие фразы, записанные побуквенно в обратном порядке: змей запада, водитель карманного грузовичка, сто двадцать восьмой латвийский стрелковый корпус, корявый сценарист-выхухоль... А тексты — на разных языках: индонезийском, болгарском, итальянском, норвежском, финском, до заключительного ан-

глийского... Есть ли в них смысл, даже если их перевести? Или это тоже мантры, коаны, случайно сохранившиеся фразы забытых цивилизаций... Всё, что осталось в руинах нашей цивилизации, всё, что люди забрали с Земли к звездам. Всё, по чему будущие инопланетяне будут восстанавливать земной мир, как океан по капельке воды, как лютоволка по фрагменту челюсти, как прачеловека по косточке мизинца, как целый организм по стволовой клетке. Если, конечно, кому-то придёт в голову (или что там вместо неё) восстанавливать эту информацию.

Важно — возвращение к себе, к моменту «здесь и сейчас», возможность оборачивания полного цикла в пространстве, языке и времени. Такая возможность реализуется в стихотворении «СОЛЯРИС ЗОДИАЧИ», фрагменты которого открываются периодом 2150 до н.э. — 0 г. н.э., шагают каждый раз по 2150 лет назад, и после периода 23650 г. до н.э. — 21500 г. до н.э., возвращаются и замыкаются в настоящее, 0 г. н.э. — 2150 г. н.э. Держит всё это язык цивилизации, называвшей себя вечной, язык города, мира, звезд — латынь. Строки классических текстов классических авторов соотносятся с космосом, причем опираясь на парадокс критского лжеца: знак зодиака утверждает, что знак зодиака не влияет на судьбу. Говорят Сенека Младший, Тит Ливий, баснописец Федр, Секст Проперций, Публий Теренций Афр, Публий Сир, Гораций, Луций Акций — и вдруг, интерес к латыни сегодня, где? Действи-

тельно, в псевдозаклинаниях из популярных текстов, Джоан Кэтлин Роулинг. Но и раньше же грамотные люди не забывали — Виктор Гюго, и все же возвращаясь в классическую латынь, Цицерон, и к классическому (или готическому, переделанному из классического): «лови ночь». «Carpe Noctem». Антоним «лови день», то есть цены момент сейчас. И тогда, лови ночь — цены темное время, время сна, которое не считается, время, когда солнце уходит со светлого неба и опускается за горами Загрос в мир небытия — чтобы вернуться, замкнуть цикл и начать сначала. Вернуться к себе, наверно, другому себе. Посмотри на себя, проверь, сработали классические строки?

А стихотворения всё же завершаются (не в порядке представления в книге) выходом в пустоту, в тишину, в молчание. Даже дважды, в «МИСТИКОЦИФРОВЫХ ЛИНГВОПАРАЗИТАХ» числа записываются в двоичной системе от 0000 до 1111, где каждому числу соответствует мусорное, обыденное восклицание, «прикол как бы, ммм...», и только на 0000 ничего, тишина. И в «РУССКИХ ПОТАЁННЫХ ВЭРВИДАХ (ИЗБРАННОЕ)», где представлена целая коллекция, антология нулевых текстов: работы Василиска Гнедова, Александра Кондратова, Сергея Сигея, Ры Никоновой, Владимира Эрля, А. Ника, Бориса Констриктора. Пустые строки. Молчание. Тишина.

Возвращаясь к прочтению названия книги, теперь понятно, что до обличения социальных пороков мы не добрались, и намерения говорить ино-

ца всё так же прямоугольна... К счастью, контекст мира тоже меняется. Да и накопление авангардных практик позволяет встраивать цитаты и отсылки к ним в новые коллажи. Техники² уходят, остаётся смысл. И в книге смысл этот, безусловно, ощутим.

Попробуем его уловить. Он вроде бы даже выходит на поверхность, дразнится. Аннотация начинается так: «Третья книга стихов С.К.К. представляет собой собрание поэтико-прозаических текстов, написанных в 2024 г. Она посвящена погрешностям восприятия действительности вследствие появления разнообразных изменённых состояний сознания». Название «Время сомы» сказанное лишь подтверждает. В основном же корпусе текстов данный элитный сорт алкоголя, достававшийся по преимуществу жрецам-брахманам, и, говорят иногда — пасомым ими богам, попадает нечасто. Зато по делу, интересно. «Прозорливицы нарасхват, вы упивались сомой, покудова мне доставался вермут!», например. Простейшей интерпретацией высказывания будет явно выраженная обида на непонимание и неприятие со стороны неких персон, имевших доступ к веществам или знаниям, авторскому альтер-эго недоступным. И стало быть, текстами своими поэт формирует герметичную структуру, куда непосвящённым путь заказан.

Но такое предположение окажется фундаментально

неверным. Сергей Кудрин — активно работающий философ. «Журнал филологических исследований» регулярно публикует его статьи, посвящённые разным темам и персонам. В диапазоне, к примеру, от Валери Соланс, стрелявшей в Энди Уорхола и творившей прочие безобразия, до, скажем, английских материалистов XVIII века. Или о понимании Абсолютного у Рене Декарта и в философии дзен-буддизма. Статьи краткие, внятные, доступные (а главное — интересные) малоподготовленному человеку. Пребывающие на грани научпопа, но грань не переходящие. Вполне научно-философские. Написанные традиционно: «Исследования, касающиеся языка, в современности имеют высокую степень важности. Это связано с тем, что в современных обществах возрастает роль языка». Хотя на философские темы сейчас внятно пишут даже французы. Дерридианский стиль давно вышел из моды.

И мне (просто на уровне абсолютной вкусовщины) рецензируемая книга показалась своеобразным резюме статей Кудрина. Резюме, исполненным методом вычитания: о чём ясно и однозначно нельзя сказать в научных публикациях, можно изложить иным языком. Хотя бы попытаться.

Здесь блоковое представление автором различных авангардных техник — очень даже в помощь. Получается тонкое встраивание диалога

с миром и населяющими его людьми. Язык ведь у людей в пределах некой общности довольно единый, а речь — разная. В частности, по той причине, что отражает разность мышлений. И по речевой стилистике, по методу изложения мыслей, персоны могут быть взаимно не симпатичны. Зато на уровне ещё более глубоком, называемым в общем смысле «бессознательным», опять делаются притягательными.

Тут скажу о двух очень разных деятелях культуры, показавшихся мне ещё более соотносимыми с поэтом С.К.К., нежели упомянутые выше довольно многочисленные коллеги по культурному делу. Есть такой пермский прозаик Алексей Черепанов. Лет пятнадцать и более назад в его кругу процветал стиль, названный «техниками абсурдного общения». Сам-то Черепанов тогда сочинял вполне классическую сюжетную прозу с акцентом на пермские реалии и немного — на собственную биографию. Но встретившись сотоварищи, компания начала гнать какую-то невероятную пургу. Бред, практически. Тем не менее довольно быстро возникал мыслительный гул, полезный и для борьбы против вечной саморефлексии, и для последующего творчества, пафосно говоря.

Вот и прочитанная книга оказалась примером разговора с бессознательным. Формально, разумеется, не с моим — с авторским. Но разговор такой впол-

² Это не про рэпера Пашу Техника, умершего буквально в день написания рецензии. Хотя...

не затягивает. Уточню во избежание разночтений: книга интересна на уровне цельного высказывания. Да, нахватать оттуда цитат, эпитафий, дежурных фраз на разные случаи жизни тоже вполне можно. Но единым текстом интересней. И в неутилитарном смысле — полезней.

Случай не уникальный. Лет десять назад я опубликовал статью о тогдашней молодой поэзии³. По формально-воз-

растным критериям Сергей Кудрин вполне подходил. Просто я с его творчеством не был знаком. Но доминирующая направленность представленных в статье авторов была сходной: попытки разговора не слоганами, а через общение глубоких личностных структур. Мы снова о бессознательном, только в несколько более сложных словах.

Тут возникает фундаментальное противоречие. Цель

некоторых текстов — выйти из пространства культурного опыта. А воспринять их можно сугубо в рамках такого опыта. По счастью, опыт этот разнообразен и для многих общ. Тем и держимся, находя в артефактах современной культуры интересное.

Кажется, в очередной раз повезло.

Андрей Пермяков

---

³ Андрей Пермяков. Иначе левые. Вопросы литературы, 2015, №6.

Вадим Балабан родился в 1978 году в городе Троицке Челябинской области. Учился в Троицком колледже гражданской авиации и Курганском университете. Публиковался в журналах «Новый век», «Южный Урал», «Урал», «Белый ворон», «Вещь»; антологиях «Современная уральская поэзия. 2004–2011» и «Русская поэтическая речь. 2016». Автор сборника стихов «Памятник» (2010), «Стихи. 1998–2013» (2014), «Нулевая Палата» (2015). «Я вроде в ворде» (2024). Живёт в Троицке.

Игорь Бобырев родился в 1985 году в Донецке. Окончил исторический факультет Донецкого национального университета. Стихи публиковались в журналах и альманахах, на сетевых ресурсах, переводились на европейские языки. Автор поэтических книг «Все знают, что во время войны в мою квартиру попал снаряд» (2016), «Метро и мобилизация» (2023), «Петербургские кладбища» (2025). Живет в Донецке.

Катерина Гашева родилась в 1990 году в Перми. Окончила психологический факультет Пермского педагогического университета. Публиковалась в альманахах и сборниках «Илья-альманах», «Узнай поэта», «Новые писатели», «Поэтический путеводитель по городам культурного альянса». Автор книги прозы «Первая линия» (2019). Автор книги рассказов «Первая линия» (2019) и романа «Системные требования, или Песня невинности, она же – опыта» (2025). Живет в Перми.

Евгения Гордина родилась в 1976 году в Потсдаме (ГДР). Окончила филологический факультет Пермского университета. Публикуется впервые. Живет в Перми.

Константин Духонин родился в 1974 году в Перми. Учился на электротехническом факультете политехнического института и на филологическом факультете Пермского университета. Финалист премии «Русский детектив» за роман «Заповедник мертвецов. Мифологический детектив», который был опубликован в журнале «Вещь». Живет в Перми.

Алексей Житковский родился в 1982 году в Омске. Окончил химический факультет Омского государственного университета и сценарный факультет Всероссийского государственного института кинематографии (ВГИК). Победитель и финалист конкурсов и фестивалей драматургии: фестиваля молодой драматургии «Любимовка», конкурса «Евразия», «Действующие лица» театра «Школа современной пьесы», «Первая читка», «Авторская сцена» Союза театральных деятелей РФ и «Кульминация». Пьесы ставили в МХТ имени Чехова, Театре.doc и «Школе драматического искусства», а его фильм «Памятник» вошел во внеконкурсную программу фестиваля «Артдокфест» (2016). Живет в Нижневартовске.

Виталий Зимаков родился в 1983 году в Москве. Публиковался в журналах «Волга», «Двоеточие», «Литература», «Новый Берег», TextOnly, «Контекст», «Цирк "Олимп"+TV», в проекте ГРЁЗА, альманахе «Артикуляция», на порталах Litcentr, Soloneba, «полутона» и др. Автор книги стихов «Заходя в лес, приходишь к могиле отца» (2025). Живёт в Москве.

Дмитрий Игнатов родился в 1986 году в Ярославле. Учился в Ярославском техническом университете. Публиковался в журналах «Знание – Сила», «Искатель», «Новый журнал», «Нева», «Смена», «День и Ночь» и других. Автор романа в рассказах «Великий Аттрактор» и сатирического справочника «Это ваше FIDO». Живет в Воронеже.

Сергей Имис (1958–2025) – поэт, прозаик. Учился на филологическом факультете Пермского университета. Автор книги «Игра и сцена. Пьесы и проза» (1999) и вышедшей посмертно книги стихов и прозы «Избранное» (2025).

Владимир Кочнев родился в 1983 году в городе Чайковском Пермского края. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался в альманахах и журналах «Арион», «Урал», «Сибирские огни», «Топос» и др. Автор четырех книг стихов и прозы. Живет в Перми.

Андрей Подушкин (1966–2024) – поэт, участник поэтической группы «Среда» (1995–1997). Окончил Челябинский индустриальный техникум. Публиковался в антологиях «Нестолничная литература», «Антология современной уральской поэзии» (1996); журналах «День и Ночь», «Бельские просторы» и других. Автор нескольких сборников стихов, последний из которых «Индейцы жили в нашем городе» (2024).

Полина Потапова (Черепко) родилась в 1978 году. Филолог, журналист, литературный редактор. Стихи и рассказы публиковались в журналах «Новая реальность», «Уральская новь», «Арион», «Новая Юность», «Дети Ра», «Эмигрантская лира», на портале «45 параллель» и других. Участник второго и четвертого томов «Антологии современной уральской поэзии». Автор нескольких поэтических сборников. Живёт в Челябинске.

Сергей Сигерсон родился в 1968 году в кубанской станице Воронежской. Детство провёл на Колымской трассе. Юность – в разъездах по стране. Зрелость встретил в Перми, где основал арт-группу «ОДЕКАЛ». Печатался в газетах, журналах и сетевых изданиях от «Магаданского комсомольца» до нью-йоркского «Черновика», но предпочитает самиздат. Живет в Перми.

Андрей Сухоруков родился в 2006 году в Перми. Учится в Пермском профессионально-педагогическом колледже по специальности «коррекционный педагог». Публиковался в электронном журнале «Полутона» и журнале «Вещь». Победитель слэма прозаиков на фестивале «Компрос» (2024 году). Живет в Перми.

Андрей Чукашин родился в 1958 году в Перми. Окончил медицинский институт. Специализируется в области психиатрии, наркологии и гипноцелительства. Публиковался в журналах «Уральская новь», «Урал» и «Антологии современной уральской поэзии». Автор книг стихов «Психиатрический пролог» (2004) и «и ЭЮЯ» (2025). Живёт в Челябинске.

**Проект осуществлен при поддержке
Министерства культуры Пермского края**

Вещь: Литературный журнал. – Пермь: Издательство «Сенатор», 2025. – 122 стр.

Редактор:
Павел Чечёткин

Выпускающий редактор:
Юрий Куроптев

Дизайн обложки:
Иван Моисеенко

Верстка, дизайн:
Евгения Тесленко

Корректор:
Наталья Семукова

Иллюстрации на обложке и стр. 1, 3, 5, 17, 60, 80, 84, 89, 93, 99 Артёма Кутергина

Рукописи для публикации принимаются по электронному адресу:
e-mail: senator.perm@gmail.com

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вещь» обязательна.

Тираж 200 экз.

Адрес редакции:
614000, г. Пермь, ул. Луначарского, 21
Тел. (342) 212-32-17
e-mail: senator.perm@gmail.com

© «Вещь», 2025
© Авторы, 2025
© Издательство «Сенатор», 2025

